

Цитаты номера

Преобразования происходили и происходят в армиях других стран, и Министерство обороны России заинтересовано в учете зарубежного опыта реформирования Вооруженных сил с целью не повторять чужих ошибок и использовать все лучшее при осуществлении данного процесса. При этом опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и его адаптации к современным российским реалиям.

Всем современным армиям мира присущи определенные общие черты. Большинство этих черт напрочь отсутствуют в российской армии. Это толкает к крамольной мысли о том, что наша армия выпала из мирового развития. И я предложил просто использовать эти общие черты при строительстве российской армии, вернувшись тем самым в русло мировой военной мысли и практики.

Вооруженный конфликт с Грузией вскрыл целый ряд недостатков в Вооруженных силах России. В ходе боевых операций российская армия полагалась на массированные артобстрелы и авиационные бомбардировки, а не точечные удары – сказалось отсутствие современного вооружения, которое требуется для таких ударов. Серьезной воздушной поддержки сухопутным силам практически не наблюдалось – из-за слабой координации между сухопутными силами и ВВС. Поскольку все вскрывшиеся недостатки не позволяют России полноценно использовать военную мощь как инструмент государственной политики безопасности, вскоре было объявлено о начале радикальной военной реформы.

Созданию и испытаниям *Булавы* не стоило бы уделять столь много внимания, если бы РСМ-56 волею-неволею не превратилась в своеобразный символ новой, постсоветской России. Если бы в ней, в ее успехе или провале, не видели возможности оборонно-промышленного комплекса страны создавать новое стратегическое оружие, способное обеспечить ее безопасность, независимость и суверенитет, а также сохранить за Кремлем его ведущую роль в мировой политике. И поэтому вокруг этого морского ракетного комплекса было так много интриг, скандалов и противоречивых оценок, как на уровне экспертов, так и в правительственных кругах.

Поступательному и устойчивому развитию армии нужна постоянная общественная и экспертная поддержка. И речь, конечно, идет не о безоговорочном согласии со всеми шагами министра, патриотическом воспитании школьников или спонсорских подарках воинским частям. Отношениям армии и общества, а в особенности армии и экономики нужна интеллектуальная подпитка. Сегодня у Вооруженных сил такой поддержки нет, и людей, которые ее могут осуществить, исключительно мало.

Елена Князева

Виталий Шлыков

Марсель де Хаас

Виктор Литовкин

Альберт Зульхарнеев

Российский
журнал
о международной
безопасности

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№1 (96) 2011

Журнал ПИР-Центра политических исследований России

ТЕМА НОМЕРА:

**ВОЕННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ: НОВЫЙ ОБЛИК
ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИИ**

Военная реформа гражданского министра

Новый облик – фантом или вынужденная реальность?

Будущее российских вооружений

Образование – ключевой фактор успеха реформы

Мировой опыт и военное строительство в России

Владимир Верховцев ♦ Олег Газманов ♦ Елена Князева
Игорь Коротченко ♦ Жан Морен ♦ Сергей Пономарев
Дмитрий Рогозин ♦ Марсель де Хаас ♦ Виталий Чуркин
Виталий Шлыков

Журнал ПИР-Центра

ВЕСНА 2011

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ №1 (96), Том 17

2891
1.08.2010

2908
1.09.2010

2918
1.10.2010

2954
1.11.2010

2910
1.12.2010

2945
1.01.2011

Confidential

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited.

This issue is for the personal use only.
Published monthly by Trialogue Company Ltd.

10 января 2011 г.

Источник в Москве сообщает:

ПИР-Центр и Международный клуб Триалог запустили новый информационный проект RUSSIA CONFIDENTIAL.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- аналитическое сопровождение новостей мировой политики;
- информирование читателей об особенностях и нюансах внешней политики России.

В основу сообщений RUSSIA CONFIDENTIAL положены эксклюзивные материалы, переданные в редакцию информаторами из разных городов мира.

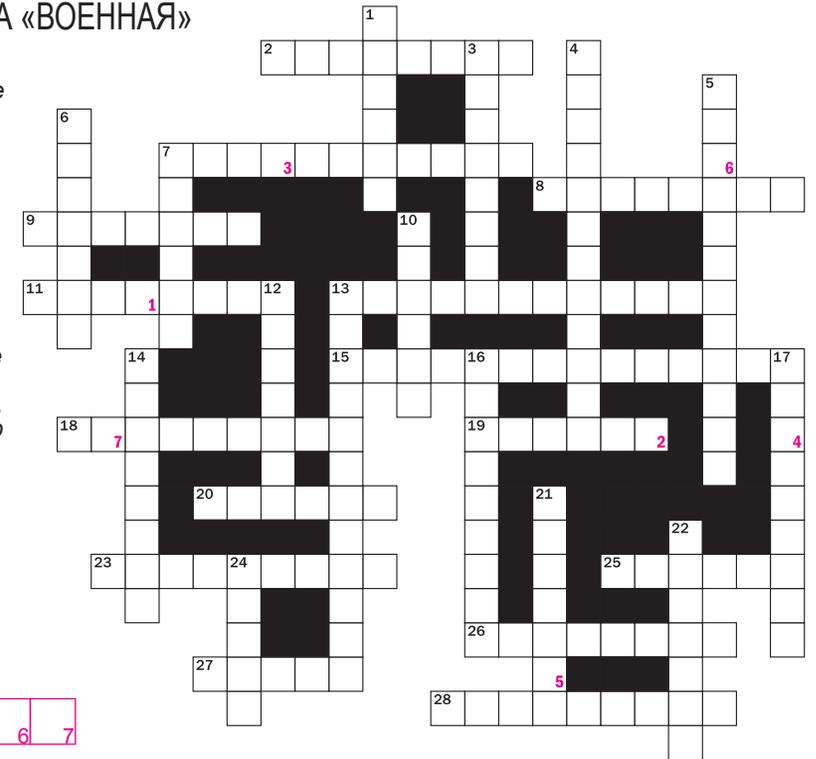
Бюллетень RUSSIA CONFIDENTIAL выходит ежемесячно; рассылка осуществляется по электронной почте членам Международного клуба Триалог.

По вопросам подписки на бюллетень и вступления в Международный клуб Триалог обращайтесь к координатору клуба Александру Колбину по e-mail: kolbin@pircenter.org

**Читайте в январском номере бюллетеня
о тонкостях политики России в Афганистане**

КРЕСТОСЛОВИЦА «ВОЕННАЯ»

Разгаданный кроссворд и ключевое слово направляйте помощнику главного редактора И. Мироновой по электронной почте editor@pircenter.org с пометкой «Security Puzzles». Трое читателей, первыми приславшие в редакцию правильные ответы, получат бесплатную подписку на журнал до конца 2011 г. (3 номера), имена победителей будут опубликованы в следующем номере вместе с правильными ответами.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 2. Центральный орган управления, созданный в 1718 г. Петром I, в ведении которого находились полевая армия, гарнизонные войска и все *воинские дела*. 7. Система комплектования вооруженных сил, при которой воинские части в мирное время состоят из учетного аппарата и небольшого количества командного состава. Основная часть командного состава и рядовые, приписанные к воинским частям по территориальному признаку, проходят военное обучение методом вневойсковой подготовки и на кратковременных учебных сборах. 8. Сокращенное название офицеров вооруженных сил Российской империи, привлеченных на службу в Красную Армию в первые годы советской власти. 9. В каком звании Наполеон Бонапарт был выпущен из Парижской военной школы в 1785 г.? 11. Самая первая пушка (XIV в.), стрелявшая каменными ядрами. Изготавливалась из железных полос и для прочности охватывалась обручами. 13. Название дизель-электрической подводной лодки, заложеной для Черноморского флота в 2010 г. 15. Российское предприятие-производитель железнодорожных цистерн, экскаваторов и танков *T-90*. 18. Прусский генерал и военный реформатор, автор закона о ландвере 1813 г. Под его руководством создавалась *новая прусская армия*. 19. Солдат тяжелой кавалерии, полки которой существовали в России с 30-х гг. XVII в. и набирались преимущественно из наемников-иностранцев. В 1651 г. царь Алексей Михайлович учредил соответствующий приказ, ведающий этими полками. 20. Командующий Черноморским флотом в 1916-17 гг., адмирал, готовивший флот для захвата Константинополя и проливов. 23. Это звание в сухопутных войсках России соответствует званию капитана 1-го ранга ВМФ. 25. Глава комиссии, проводившей военную реформу в СССР в 1924-25 гг., результатом которой стало появление закона об обязательной военной службе. 26. Город в Удмуртии, на главном предприятии которого было освоено производство противотанковых пушек и баллистических ракет. 27. Фигуры высшего пилотажа *Кобра Пугачева* и *Кульбит* впервые были выполнены на самолетах этой марки. 28. Какое звание в переводе с французского означает *заместитель*?

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Самый авторитетный военный России 2010 г. по версии журнала *Русский Репортер*, автор статьи «И танки наши быстры», в которой впервые было раскрыто количество танков, находившихся на вооружении Красной Армии к началу Великой Отечественной войны. 3. Название оперативно-тактического ракетного комплекса, разработанного в Коломенском КБ машиностроения, который может быть использован для доставки тактического ядерного оружия. 4. Какое название получил в 1942 г. инженерный отдел Наркомата внешней торговли СССР, занимавшийся в годы войны поставками по ленд-лизу военной техники из США? 5. В Германии – это Oberstleutnant, в США и Великобритании – Lieutenant Colonel, а как это звание звучит по-русски? 6. Первое звание солдата в армии России и большинства других стран. 7. В ходе текущей военной реформы планируется ликвидировать два воинских звания. Одно из них прапорщик, а второе? 10. Крупнейший российский судостроительный комплекс, готовящий к выпуску АПЛ IV поколения. 12. Звание, в оригинале в переводе с арабского означавшее *повелитель моря*. 13. Название российского многоцелевого боевого корабля класса *Ястреб*, предназначенного для поиска и уничтожения подводных лодок, обеспечения противокорабельной и противолодочной обороны боевых кораблей и судов. 14. Именно это звание носил герой одноименного советского фильма, у которого было семь невест. 16. *Маршал метких стрелков*. 17. Современное название Завода №182 в Дагестане, специализирующегося на разработке и производстве морского подводного оружия для ВМФ. 21. Воин Древней Византии, задача которого состояла в том, чтобы следовать за боевым порядком и эвакуировать раненых с поля боя. 22. Что означает литера «К» на погонах? 24. Единица военно-административного деления, введенная в России в ходе военной реформы в 1864 г.

Б
Е
З
Л
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И
И

Научно-практический
журнал ПИР-Центра
(Центра политических
исследований России)

Выходит четыре раза
в год на русском
и английском языках

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 1 (96), Том 17
Весна 2011

Редакционная коллегия

Владимир А. Орлов – главный редактор
Сергей Б. Брилев
Владимир З. Дворкин
Дмитрий Г. Евстафьев
Василий Ф. Лата
Евгений П. Маслин
Азер А. Мурсалиев
Сергей Э. Приходько
Николай Н. Спасский
Екатерина А. Степанова
Юрий Е. Федоров
Антон В. Хлопков
Константин фон Эггерт
Михаил В. Якушев

Москва • Женева • Монтерей

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г. выходил под названием *Ядерный Контроль*.
Выходит четыре раза в год на русском и английском языках.
Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-26 089 от 9 ноября 2006 г.

Учредитель

ПИР-Центр (Центр политических исследований России)

Ксения А. Дмитриева, специалист по работе с интернет-представительством
Геннадий М. Евстафьев, генерал-лейтенант, старший вице-президент
Андрей В. Загорский, к.и.н., член Совета
Вячеслав А. Зайцев, главный бухгалтер
Альберт Ф. Зульхарнеев, директор Образовательной программы
Галия Р. Ибрагимова, консультант
Наталья И. Калинина, д.м.н., член Совета
Мargarита С. Ключкова, стажер
Вадим Б. Козюлин, к.п.н., директор Проекта по обычным вооружениям
Александр С. Колбин, стажер
Василий Ф. Лата, генерал-лейтенант, консультант
Евгений П. Маслин, генерал-полковник, член Совета
Владимир А. Мау, д.э.н., член Совета
Ирина Ю. Миронова, помощник главного редактора журнала
Индекс Безопасности
Владимир А. Орлов, к.п.н., президент Центра и член Совета
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания журнала
Индекс Безопасности
Дмитрий В. Поликанов, к.п.н., вице-президент, председатель Международного клуба *Триалог*
Евгений А. Попов, специалист по информационным системам
Уильям Поттер, д-р, проф., член Совета
Галина Д. Рассказова, бухгалтер
Юрий А. Рыжов, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета
Константин А. Сириков, менеджер по распространению периодических изданий
Любовь А. Солдаткина, помощник президента
Екатерина А. Степанова, к.и.н., член Совета
Надежда Б. Теллер, редактор электронных бюллетеней *Ядерный Контроль* и *Вена+Женева*
Иван В. Трушкин, координатор программы «Ядерное нераспространение и Россия»
Юрий Е. Федоров, к.и.н., член Совета
Юрий А. Юдин, консультант Европейского отделения ПИР-Центра в Женеве
Михаил В. Якушев, председатель Совета Центра
Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

№ 1 (96), Том 17
Весна 2011

Редакция

Владимир А. Орлов, главный редактор [orlov@pircenter.org]
Ирина Ю. Миронова, помощник главного редактора [editor@pircenter.org]
Евгений Н. Петелин, редактор международного издания [petelin@pircenter.org]
Татьяна Ю. Котелкина, технический редактор
Евгения А. Бакаева, корректор
Галина Д. Рассказова, бухгалтерия
Константин А. Сириков, распространение

Представители журнала

Алма-Ата: Даурен Абен
Атланта: Инна В. Баранова
Бишкек: Нурия А. Кутнаева
Владивосток: Вадим С. Гапоненко
Вена: Надежда Б. Теллер
Киев: Сергей П. Галака
Монтерей: Никита В. Перфильев
Нижний Новгород: Михаил И. Рыхтик
Прага: Юрий Е. Федоров
Санкт-Петербург: Анастасия А. Малыгина
Ташкент: Галия Р. Ибрагимова
Токио: Тайсуке Абиру
Томск: Лариса В. Дериглазова
Тюмень: Сергей В. Кондратьев

Контактная информация

Адрес для писем:
Россия, 119019, Москва, а/я 147
Редакция *Индекса Безопасности*
Телефон редакции:
+7-495-987-1915 (многоканальный)
Факс: +7-495-987-1914

Интернет-представительство: <http://si.pircenter.org>

Подписка:

- по России и СНГ: Роспечать (см. с. 172)
- по всему миру: ООО *Триалог* (см. стр. 102), <http://pircenter.org/club>
- по всему миру: East View Information Services, <http://www.eastview.com/>
- международное издание: Routledge (Taylor & Francis Group), <http://www.tandf.co.uk/journals>

Редакционная политика

- Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения Издателя
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения Редакции и являются исключительно взглядами авторов

Тираж (российское и международное издания) 2000 экз. Подписано в печать 18 января 2011 г.

Отпечатано в издательстве «Права человека» по заказу ПИР-ПРЕСС

© ПИР-Центр, 2011

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **Новый облик Вооруженных сил: фантом или вынужденная реальность** – «Удивительное дело, российская армия стала источником не только плохих новостей, – пишет в редакционной статье член редколлегии журнала *Индекс Безопасности* **Дмитрий Евстафьев**. – Надо иметь в виду, что *реформа Сердюкова* не направлена в своей основе на укрепление военного потенциала нашей страны. *Реформа Сердюкова* направлена, во-первых, на то, чтобы спасти от развала то, что еще можно спасти, и, во-вторых, на то, чтобы навести в армии элементарный порядок».
Ключевые слова: *российская армия, военная реформа, цели реформы.*

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О войне**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Елена Князева: «Опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и адаптации к современным российским реалиям»** – В чем состоит международное измерение военной реформы в России? Какую роль играют эксперты Министерства обороны РФ в разработке и совершенствовании международной договорной базы? Исполняющая обязанности начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ Елена Князева отвечает на эти и другие вопросы.
Ключевые слова: *военная реформа, международное военно-техническое сотрудничество.*
- 12 **Сергей Пономарев: «Ракетно-космический потенциал позволяет решать стратегические задачи»** – Какие задачи стоят в настоящий момент перед ракетно-космической отраслью? С какими сложностями сталкивается Россия в разработке и производстве новых аппаратов? Каков баланс между военной и гражданской космической программами? Заместитель руководителя Федерального космического агентства Сергей Пономарев делится своими соображениями.
Ключевые слова: *реструктуризация ракетно-космической отрасли, ГЛО-НАСС, малый бизнес в космической деятельности.*
- 15 **Дмитрий Рогозин: «Четвертая идеология»** – Каково будущее Совета Россия–НАТО? Есть ли у России с Альянсом перспективы военно-технического сотрудничества? Какую роль играют европейские члены НАТО в формировании ПРО на континенте? Постоянный представитель РФ при НАТО Чрезвычайный и Полномочный посол Дмитрий Рогозин отвечает на вопросы редакции.
Ключевые слова: *совет Россия–НАТО, ДЕБ, военно-техническое сотрудничество.*
- 29 **Виталий Чуркин: «Центральная задача всех миротворцев остается неизменной»** – Какие формы миротворчества доминируют на настоящий момент в рамках ООН? Насколько активно и в какой форме Россия участвует в миротворческих операциях ООН? На эти вопросы отвечает Постоянный представитель РФ при ООН и Представитель РФ в Совете Безопасности ООН Виталий Чуркин.

Ключевые слова: миротворческие операции ООН, Россия в миротворческой деятельности, ООН и ОДКБ.

Т Е М А Н О М Е Р А : Д О С Ь Е

- 33 **Военная реформа 2008–2020: цифры и факты.** Реформа затрагивает все функциональные основы Вооруженных сил РФ – численность состава, органы центрального военного управления, организационно-штатную структуру и систему подготовки офицеров. ПИР-Центр подготовил развернутый справочно-аналитический материал о первых результатах реформы. Корреспондент *Индекса Безопасности* провел блиц-интервью с членами Общественного совета при Министерстве обороны РФ **Олегом Газмановым, Александром Каньшиным, Александром Макеевым и Валентиной Мельниковой.**
Ключевые слова: военная реформа, военно-административное деление, структура ВС, гособоронзаказ, иностранные закупки ВВТ, комплектование.

А Н А Л И З

- 57 **Игорь Коротченко. Новый облик Вооруженных сил РФ становится реальностью** – Хотя в войне с Грузией в августе 2008 г. была одержана победа, российская армия во многом продолжала оставаться калькой с советской армии: громоздкая организационно-штатная структура, огромное количество кадрированных частей, явный переизбыток офицерского состава и генералитета. Однако за последние два года удалось сделать больше, чем за всю историю постсоветской России.
Ключевые слова: военная реформа, военно-административное деление, комплектование.
- 61 **Анатолий Анин, Родион Аюмов. ДОВСЕ – вчера, сегодня... Завтра?..** – Современному европейцу вопрос об адаптации ДОВСЕ кажется периферийным хотя бы потому, что широкомасштабный военный конфликт на континенте воспринимается как кошмар военных планировщиков эпохи холодной войны, совершенно невозможный в наши дни. Между тем, попытки военно-силового решения проблем остаются реальностью и в Европе.
Ключевые слова: история переговоров по ДОВСЕ, адаптация ДОВСЕ.
- 77 **Владимир Верховцев. Обеспечение безопасности ядерного оружия – одна из главных задач национальной безопасности** – Наличие в распоряжении государства ядерного арсенала стало не только фактором устрашения, но и гарантом собственной безопасности его обладателя. При этом обеспечение сохранности ядерного арсенала – также ключевая задача. Как она решается в России?
Ключевые слова: ядерный арсенал России, безопасность хранения, кадровая политика.
- 85 **Марсель де Хаас. Российская военная реформа – успех или провал?** – Каков будет сценарий, если, несмотря на все проблемы, России удастся провести запланированные реформы и хотя бы частично добиться поставленных целей? Тот уровень боеспособности армии, которого Россия рассчитывает достичь, даст ей возможность для проецирования военной мощи на региональном уровне.
Ключевые слова: реструктуризация Вооруженных сил, Государственная программа вооружений, российско-грузинский конфликт.
- 93 **Андрей Фролов. Будущее российских вооружений** – Государственная программа вооружений является основным документом, задающим планку технологических решений на долгосрочную перспективу. Хотя традиционные риски неисполнения новой программы остаются, сам факт начала работ над ГПВ-

2020 говорит о постепенной выработке долгосрочного и системного подхода к развитию Вооруженных сил.

Ключевые слова: Государственная программа вооружений, ОПК.

- 103 **Жан Морен. Двадцатилетний опыт реформ французских Вооруженных сил** – Трансформацию можно интерпретировать как внедрение новых технологий. Однако новые технологии сами по себе не смогут решить настоящие и будущие проблемы. Улучшенная и обновленная доктрина, образование и подготовка – эффективный, и часто более доступный путь к трансформации.

Ключевые слова: военная реформа во Франции, организация французской системы обороны.

- 113 **Василий Лата, Владимир Мальцев. ПРО: искусственный тупик или окно возможностей во взаимоотношениях НАТО-Россия?** – Решение о временном прекращении работ по развертыванию ПРО в Европе преподносится как разумный политический шаг в условиях обеспокоенности России созданием вблизи своих границ стратегического объекта США. Но это решение является одним из элементов продвижения очередного варианта системы стратегической ПРО, считают ведущие российские эксперты в области ПРО.

Ключевые слова: оборонная политика США, новая архитектура ПРО.

- 123 **Евгений Мясников. Стратегические вооружения в неядерном оснащении: проблемы и решения** – Россия и США расходятся в понимании того, как стратегические неядерные вооружения влияют на стратегическую стабильность. При этом стратегические неядерные вооружения обладают контрсилловым потенциалом, а следовательно, могут оказывать влияние на стратегический баланс сил США и РФ.

Ключевые слова: новый Договор СНВ, виды стратегических неядерных вооружений.

К Р У Г Л Ы Й С Т О Л

- 131 **Урс Зулзер, Жан Морен, Виталий Шлыков. Мировой опыт и военная реформа в России** – В чем состоят основные проблемы военного реформирования России? Как может быть использован мировой опыт для решения задач военного строительства в России? – Эти вопросы обсуждались в ходе мозгового штурма в стенах ПИР-Центра.

Ключевые слова: международный опыт военного реформирования.

К О М М Е Н Т А Р И Й

- 137 **Виктор Литовкин. Булава надежды** – Созданию и испытаниям Булавы, наверное, не стоило бы уделять столь много внимания, если бы она не превратилась в своеобразный символ новой России, если бы в ее успехе или провале не видели возможности ОПК страны создавать новое стратегическое оружие, способное сохранить за Кремлем его ведущую роль в мировой политике.

Ключевые слова: Булава, МИТ, КБ им. Матвеева, состояние российского ОПК.

- 143 **Вадим Козюлин. ОПК: рецепты реинкарнации** – Российская армия нуждается в зарубежных военных технологиях и иностранном вооружении. Если Россия начнет военно-техническое сотрудничество с Западом, то это позитивно скажется на политических отношениях с европейскими странами, поможет быстро наверстать технологическое отставание, позволит вооружить российскую армию самым современным оружием, ускорит модернизацию оборонки.

Ключевые слова: перспективы закупок вооружений, лицензии на производство иностранных вооружений.

- 149 **Альберт Зулхарнеев. Кадровый резерв для военной реформы гражданского министра** – Поступательному и устойчивому развитию армии нужна по-

стоянная общественная и экспертная поддержка. Отношениям армии и общества, а в особенности армии и экономики нужна *интеллектуальная подпитка*. Сегодня у Вооруженных сил такой поддержки нет, и людей, которые ее могут осуществить, исключительно мало.

Ключевые слова: *роль образования в реформировании, армия и гражданское общество.*

О Б З О Р Ы М И Р О В Ы Х П Р О Ц Е С С О В

- 157 **Галия Ибрагимова. Индекс iSi 2010: Итоги года.** Землетрясения на Гаити, в Китае, Чили, наводнение в Пакистане, извержение вулкана в Исландии, жара и засуха в России... В 2010 г. природа внесла свой вклад в динамику безопасности в мире.

Ключевые слова: *Афганистан–Пакистан, Ближний Восток, Корейский полуостров, Иран, ядерная безопасность.*

С Т Р А Н И Ц Ы И С Т О Р И И

- 167 **Виталий Шлыкков. Как это было в Америке** – Возможно ли в принципе появление в России контрактной армии в обозримом будущем? Ответить на него может помочь знакомство с почти 40-летним опытом строительства такой армии в Америке.

Ключевые слова: *комплектование армии по контракту..*

Б И Б Л И О Т Е К А

- 173 **Павел Лузин. В поисках гения войны.** «Так исторически сложилось, что нововведения в вооружении и оснащении войск, равно как и в тактике ведения боя, существенным образом меняли характер войн. В свою очередь эти перемены влияли на распределение власти в мире и даже на политическое устройство самих государств. Однако сегодня приобретение передового оружия для современной армии – это едва ли полдела. Все упирается в создание информационных и организационных алгоритмов».

Ключевые слова: *революция в военном деле, культура военных инноваций, высокотехнологичная война.*

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 177 **Альберт Зулхарнеев, Галия Ибрагимова, Маргарита Клочкова, Вадим Козюлин, Александр Колбин, Иван Трушкин** – сотрудники и стажеры ПИР-Центра готовят обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 185 **Владимир Казарин.** Миф Севастополя: смена парадигмы.

- 187 SUMMARY

- 193 ОБ АВТОРАХ

- 196 ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

- 199 СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

- 200 МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

ГОЛОВОЛОМКИ БЕЗОПАСНОСТИ

НОВЫЙ ОБЛИК ВООРУЖЕННЫХ СИЛ: ФАНТОМ ИЛИ ВЫНУЖДЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Удивительное дело, российская армия стала источником не только плохих новостей. Уже объявлено, что формирование нового облика Вооруженных сил *в целом* закончено (какое хитрое слово *в целом*: оно подразумевает отсутствие вопросов про *частности*, хотя вопросы эти вроде бы куда не делись). Удачное испытание стратегической ракеты *Булава* после череды неприятных неудач стало очень эффектной *запятой* в долгой и не слишком удачной истории реформирования Вооруженных сил последнего времени.

Наверное, наши Вооруженные силы заслужили этот успех. Хотя в то же время понятно, что он решает только частные, порой бюрократические задачи, оставляя в стороне куда более важные вопросы о том, зачем России в принципе нужен ядерный потенциал и каким он должен быть, чтобы соответствовать реальным потребностям страны. В конечном счете, та же *Булава* рассчитана на поддержание стратегического равновесия с США, что, конечно, дело хорошее, но не является первой необходимостью. Гораздо важнее понимать реальные возможности нашей страны с точки зрения тактического ядерного оружия. А вот поддержание в боеспособном положении сил общего назначения, напротив, смело может быть отнесено к ближайшим приоритетам. И оценивать эффективность и результативность военной реформы, наверное, надо именно с этой точки зрения.

В принципе, ничего неожиданного *реформа Сердюкова* в себе не несла. Более того, назовем вещи своими именами: *реформа Сердюкова* представляет собой процесс окончательной демобилизации остатков Советской Армии (готовившейся к войне в Европе со всеми вытекающими отсюда последствиями, и, напомним, без особых моральных издержек изменившей присяге на верность советской власти) и сброса накопившегося в Вооруженных силах генеральско-офицерского балласта. Балласта, который был активно неспособен ни к какой продуктивной военно-силовой деятельности.

Решение сбросить балласт через масштабную реорганизацию было по-аппаратному мудрым и, вероятно, в среднесрочной перспективе оправданным, тем более что существующие на бумаге дивизии на деле представляли собой максимум если полки. Поэтому бригадная форма организации остатков воинства – это, как говорится, на вырост, полноценных по боевым свойствам бригад в нашей армии, думаю, нет до сих пор.

Однако надо иметь в виду, что *реформа Сердюкова* не направлена в своей основе на укрепление военного потенциала нашей страны. *Реформа Сердюкова* направлена, *во-первых*, на то, чтобы спасти от развала то, что еще можно спасти, и, *во-вторых*, на то, чтобы навести в армии элементарный порядок. Второе, если судить по постоянным сообщениям о столкновениях на межнациональной почве, получается откровенно неважно, однако пер-

вая задача выполнена, а возможно, даже перевыполнена. Как водится в России, с грязной водой выплеснули много чего хорошего, однако что сделано – то сделано.

Но один вопрос тревожит меня больше всего: а армия ли это? Иными словами – является ли это сообщество молодых людей, соблюдающих режим дня, включая *тихий час*, служащих вблизи своего дома (надо полагать, следующим шагом нашего военного руководства будет перевод срочников на *домашний режим*, то есть разрешение им ночевать дома, а на службу приходиться к 8.30 утра), освобожденных от наряда по кухне и имеющих доступ в интернет, той силой, которая в случае надобности пойдет убивать и умирать за интересы государства и по его приказу? А это одна из тех *частностей*, которые могут поставить под вопрос успех реформы *в целом*. В свое время Льва Мехлиса, посетившего боевые порядки советских войск, только что сдавших Минск (напомню, на седьмой день войны), поразил вид спящих после обеда бойцов, в то время как немцы осуществляли перегруппировку сил. *Тихий час* – объяснили ему подоспевшие командиры. Характер у Льва Захаровича был, прямо скажем, не сахар, но, думается, для *оргвыводов* у него в данном случае были основания.

Теперь, прежде чем вы приступите к чтению номера, в значительной степени посвященного вопросам *нового облика* российских Вооруженных сил, я задам несколько вопросов по *частностям* развития этого нового облика.

Имеются ли у военного руководства России какие-либо новые взгляды на будущее бронетанковых войск? Дело здесь не только в том, что по части танков мы отстали от Запада лет на пятнадцать. Дело в том, что вся система бронетанкового вооружения, характерная для времен холодной войны, себя изжила, и это касается не только России. А вот способна ли современная российская военная элита *выдать на гора* новую концепцию боевого применения бронетехники и соответствующий ей заказ на новые образцы такой техники – большой вопрос.

Как обстоит дело с созданием перспективного многоцелевого вертолетного комплекса? Конечно, *Черная акула*, *Аллигатор* и прочие образцы вертолетной техники, которые вроде бы начали поступать на вооружение российской армии, – дело хорошее. Однако, во-первых, этим машинам уже по 20–25 лет и даже с учетом пресловутой *глубокой модернизации* они уже морально устарели. А во-вторых, и в-главных, вертолетный комплекс есть система взаимодополняющих машин, призванных выполнять различные задачи на поле боя.

Имеются ли планы развития мобильного компонента сил общего назначения? Пока от всего, что исходит от нашего военного руководства, веет глубоким презрением к мобильному компоненту. Но, может быть, я ошибаюсь?

Как обстоят дела с созданием перспективного ударного авиационного комплекса? Конечно, на разных авиасалонах нас периодически поражают то *невидимками*, то самолетами, способными выполнять немислимые фигуры. Но вообще-то российским ВВС, с учетом общей военно-политической ситуации, нужно совсем другое: самолет средней дальности, носитель дальнобойного высокоточного оружия – крылатых ракет оперативно-тактической дальности. И, кстати, неплохо было бы получить и самолет непосредственной поддержки войск, поскольку Су-25 устарел еще в момент постановки на вооружение, а это было больше 30 лет назад. Пора бы...

Какие планы у военного руководства есть в отношении развития сержантского корпуса? Мы ведь понимаем, что в условиях перехода на один год службы реально боееспособными станут полностью кадровые подразделения, а номинальная боееспособность остальных будет поддерживаться только за счет сильных сержантов. А их нужно готовить, воспитывать и поднимать их статус.

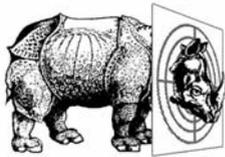
Есть ли у военного руководства России видение обновленной системы взаимоотношений с российским ВПК, или же оно будет уповать и далее на возмож-

ность закупки боевой техники за рубежом и отверточную сборку? У российского ВПК осталось максимум семь–восемь лет в запасе, после чего деградация (особенно по обычным вооружениям) станет необратимой. Такая угроза уже возникала. Инициатива реформирования ВПК под конкретные задачи и конкретные угрозы всегда исходила от военного ведомства. А как будет на этот раз?

А пока мы ждем ответы на эти вопросы, скажу одно: уверен, что формировать новый облик Вооруженных сил пора заканчивать. Пора начинать их укрепление. Самое время.

Дмитрий Евстафьев
Член Редакционной коллегии

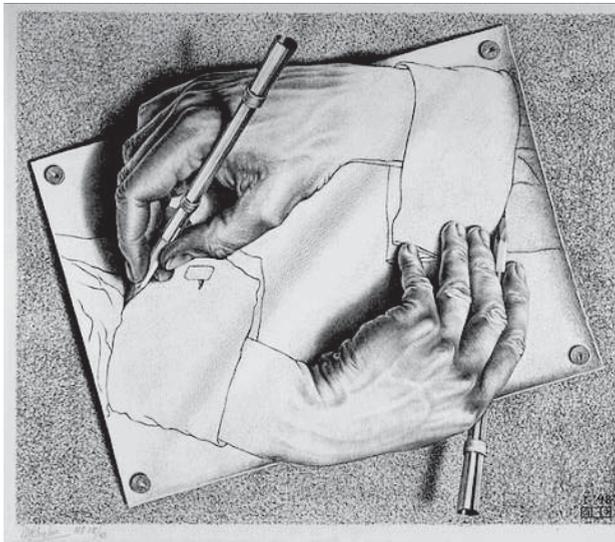

В ДЕСЯТКУ: О ВОЙНЕ

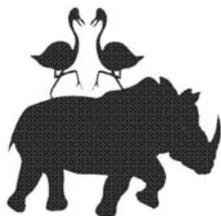
«Civilian philosophers, publicists, academicians, not soldiers, have been the romanticizers and glorifiers of wars. Military force as such does not cause wars. The state which desires peace must be well armed to enforce its desire. Weak states invite attack. The tendency of the civilian politician is to court popular favor by curbing the arms budget and simultaneously pursuing an adventurous foreign policy. The military man opposes both tendencies. [...] Believing in the ultimate inevitability of war, he raises the strongest voice against immediate involvement in war».

Samuel Huntington

«Гражданские философы, журналисты, ученые, а не солдаты романтизировали и прославили войну. Вооруженные силы сами по себе не вызывают войн. Государство, которое желает мира, должно быть хорошо вооружено, чтобы обеспечить это свое желание. Слабые государства провоцируют нападение. Гражданский политик обычно стремится добиться популярности за счет сокращения военного бюджета и одновременного проведения рискованной внешней политики. Военный противится обеим этим тенденциям. [...] Будучи уверен в том, что война, в конце концов, является неизбежной, он громче всех выступает против немедленного участия в войне».

Самюэль Хантингтон

Елена Князева:

«ОПЫТ ИНОСТРАННЫХ АРМИЙ МЫ ИЗУЧАЕМ НЕ С ЦЕЛЬЮ КОПИРОВАНИЯ, А ДЛЯ АНАЛИЗА И АДАПТАЦИИ К СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ РЕАЛИЯМ»

Военная реформа в России направлена на построение нового облика Вооруженных сил. В чем состоит международное измерение реформы? Как будут развиваться отношения России с США, Францией, странами СНГ, Североатлантическим альянсом? Какую роль играют эксперты Министерства обороны России в разработке и совершенствовании международной договорной базы? Каким образом все это может отразиться на ходе военной реформы в России?

Исполняющая обязанности начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны (ГУ МВС МО РФ) полковник Елена Князева ответила на вопросы главного редактора журнала Индекс Безопасности Владимира Орлова.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как используется зарубежный опыт реформирования Вооруженных сил в военной реформе России?

КНЯЗЕВА: В Вооруженных силах РФ происходят серьезные преобразования, меняется состав, оптимизируется структура, при этом сокращается количество уровней управления и происходят качественные структурные преобразования самих органов военного управления, а также исключается дублирование и перераспределяются задачи и функции органов военного управления.

Схожие преобразования происходили и происходят в армиях других стран, и Министерство обороны заинтересовано в учете зарубежного опыта реформирования Вооруженных сил с целью не повторять чужих ошибок и использовать все лучшее при осуществлении данного процесса.

Одной из задач ГУ МВС МО РФ является сбор и обобщение информации по опыту реформирования вооруженных сил зарубежных стран. В первую очередь, для Минобороны России ценна информация, касающаяся такого опыта в сфере социальной защиты военнослужащих, опыта подготовки и работы с кадрами.

Мы внимательно изучаем зарубежный опыт. У нас хорошие взаимоотношения с рядом зарубежных стран, таких как Германия, Израиль, Франция, Италия, Финляндия; там наши представители получили хороший опыт. Кроме того, после визита министра обороны РФ А.Э. Сердюкова в США произошли серьезные подвижки в области обмена опытом между нашими странами. Министр обороны США Роберт Гейтс обещал максимальную открытость и предоставление любой информации, касающейся реформ в ВС Соединенных Штатов.

Опыт иностранных армий мы изучаем не с целью копирования, а для анализа и его адаптации к современным российским реалиям.

О
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Из позитивного, что может быть приведено в пример, – организация системы подготовки сержантского состава, использование системы аутсорсинга для изъятия из практики российской армии несвойственных функций.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В своем недавнем выступлении Андерс Фог Расмуссен отметил, что ПРО – это одна из наиболее перспективных областей сотрудничества НАТО и России. Вы бы согласились с такой оценкой? Какие области в настоящее время преобладают в сотрудничестве Россия–НАТО? Как отразится принятие новой стратегической концепции Альянса на дальнейшем развитии отношений?

КНЯЗЕВА: Мы позитивно оцениваем итоги саммита НАТО и последующего заседания Совета Россия–НАТО. Важным является преодоление пережитков холодной войны, Россия больше не является противником Альянса. Для деятельности ГУ МВС это означает новый этап в формах и методах организации работы. Первый шаг в данном направлении был сделан в мае 2010 г., было возобновлено сотрудничество между Россией и НАТО. Заявления, сделанные после саммита, проходившего в Лиссабоне, – это еще один шаг в сторону развития взаимовыгодного сотрудничества и, надеюсь, не последний.

Сотрудничество Россия–НАТО осуществляется по ряду приоритетных направлений: борьба с терроризмом, борьба с пиратством, распространением оружия массового уничтожения и построение европейской ПРО (ЕвроПРО).

Особое внимание хотелось бы обратить на проблему ЕвроПРО, в отношении которой у России остались некоторые вопросы; помочь разрешить эти вопросы могли бы предложения президента РФ Д.А. Медведева, озвученные на саммите в Лиссабоне. Эти предложения могли бы не только снять проблемные моменты, но и создать условия взаимодействия по другим направлениям, включая техническое сотрудничество.

Надеемся, что НАТО оценит важность данных предложений, и в ходе дальнейшего сотрудничества будут устранены имеющиеся разногласия. Кроме того, министром обороны России перед экспертами поставлены четкие задачи: разъяснить техническую суть предложений, разработать план совместных действий, реализовать намеченные планы таким образом, чтобы нейтрализация ракетных угроз была снята с повестки обсуждения вопросов европейской безопасности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Станут ли ограниченные закупки военной техники с целью изучения новых технологий обычной практикой при осуществлении военно-технического сотрудничества Министерства обороны России с зарубежными партнерами? В чем состоят причины активного расширения российско-французского сотрудничества в оборонной сфере в 2010 г. (закупка вертолетоносцев *Mistral*, экипировки *FELIN*)?

КНЯЗЕВА: Одним из элементов преобразований, проводимых в ВС РФ, является их оснащение новыми образцами снаряжения, вооружения и военной техники (ВВТ). Минобороны России заинтересовано в получении новых образцов ВВТ, превосходящих не только существующие у нас, но и принимаемые на вооружение в других странах по критерию «эффективность–стоимость». Поэтому проводится детальный анализ и сравнение всех образцов ВВТ, как отечественных, так и зарубежных, после чего принимается решение о закупке тех или иных образцов.

Что касается российско-французских отношений в области вооружений, то это продолжение опыта давних лет. Известно, что Россия производила закупки французских ВВТ еще до Первой мировой войны. Сегодня речь идет не только о поставках, но и об организации совместного производства. Кроме того, Франция является далеко не единственным партнером России в данной области.

Вопросы ВТС достаточно деликатные, и мы в их обсуждение углубляться не будем. Хотелось лишь подчеркнуть, что при принятии решений о закупках учитываются интересы не только Вооруженных сил и оборонно-промышленного комплекса, но и государства в целом.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каковы основные векторы сотрудничества России и США в военно-технической области? Как Вы оцениваете перспективы реализации сотрудни-

чества по таким направлениям, как связь в качестве технической основы автоматизированной системы управления, информационные технологии, высокоточное оружие?

КНЯЗЕВА: Серьезной вехой в развитии отношений между Россией и США является визит министра обороны А.Э. Сердюкова в США. Во многом это событие было знакомым, так как позволило перевести сотрудничество на новый уровень. Такой переход осуществился и благодаря личному вкладу министров обороны России и США, которые руководствовались *генеральной линией переагрузки* отношений между нашими странами, заявленной президентами России и США. На основе принятых решений происходит развитие отношений по широкому спектру вопросов, включая ВТС.

Не секрет, что основной преградой развития отношений между нашими странами в настоящее время является отсутствие правовой основы, регламентирующей эти взаимоотношения. Так, экспорт из США вооружения и технологий, связанных с их производством, имеет множество законодательных ограничений. Кроме того, дух холодной войны до сих пор оказывает влияние на умы многих законодателей в США. Примером может служить ситуация с ратификацией нового Договора СНВ, который по политическим причинам долгое время не мог получить одобрение Сената. Поэтому правовой основой ВТС должно быть двухстороннее соглашение, определяющее весь порядок организации взаимодействия, обязанности сторон, участвующих в обмене интеллектуальной собственностью, чувствительной и секретной информацией.

Работа по подготовке такого соглашения ведется соответствующими ведомствами двух стран и, при наличии доброй воли сторон, будет успешно завершена.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Сегодня бытует мнение, что военное сотрудничество России со странами СНГ *сошло на нет*. Каковы перспективы создания системы обмена информацией об излишках вооружений и военной техники между странами СНГ? Каково реальное положение вещей в области военного сотрудничества со странами СНГ?

КНЯЗЕВА: ВТС со странами СНГ развивается, хотя и не в прежних масштабах. Все мероприятия, запланированные как на двухсторонней основе, так и в рамках самого СНГ, а также в рамках других форумов, куда входят страны бывшего Советского Союза, проходят на плановой основе. Как и во всех международных отношениях, в ВТС со странами СНГ бывают периоды интенсификации и периоды спада, но, в целом, тенденция носит позитивный характер.

Хотелось бы отметить, что достигнутые соглашения по Черноморскому флоту между Украиной и Россией укрепили наше военно-техническое сотрудничество и сняли ряд напряженных проблем, существовавших между нашими военными ведомствами. Не менее позитивный характер в данной сфере носят взаимоотношения России с Казахстаном, Арменией, Азербайджаном. С Белоруссией имеется опыт проведения учений с привлечением разнородных сил и средств, в ходе которых отработаны вопросы совместного управления войсками.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: У Министерства обороны имеются программы заграничных командировок для сотрудников; кроме того, есть программы обучения иностранных военнослужащих в высших учебных заведениях Министерства обороны. В каких областях преимущественно происходит международное сотрудничество в сфере образования? Какие страны являются основными партнерами России в таком сотрудничестве?

КНЯЗЕВА: ГУ МВС – основной орган военного управления, ответственный за координацию международной деятельности в Минобороны России. При этом мы используем системный подход, включающий планирование данной деятельности, подготовку делегаций и учет результатов для последующей работы.

Планируются как двухсторонние мероприятия, так и мероприятия, проводимые в рамках международных организаций, таких как ОДКБ, ШОС, НАТО, а также мероприятия по осуществлению миротворческой деятельности в рамках ООН.

Одним из элементов осуществления международной деятельности является обучение специалистов. На сегодняшний день приоритетом является языковая подготовка спе-

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

циалистов и увеличение количества специалистов, владеющих иностранными языками на профессиональном уровне. В данном направлении мы тесно взаимодействуем с коллегами из КНР, Иордании, Германии, Канады и ряда других стран, которые с готовностью откликаются на наши запросы. Со своей стороны обучаем иностранных специалистов русскому языку. В настоящее время программа обмена по линии военного образования расширяется, решается вопрос отправки слушателей в учебные заведения ряда государств.

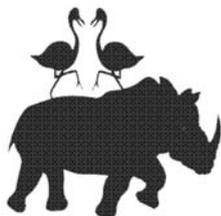
Кроме того, министром обороны России поставлена задача существенно повысить уровень подготовки специалистов-международников, в связи с чем специалисты ГУ МВС принимают участие в различных образовательных программах.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какую роль играют эксперты Министерства обороны РФ в разработке и совершенствовании международной договорной базы (новый Договор СНВ, ДОВСЕ)?

КНЯЗЕВА: Если говорить о СНВ и ДОВСЕ, то эти вопросы находятся под личным контролем министра обороны.

Одним из основных органов военного управления, осуществляющих международную деятельность по подготовке к заключению международных договоров, является ГУ МВС. В управлении существует многолетняя *школа* по подготовке специалистов-международников, способных не только принять участие в работе по подготовке международных договоров, но и возглавить делегацию.

Так, в разработке Договора СНВ наряду с экспертами МИД России, *Росатомы* и федеральных органов исполнительной власти принимали участие специалисты ГУ МВС, а также других структур военного управления. Вклад военных в разработку Договора СНВ является значительным – это разработка всех количественных показателей, использованных для целей данного Договора, которые непосредственно затрагивают интересы Минобороны России. От уровня подготовки специалистов зависит проведение позиции нашего оборонного ведомства при выработке соглашений по тому или иному вопросу. 🐘

Сергей Пономарев:

«РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЗВОЛЯЕТ РЕШАТЬ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ»

Россия обладает уникальным ракетно-космическим потенциалом. Какие задачи стоят в настоящий момент перед ракетно-космической отраслью? С какими сложностями сталкивается Россия в разработке и производстве новых аппаратов? Каков баланс между военной и гражданской космическими программами? Состоится ли в обозримом будущем экспедиция на Марс?

Заместитель руководителя Федерального космического агентства Сергей Пономарев ответил на вопросы помощника главного редактора журнала Индекс Безопасности Ирины Мироновой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько существующая в России ракетно-космическая отрасль отвечает современным требованиям и угрозам и нуждается ли она в реструктуризации?

ПОНОМАРЕВ: Россия является одной из немногих стран мира, создавших уникальный ракетно-космический потенциал, позволяющий решать стратегические задачи совершенствования и развития ракетно-космической техники в интересах безопасности, социально-экономического развития страны, науки и международного сотрудничества, обеспечения гарантированного доступа и необходимого присутствия России в космическом пространстве. Базовым элементом этого потенциала является ракетно-космическая промышленность, которая отличается наукоемкими, высокотехнологичными производственными процессами и создаваемыми изделиями. Кроме того, данная отрасль обладает высокими инновационными возможностями, эффективная реализация которых способна оказать существенное влияние на развитие экономики России, а также способна противостоять вызовам и угрозам внешнего и внутреннего характера.

После сложных 1990-х гг. в ракетно-космической промышленности сформирована устойчивая тенденция укрепления научного, производственно-технологического и кадрового потенциалов. Однако имеются и проблемы, во многом общие с другими отраслями отечественного ОПК. Явно недостаточной остается инновационная активность предприятий. Медленно расширяется состав используемых передовых технологий. Не всегда удается обеспечить высокую надежность создаваемой ракетно-космической техники. Одной из проблем для ракетно-космической промышленности в настоящий период является несоответствие организационной структуры отрасли современным задачам конкурентной борьбы на мировом космическом рынке, а иногда и задачам разработки современных космических средств для государственных нужд. Причина – это, прежде всего, *переразмеренность* производственного потенциала отрасли, первоначально созданного для серийного производства большого количества изделий.

В настоящее время одной из основных задач преобразований ракетно-космической промышленности является интеграция предприятий с образованием крупных проектно-

Ю
Б
В
Р
Е
Н

производственных структур, ориентированных на разработку и производство определенных финальных видов ракетно-космической техники и осуществление услуг в сфере космической деятельности. В настоящий момент в составе ракетно-космической промышленности создано десять интегрированных структур, в стадии формирования находятся еще четыре.

В результате дальнейших преобразований ракетно-космической промышленности к концу 2012 г. выпуск 100% финальных образцов ракетно-космической техники, а также оказываемых с ее задействованием услуг, будет сосредоточен в сфере ответственности интегрированных структур. Доля предприятий ракетно-космической промышленности, вошедших в состав интегрированных структур, будет повышена до 85%.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Известно, что в России существует серьезная проблема с производством элементной базы для спутников, в то же время заявлено о запуске в производство серии новых навигационных спутников ГЛОНАСС-К. Как все-таки в данном случае решена проблема элементной базы? Используются ли зарубежные комплектующие при создании спутников для системы ГЛОНАСС?

ПОНОМАРЕВ: Новый навигационный спутник ГЛОНАСС-К будет обладать увеличенным сроком активного существования и повышенными тактико-техническими характеристиками. На нем вводится новый частотный диапазон с кодовым разделением, что обеспечит повышение точности навигационных определений и улучшение приема навигационного сигнала. Спутник ГЛОНАСС-К разрабатывается в негерметичном исполнении. При его создании использован ряд инновационных решений. В целом это будет космический аппарат нового поколения.

При создании аппаратов ГЛОНАСС-К конструкторы столкнулись с необходимостью использования ряда электрорадиоизделий, производство которых, к сожалению, в настоящее время в России отсутствует. В связи с этим было принято решение по импортозамещению ряда электронных компонентов до начала их производства в России. Мы надеемся, что усилиями Минпромторга России и ряда других ведомств эта проблема будет решена.

При этом надежда на отечественную радиоэлектронную промышленность – это не единственный способ разрешения проблем с разработкой и производством электронной компонентной базы, ориентированной на применение в космическом пространстве. Внутри ракетно-космической промышленности создается ряд дизайн-центров, отдельные специализированные производства. Комплексное задействование всех отечественных возможностей позволит в ближайшие годы обеспечить ракетно-космическую технику требуемой номенклатурой электрорадиоизделий повышенного качества и надежности.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Как продвигаются работы по ракете-носителю (РН) *Ангара*? В свое время под нее была разработана автоматически возвращаемая ступень *Байкал*, сегодня же, насколько можно судить, от *Байкала* отказались. В чем причина такого шага? Планируется ли использование НИОКР по этой теме во вновь разрабатываемых типах РН?

ПОНОМАРЕВ: Работы по созданию космического ракетного комплекса *Ангара* продолжаются в плановом порядке. Выполнен основной объем наземной экспериментальной отработки агрегатов и систем ракеты-носителя, практически завершена отработка универсальных ракетных модулей нижних и верхних ступеней, что подтверждено успешным проведением их *огневых* стендовых испытаний. В настоящее время готовность носителя *Ангара* к началу летных испытаний составляет 90%.

Что касается разработки возвращаемой ступени *Байкал*, то она проводилась ФГУП ГКНПЦ им. М.В. Хруничева в инициативном порядке за счет собственных средств и конкретного завершения не получила. Вместе с тем, результаты данной работы могут быть использованы в проекте создания многоуровневой ракетно-космической системы первого этапа, реализация которого предусмотрена Федеральной космической программой на 2006–2015 гг.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Участвует ли *Роскосмос* в разработке программ поддержки малого инновационного бизнеса, который был бы ориентирован на космическую деятельность? Возможна ли сегодня в России частная космическая деятельность в принципе? Какие ограничения стоят на пути ее развития?

ПОНОМАРЕВ: В интересах реализации в России эффективного государственно-частного партнерства в ракетно-космической промышленности в 2005 г. была создана Международная ассоциация участников космической деятельности (МАКД). Одно из направлений деятельности ассоциации – создание благоприятных условий для развития и расширения предпринимательской деятельности, развитие и практическое использование рыночных механизмов и принципов государственно-частного партнерства для организации финансирования на коммерческой основе программ создания ракетно-космической техники нового поколения. В рамках МАКД успешно работает секция «Государственно-частное партнерство».

Привлечение частного капитала к реализации различных космических программ, и прежде всего Инновационной программы создания универсальной многогранной авиационно-космической системы, по замыслу их разработчиков, должно повысить инновационную активность предприятий *Роскосмоса* и уровень научно-технических разработок, создать благоприятные условия для повышения конкурентоспособности их продукции и услуг на мировом космическом рынке.

Технические средства, которые планируется создать в рамках программ, дадут возможность обеспечить доставку грузов на орбиту, выводить космические аппараты и использовать их в коммерческих целях. На первых этапах это будут суборбитальные полеты, а затем и орбитальные – по более низким ценам, чем предлагаемые сегодня на мировом рынке. Понятно, что любая сфера человеческой деятельности становится перспективной, когда в нее приходят частная инициатива и частный капитал. И космос не является исключением. Появляются новые формы сотрудничества правительств с частными фирмами, в том числе в разработке и испытании образцов космической техники.

Частная космонавтика – это всегда очень большой риск, как коммерческий, так и технический, риск для участников. К примеру, суборбитальные полеты на крылатых космических аппаратах, которые сейчас пытаются строить несколько компаний в США – дело очень небезопасное. Они и сами заявляют, что прежде чем перейти на коммерческое использование (извоз туристов), необходимо осуществить около 30 испытательных полетов.

К слову, в США система промышленного производства космической техники находится в частных руках. Там контрольные пакеты большинства фирм, которые занимаются производством космической техники, находятся не у государства. Практически всю космонавтику делают частные фирмы. Вопрос только – по чьему заказу. Либо они финансируются из частного сектора частными людьми, либо финансируются по госзаказу.

У нас же, в отличие от США, большинство фирм государственные. Даже те, которые в 1990-е гг. стали акционерными обществами, сейчас снова превращаются в государственные, поскольку государство покупает их контрольные пакеты акций. РКК *Энергия*, например, не является государственным предприятием, но значительный пакет акций находится в собственности у государства, и оно очень сильно влияет на политику компании и на распределение заказов.

Преимущества частных компаний будут заключаться в том, что они смогут оптимизировать свои усилия по реализации уже существующих наработок. На частных предприятиях работает относительно немного сотрудников – обычно до 200–500 человек. Совокупные затраты на создание какого-то отдельного образца техники у такой компании могут быть меньше, чем у огромного авиакосмического концерна типа *Lockheed Martin* или *Boeing*, где трудятся десятки тысяч человек по всем США и даже по всему миру.

По большому счету, небольшая частная компания может сосредоточить свои усилия на каком-то одном проекте и попытаться провести его до конца. Гигантам сосредоточиться сложнее, потому что они одновременно работают по многим областям.

О
Р
В
Р
Е
Г
Н

Кроме того, частные компании смогут доводить до ума наработки, которые по каким-то причинам были отвергнуты другими фирмами. В частности, начиная с середины 1960-х гг., за рубежом неоднократно предлагаются различные многоразовые средства доставки грузов в космос – космические самолеты или многоразовые ракеты-носители. *Шаттл* – это далеко не первый (и не последний) подобный пример. Их разрабатывали, тратили на это огромные средства, но в какой-то момент разработчики (как правило, это крупные государственные или частные организации) понимали, что затраты на создание этих средств не покрываются теми преимуществами, которые эти средства предоставляют. *Частники* вполне могут *подобрать* этот проект.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько необходимым сейчас для развития гражданской космической программы России является космодром Байконур? Как сегодня распределяются функции между космодромами Плесецк и Байконур? Планируется ли продлевать аренду космодрома Байконур?

ПОНОМАРЕВ: На сегодняшний день космодром Плесецк – это космодром Министерства обороны Российской Федерации и, естественно, он ориентирован на решение задач военного космоса.

Основная часть гражданской составляющей космических программ России в настоящее время и в обозримой перспективе будет реализовываться с использованием наземной космической инфраструктуры космодрома Байконур, который, как вы знаете, арендует Россия Российской Федерацией у Республики Казахстан.

Статистика распределения российских пусков ракет космического назначения в 2009 г. по космодромам выглядит так – 75% (24 пуска) произведены с космодрома Байконур, 25% – с Плесецка. Примерно такие же показатели ожидаются по результатам 2010 г.

В этом и заключается ответ на вопрос о необходимости и важности для нас космодрома Байконур. Если брать такие составляющие, как пилотируемая космонавтика и запуски всей номенклатуры отечественных космических аппаратов на геостационарную орбиту, то на ближайшую перспективу сохранить за собой лидирующее положение в них Россия сможет, только используя космодром Байконур.

Исходя из этого с нашим стратегическим партнером – Республикой Казахстан – в 2004 г. подписано и в 2010 г. ратифицировано Соглашение о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса Байконур, предусматривающее продление срока аренды комплекса Байконур до 2050 г.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Планируется ли в перспективе полет российских космонавтов к Марсу? (США поставили цель доставить людей к орбите Марса к середине 2030-х гг.).

ПОНОМАРЕВ: По итогам саммита глав 26 космических агентств, который состоялся в ноябре 2010 г. в Вашингтоне, было отмечено, что полеты в дальний космос целесообразно осуществлять в рамках международных программ. И хотя теоретически каждая из ведущих космических держав сможет осуществить полет в одиночку, однако объединение усилий позволит существенно сэкономить средства каждой из них.

Что касается планов развития российской космонавтики на ближайшее время, то программа освоения дальнего космоса должна быть последовательной. Полеты автоматических станций к Луне и Марсу помогут ученым создать и отработать технологии межпланетных пилотируемых полетов. Но вряд ли стоит ожидать старта миссии к Марсу раньше, чем через 20 лет.

Обязательный элемент подготовки к марсианской пилотируемой экспедиции – создание обитаемых баз на Луне, чтобы научиться жить на ближайшей к нам планете, без атмосферы, с другой гравитацией. На Луне есть что смотреть, искать, изучать. Отсутствие на спутнике атмосферы позволит в будущем проводить различные астрономические исследования в отсутствие помех, например, вибрационных или оптических. Ученые считают, что Луна была бы *точкой обучения* перед тем, как лететь куда-то, обживать другие планеты.

Несколько опрометчиво высказывание, что там все изучено, все понятно. Япония, США и другие страны активизировали научные космические эксперименты по поиску на Луне воды, изучению ее геологического строения. Изучение Луны, где, в отличие от Земли, не было тектонических процессов, позволит лучше узнать природу происхождения Земли и других планет Солнечной системы.

Сегодня, как ни печально, мы не совсем готовы к полету на Марс по целому ряду, в первую очередь, технических причин. Так, чтобы осуществить пилотируемый полет на Марс, необходимо иметь космический комплекс с существенно увеличенной общей массой. Сегодня ни одна страна мира не имеет ракет-носителей, позволяющих выводить подобные грузы на орбиту. И в ближайшее время, несмотря на развитие новых ракетных комплексов, не предвидится. Следовательно, марсианский корабль придется собирать на орбите. При этом надежность такой сборки пока не обеспечена технологически.

Кроме того, в отличие от недельного полета на Луну, длительную, до двух лет, экспедицию на Марс сложно обеспечить.

Следует отметить, что много времени потребуется на создание международной кооперации и согласование всех проблем.

В России на сегодняшний день реализуется не имеющий аналогов инновационный проект по созданию транспортно-энергетического модуля на основе ядерной энергодвигательной установки мегаваттного класса. Проект ориентирован на осуществление масштабных программ по изучению и освоению космического пространства (полеты к дальним планетам, экспедиции на Марс, лунные базы и др.). На создание модуля потребуется несколько десятков миллиардов рублей. Завершить наземную отработку двигательной установки планируется в 2018 г.

Чтобы смоделировать на Земле условия космического полета на Марс, приобрести практический опыт для подготовки к реальному полету, Институтом медико-биологических проблем РАН под эгидой *Роскосмоса* и в сотрудничестве с Европейским и Китайским космическими агентствами реализуется проект *Марс-500*. В целом проект представляет собой серию экспериментов.

В конце 2008 г. прошел 14-суточный технический эксперимент, в 2009 г. – 105-суточный предварительный эксперимент по имитации полета. На сегодняшний день шестерым участникам эксперимента предстоит провести 500 дней в замкнутом пространстве. Три россиянина, француз, итальянец и китаец с июля 2010 г. живут в помещении объемом 550 куб. м. Каждому из них выделен личный жилой отсек размером 2,8 на 3,2 м.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Известно, что как в этом, так и в следующем году Министерство обороны отказалось от набора курсантов в военные высшие учебные заведения. Заметен ли приток молодых людей, которые, к примеру, собирались поступить в Военно-космическую академию им. Можайского, на аэрокосмические факультеты гражданских вузов? Насколько российское гражданское образование, в рамках которого готовят специалистов космической отрасли, вообще отвечает требованиям сегодняшнего дня? В каких направлениях *Роскосмос* сотрудничает с российскими университетами в сфере разработки новых образцов космической техники?

ПОНОМАРЕВ: Подготовка специалистов для ракетно-космической промышленности осуществляется в соответствии с государственным планом в рамках целевого приема абитуриентов на основании заявок соответствующих предприятий и индивидуального отбора кандидатов для поступления.

В этом году количество лиц, поступивших по целевому приему на аэрокосмические факультеты учебных заведений, увеличилось на 16,7%. Однако нам сложно увязать увеличение количества поступивших студентов с отказом Министерства обороны Российской Федерации от набора курсантов в высшие военные учебные заведения в этом году. Тем не менее, общее количество поступивших студентов для подготовки их в интересах ракетно-космической промышленности увеличилось.

О
Б
В
Р
Е
Г
Н

В целом, предприятия ракетно-космической отрасли удовлетворены качеством подготовки специалистов в учебных заведениях Российской Федерации.

Вместе с тем, *Роскосмос* совместно с Министерством образования и науки и Правительством Российской Федерации решает вопросы по сохранению подготовки специалистов по отдельным специальностям, связанным с разработкой, созданием и эксплуатацией высокотехнологичных образцов ракетно-космической техники. Мы полагаем, что по этим специальностям введение системы подготовки в рамках бакалавриата и магистратуры не будет отвечать требованиям сегодняшнего дня.

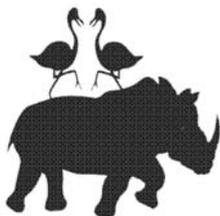
Наиболее острой проблемой в вопросах подготовки кадров для ракетно-космической промышленности является обучение специалистов со средним и начальным профессиональным образованием, так как количество учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов этого профиля, не может на сегодняшний день удовлетворить потребности отрасли в этих специалистах.

Для решения этой проблемы в Правительство Российской Федерации были направлены предложения по созданию сети региональных отраслевых учебных центров, которые бы в полной мере обеспечили потребности предприятий в указанных категориях специалистов.

Правительством Российской Федерации наши предложения поддержаны. Соответствующие средства на эти цели с 2011 г. заложены в федеральный бюджет, и со следующего года *Роскосмос* приступает к реализации данной задачи.

Что касается сотрудничества предприятий ракетно-космической промышленности с российскими университетами, то на сегодняшний день в рамках Федеральной программы «Научные и научно-педагогические кадры для инновационной России» в 12 высших учебных заведениях и более чем на 24 предприятиях созданы около 60 научно-образовательных центров и научных групп, которые участвуют в научно-исследовательских работах по направлениям: ракетно-космическая техника, космические системы, наземные комплексы управления, а также ряд других направлений деятельности ракетно-космической промышленности.

Дмитрий Rogozin:

«ЧЕТВЕРТАЯ ИДЕОЛОГИЯ»

На саммите НАТО в Лиссабоне была принята новая стратегическая концепция Альянса. Каково значение Концепции для отношений России и НАТО? Каково будущее Совета Россия–НАТО? Есть ли у России с Альянсом перспективы военно-технического сотрудничества? Какую роль играют европейские члены НАТО в формировании ПРО на континенте?

Постоянный представитель России при НАТО Чрезвычайный и Полномочный Посол Дмитрий Rogozin ответил на вопросы научных сотрудников ПИР-Центра Альберта Зульхарнеева и Любови Ярошенко¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Представители НАТО в качестве основных особенностей подготовки новой стратегической концепции Альянса отмечали транспарентность этого процесса и работу с партнерами, для чего, в частности, была создана *группа мудрецов* во главе с Мадлен Олбрайт. Как вы оцениваете работу этой группы? Обращение к российским официальным лицам и экспертам действительно обусловлено стремлением выйти на новый уровень взаимодействия или скорее носило ознакомительный, информационно-пропагандистский характер?

РОГОЗИН: Ситуация с докладом, подготовленным группой Мадлен Олбрайт, следующая. Они, конечно, молодцы – учатся у нас многому, особенно советским традициям всенародного обсуждения. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен предложил новую стратегическую концепцию, создал *группу мудрецов*. Они везде ездили, в феврале 2010 г. были в Москве, где встречались с секретарем Совета Безопасности России Н.П. Патрушевым, министром иностранных дел С.В. Лавровым, депутатами, экспертами. В итоге был подготовлен и представлен доклад. Мы его критиковали за несколько вещей.

Первое. Насколько я помню, большинство упоминаний о статье 5 Вашингтонского договора находится в разделе, посвященном России. Прямо как по Фрейду.

Второе. В одной и той же фразе, через запятую, сначала говорится о необходимости развития глубокого партнерства с Россией, но «при условии консолидации сил территориальной обороны для сдерживания внешней угрозы». Понятно, что сдерживают нас. Сдерживание и одновременно партнерство – такой дуализм.

Третье. Констатация того факта, что отношения между Россией и НАТО нестабильные. Констатация сама по себе ничего не дает.

Четвертое. Отсутствие упоминания об исключительной прерогативе Совета Безопасности ООН при вынесении решения о применении силы. Фактически пытаются поставить НАТО на одну доску с ООН – это происходит постоянно. Для них важно убрать наше

Ю
Б
В
Р
Е
Н
И

и китайское право вето и делать что угодно – применять силу, когда это сочтут необходимым в Вашингтоне и поддержат его 27 союзных государств.

Вот несколько серьезных изъянов. Тем не менее, надо отдать должное, все было сделано, как теперь говорят, *транспарентно*. Была проведена большая работа – везде и всех объехали, приглашали экспертов, в столицах шли дискуссии. Нам говорят: вот видите, мы, в отличие от того, как вы готовили военную доктрину, провели обсуждение в демократическом ключе.

Но вдруг происходит маленькая подмена понятий – та работа, которую провела группа Олбрайт, оказывается никому не нужной. В качестве концепции появляется совершенно другой текст, который никто не видел, никто не обсуждал. Новый документ до Лиссабона был полностью засекречен, мне его не показывали. В общем, работа группы экспертов и подготовка новой стратегической концепции – два разных процесса, не связанных между собой.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Совет Россия–НАТО – это структура, которая неоднократно подвергалась критике со стороны России за неэффективность своей работы. Может быть, стоит подумать о создании другого института, обеспечивающего развитие наших отношений?

РОГОЗИН: Необходимо иметь в виду, что есть два Брюсселя – Европейский Союз и НАТО. У России огромный объем контактов – экономических, социальных, гуманитарных, образовательных – с Евросоюзом. В 2010 г. на долю ЕС приходится 50% внешне-торгового оборота России. То есть ЕС – это реально главный наш партнер. Для сравнения – только 4% нашей внешней торговли связано с США. В экономике мы зависим от ЕС полностью.

Но при этом у нас с Евросоюзом нет институционального сотрудничества, то есть нет разветвленной системы посольских встреч, рабочих групп. Приезжают разовые делегации ведомственные – общаются и уезжают, при том, что крайне важна система разветвленных контактов.

Россия–НАТО – совсем другое дело. Здесь есть Совет Россия–НАТО, мы все время встречаемся: вместе завтракаем, обедаем, в футбол играем, ругаемся, спорим, то есть мы жаримся и варимся в одном соку. Постоянно идет общение на уровне послов, старших дипломатов, младших дипломатов, военных. На саммиты приезжает двадцать девять первых лиц плюс генсек – тридцатый. Точно так же министры иностранных дел, министры обороны, начальники генштабов встречаются два раза в год.

То есть получается, что институционально это целая паутина – а объем сотрудничества между Россией и НАТО до таких интенсивных контактов не дотягивает, потому что взаимодействие приморожено было еще два года тому назад из-за конфликта на Южном Кавказе. Мало капитализации сотрудничества: совместные учения проводятся только локально; большие компьютерные учения, совместных миссий и операций у нас сейчас нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Есть ли у России предложения по реформированию Совета Россия–НАТО? Если да, то как на них реагируют наши партнеры по НАТО?

РОГОЗИН: Структурная реорганизация СРН уже прошла в соответствии с программным документом «Развивая СРН» («Taking NRC forward»). Главное для нас – это не нюансы организации: комитеты, подкомитеты, рабочие группы и тому подобное. Важнее всего – чтобы СРН отвечал духу и букве Римской декларации 2002 г. и чтобы объем реального практического сотрудничества увеличивался. На сегодняшний день все еще получается, что СРН – это такой мундир, сшитый *на вырост*. Мальчик растет медленно, и костюм ему пока великоват. Содержание никак не догонит форму. Можно, конечно, бесконечно перекраивать мундир у портного. Но это не решит проблемы. А чтобы вырасти, нужно хорошее питание и тренировки.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В 2009 г. Россия предложила проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ). Российские официальные лица говорят о том, что одна из целей

выдвижения инициативы – стимулировать дискуссию о новой архитектуре европейской безопасности – достигнута. Тем не менее, многие партнеры, прежде всего США, крайне скептически оценивают возможность реализации инициативы, о чем еще раз было сказано на последней неформальной встрече СРН в Нью-Йорке. В связи с этим что будет дальше с инициативой и проектом? Намерена ли Россия продвигать ее дальше?

РОГОЗИН: Намерена. Более того, нам удалось не просто *стимулировать дискуссию*, но и сформировать особый, как сейчас говорят, *дискурс*, для которого новая философия евробезопасности – это мейнстрим, ведущее течение. Идеи неделимости безопасности прочно вошли в сознание западных элит, и мы, тем самым, добились главного – приучили политический класс НАТО говорить на своем языке, учитывать Россию и ее интересы как важнейший фактор европейской политики. Кроме того, инициатива ДЕБ развивается, в том числе, и как процесс Корфу – адаптирование ОБСЕ к новым вызовам. Конечно, концепция ДЕБ будет эволюционировать, но главное останется неизменным – оформление четких правил приличного поведения всех участников внешнеполитической и оборонной сцены.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Поставки вертолетов *Mi-17* для афганской армии за счет США могут положить начало военно-техническому сотрудничеству России с НАТО. Есть ли проблемы на пути реализации этой сделки? Существуют ли планы совместной работы по другим видам военной техники?

РОГОЗИН: Возможно, в СРН будет создан трастовый фонд для покупки и обслуживания вертолетов российского производства. Мы объективно заинтересованы в том, чтобы наши вертолеты демонстрировали высокий класс нашей техники.

Есть и некоторые сложности. Пока нет ответов на вопросы: сколько надо подготовить афганских летчиков, сколько из этих афганских летчиков знают русский язык и сколько из них не знают русский язык? Может быть, из них кто-то владеет таджикским или узбекским языками – база подготовки может быть не только в России, а, например, на границе, в одной из среднеазиатских республик. Сколько им нужно топлива? Какого качества, какой марки?

Еще один важный вопрос – вооружение и боеприпасы для этих вертолетов. Будут они ставить свою авионику? Или мы можем поставить наши традиционные системы? В какой комплектации поставлять вертолеты *Mi-17*? В гражданской, спасательной, транспортной или боевой?

Мы много внимания уделяем сейчас именно тому, чтобы начать военно-техническое сотрудничество с НАТО по ряду направлений, прежде всего по вертолетной проблематике. У НАТО оказалось примерно 400 вертолетов нашего производства, из стран Восточной Европы, вошедших в Альянс. Эти вертолеты требуют ремонта, лицензии от оригинального производителя, модернизации и так далее.

Вторая тема – это, возможно, вооружение этих вертолетов. Подобно тому, как мы сотрудничаем с Францией по поставке в Индию наших танков с французскими тепловизорами, можно производить российские вертолеты с немецкой, французской, итальянской авионикой или с бортовым оружием, к которому привыкли натовцы. То есть принцип заключается в том, чтобы выходить на рынки третьих стран через военно-техническое сотрудничество.

Когда такое сотрудничество станет рутинной, тогда уйдут другие темы – *веришь не веришь, любишь не любишь*, – возникнет некая общность. И это очень важно, поскольку НАТО – это все-таки крупнейший военно-политический союз в мире. Нам его во врагах держать никакого резона нет. Вступать и подчиняться – тоже нет. А вот сотрудничать, быть действительно партнерами и, тем самым, через партнерство потихоньку *выбивать ядовитые зубы* – это, я считаю, возможно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Планируется ли создание совместного с НАТО документа по военно-техническому сотрудничеству?

Ю
Ь
В
Р
Е
Т
Н
И

РОГОЗИН: Существует Организация НАТО по техническому обеспечению и снабжению NAMSO (NATO Maintenance and Supply Organisation), у которой есть исполнительный орган – Агентство по техническому обеспечению и снабжению NAMSA (NATO Maintenance and Supply Agency). Эти структуры как раз занимаются вопросами стандартизации, унификации и разработки новых вооружений, а также тыловой и логистической поддержкой. Это серьезная большая организация со штаб-квартирой в Люксембурге. Формально она является самостоятельным юридическим лицом, но это натовская структура.

Мы практически подготовили соглашение о сотрудничестве Российской Федерации с этой международной организацией. Единственное препятствие – юристы пока не могут договориться об освобождении от налогов. Надо найти формулу, при которой NAMSO будет подпадать под статус привилегированных международных организаций, на которые не будут распространять какие-то дополнительные обременения. После подписания потребуется ратификация соглашения в Государственной думе и Совете Федерации. Но это не так сложно. Это надо делать. Потому что когда есть военно-техническое сотрудничество, возникает совершенно новый уровень доверия. Вы же не будете продавать оружие врагу, правильно? Картошку можно, а оружие нет.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Россия заявляет о готовности приобретать зарубежные военные технологии. Нет ли опасности, что таким образом создается болевая точка, которой будут пользоваться западные страны, вводя санкции и, фактически, шантажируя Россию?

РОГОЗИН: Россия никогда не стеснялась заимствовать лучшие достижения зарубежной науки и техники, в том числе в области ВПК. В этом нет ничего стыдного. Любой ученый подтвердит, что за глухим *железным занавесом* полноценный прогресс невозможен – обязательно нужно знакомиться с опытом и передовыми разработками иностранных специалистов и предприятий. Другое дело, что когда речь заходит о безопасности и обороне, нужно действовать особенно трезво и прагматично, памятуя о национальных интересах и защищенности наших людей. Нельзя целиком полагаться на заграницу в вопросах обороны, но и делать вид, что у них нет того, что нам интересно, глупо. На сегодняшний день обмен технологиями с Западом, в том числе на коммерческой основе, – это обоюдный процесс, взаимовыгодный и отвечающий запросам обеих сторон.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Создание системы ПРО может стать причиной конфликта, а может превратиться в сферу сотрудничества России и НАТО. Однако является ли Североатлантический альянс именно той стороной, с которой необходимо вести диалог по этому вопросу? Какую роль играют европейские члены НАТО в формировании ПРО на континенте?

РОГОЗИН: Нам известно, что у американцев есть поэтапный план создания противоракетной обороны, который предполагает развертывание и стационарных элементов ПРО, и элементов на кораблях. Часть этих элементов они собираются разбросать в Румынии, возможно, в Турции, Болгарии. Чехии обещали радар поставить, но не х-диапазона, который по предыдущему плану мог быть развернут в нашу сторону, а меньшей дальности, но все равно инкорпорированный в общую систему ПРО.

В НАТО говорят, что для подключения к американской ПРО и создания системы, которая будет защищать все страны Европы, потребуется незначительный ресурс – 200 млн евро, которые должны быть выделены европейскими союзниками в течение 10 лет.

Понятно, что сейчас у европейцев вклада нет никакого, кроме того, что они просто предлагают территорию для установки этих систем, и с них еще деньги собирают – как раз эти 200 млн, которые пойдут в топку ВПК США. Вот и весь вклад.

Что такое ЕвроПРО? Сначала американцы убеждают европейцев купить у них корабли *Иджисы* и системы ПВО *Пэтриот*. Потом они их же убеждают фактически поставить эти покупки под американский командный контроль, называют это все *кнопкой НАТО* и держат на этой кнопке свой – *американский* – палец.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: С Вашей точки зрения, действительно ли необходимо создание системы ПРО для отражения тех угроз, которые обозначают западные партнеры (Иран, КНДР)?

РОГОЗИН: ПРО сегодня – это идеология. Потому что раньше, 61 год назад, когда создавалась НАТО, у них была идеология «*русские идут, спасайся, кто может*». В конце 1980-х русские дальше уже никуда не идут после всех горбачевских развалов, и начинается другая идеология – «*расширяйся, кто может*» – спонтанное расширение на восток, несколько волн. НАТО увеличивается на 12 стран. Третья идеология – это Афганистан. Солидарность там они проявляют непонятно по какому поводу. Про *Аль-Каиду*, про Бен Ладена уже никто ничего не говорит – теперь они просто участвуют в чужой гражданской войне, потому что талибы – это те же самые пуштуны, только вид сбоку. После этого заканчивается афганская война. И вот наступает эра ПРО. То есть это четвертая идеология с момента создания НАТО.

О рисках и угрозах. Мы считаем, что надо обсуждать все риски, а не только Иран. Почему Иран-то? Мы вас назначим сейчас плохим парнем, и будем отсаживаться от вас, смотреть, показывать пальцем. Почему только Иран? Если вести серьезный разговор по ракетным рискам, то надо проанализировать все страны, которые обладают такого рода технологиями и которые скрывают их. В том числе скрывают оружие массового уничтожения. По сути дела, Иран – это, возможно, повод, предлог для того, чтобы вернуть эту систему.

Есть еще один важный момент, над которым я хотел бы, чтобы вы задумались. Вот я произнес это словосочетание *линия Мажино*. О чем я говорю? *Линия Мажино* для меня – это символ закопанных денег на оборону, никому не нужную. Нельзя недооценивать своего врага, считать его глупее вас. Французы думали, что Гитлер глуп. Они вырыли против него *линию Мажино*, совершенно непроходимые траншеи, поставили пушки и так далее. Они думали, что он настолько глуп, что все равно погонит свои танковые колонны прямо на эту *линию Мажино*. Но реальная ситуация, как известно, по-другому сложилась. Гитлер захватил Нидерланды и просто обошел *линию Мажино* с севера.

Если вдруг весь западный мир так всполошился по поводу ракетной угрозы и создает системы противоракетной обороны, думая, что его противник настолько глуп, то Запад не прав. Потому что если я, например, какой-нибудь страшный представитель *Аль-Каиды* и мне надо взорвать Брюссель или что-то еще, ну зачем я буду строить ракету, навлекая на себя небесный гром израильской авиации. Потом еще эта противоракетная оборона... Она точно не долетит, эта моя ракета. Зато ко мне прилетят и разбомбят, и будут еще моих детей отлавливать.

Нет! Я сделаю по-другому. Вопрос ведь не в том, что ракета опасна. Ракета – это транспорт. Если эту ракету снарядить кетчупом, она только испачкает кому-то одежду. Ракета важна потому, что может нести оружие массового уничтожения. Бактериологическое, ядерное или химическое. В этом смысл. Если мне говорят, что мою ракету, этот конкретный вид транспорта, перехватят, ну я и не буду ракетой посылать тогда это оружие. Я отправлю его другим путем. В контейнер положу или корабль какой-нибудь заминирую. Он подойдет в территориальные воды и там рванет. Или в поезд, или на машине, живая бомба, да что угодно! Масса других способов.

Почему-то здесь в НАТО все так уверены в том, что если атака и предстоит, то только ракетная. Это удивительная вещь, совершенно иррациональная, необъяснимая, спорить с ними бессмысленно. Из чего я делаю вывод, что речь идет не о какой-то действительно реальной угрозе, которая осознанно проанализирована, против которой готовится противоядие. Речь идет о *новой идеологии*.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Необходима ли такая ПРО России? Чем обусловлено наше стремление к разработке совместной ПРО? Мы действительно полагаем, что такая система необходима для отражения реальных угроз? Или участием в совместной ПРО мы хотим гарантировать, что система не будет направлена против нас и не более?

РОГОЗИН: Когда начинаешь у руководства Альянса спрашивать, что конкретно имеется в виду, что из себя будет представлять данная система, ответ один – все вопросы к техническим специалистам. Никто толком не знает. Технического разговора по сути дела нет.

Тем не менее, здесь есть несколько важных моментов. Во-первых, нас не может не беспокоить излишняя и ничем не ограниченная мобильность этой системы ПРО. Мы в советские-то наши времена теряли американские авианосцы из виду – они отделялись ночью от авианесущей группы сопровождения и пропадали в открытом океане. А сейчас этих кораблей будет много больше. Хотя нам говорят, что корабли будут в Средиземном море – там, где у них проблемы с Ираном. Но американцы не хотят нам давать гарантии, что эти корабли не будут выходить за рамки зоны, которая связана с перехватом ракет средней дальности с Ближнего Востока. Мы говорим: подождите, вот вы завтра в ночь уплывете, и появитесь где-нибудь в норвежских фьордах, и возьмете под полный контроль весь сектор разгона межконтинентальных баллистических ракет России. Как это понимать? В ответ – только молчание.

Второе – молчат по другому вопросу: по необходимости ограничить тактико-технические характеристики самих ракет-перехватчиков. Если в НАТО говорят, что главная проблема для них – это оружие средней дальности, ну тогда нужно соответственно ограничить скорость перехвата, поскольку цель – это ракета, которая не уходит в космос, а идет в околокосмическом пространстве. Там другие скорости, другие задачи. Но они отказываются от всяких ограничений.

И самое последнее, что важно в этом контексте понять. Это система оперативного взаимодействия. Представим себе, что мы все-таки создали ПРО. На контрольном пункте находится группа военных. И вдруг один из них сообщает: летит *басурманская* ракета. Надо срочно сбивать. Мы же не будем проводить коллоквиумы, дискутировать, вносить предложения. Вопрос секунд, в лучшем случае минут. Поэтому вопрос, кто нажмет на кнопку – самый принципиальный. А палец только один – мы же не можем так дружно пальцы свои куда-то засовывать! Кнопка будет одна. Палец будет один. И мы знаем, чей это будет палец. Тогда нас куда приглашают-то? Где мы даже палец свой не можем пристроить!

Но, возвращаясь к возможной кооперации, могу сказать следующее. Если удастся разделить сектора ответственности в рамках ПРО, то можно договориться и об обмене информацией и технологиями. Такая кооперация по ПРО возможна. Но она, скорее всего, будет носить локальный характер, то есть использоваться для защиты каких-то объектов или миротворческих континентов. ПРО ТВД это называется. А на самом деле, правильнее сказать, это объективное ПРО.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В интервью нашему журналу в 2003 г. Вы сказали, что «далеки от мысли, что в ближайшие годы вероятны какие-то практические совместные дела» Организации Договора о коллективной безопасности и НАТО. Тогда же Вы заметили, что обе организации мало на что способны. С Вашей точки зрения, произошли ли здесь изменения? Как Вы сегодня оцениваете возможности организаций и перспективы их сотрудничества?

РОГОЗИН: Сегодня моя задача – побудить НАТО сотрудничать с ОДКБ. Объективно говоря, это было бы всем полезно, и прежде всего НАТО – иметь регионального партнера. НАТО – это все-таки политико-военный альянс, ОДКБ – это чисто военный союз. Отношения ОДКБ–НАТО имеют предпосылки для того, чтобы состояться.

Но, откровенно говоря, они этого делать не будут. Мои американские коллеги, формально и неформально, по-разному объясняют причину своего нежелания. Они говорят: а зачем нам ОДКБ? Мы разделяем и властвуем. Мы с каждым отдельно договариваемся. И они с удовольствием с нами договариваются по чуть-чуть. Это первое.

Второе, они испытывают амбиции, что вот *мы такие крутые*, большие – самый успешный военный союз в мире, а вы еще ничего серьезного пока из себя не представляете. Почему американцы все время воюют? Потому что они хотят, чтобы их армия всегда

была готова к выполнению любой операции. Невоюющая армия – это не армия. Это – двор подметать.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Барак Обама объявил дату вывода коалиционных сил из Афганистана – июль 2011 г. Если предположить, что войска действительно будут выведены, как Россия видит свою роль в урегулировании ситуации в Афганистане?

РОГОЗИН: Если они уже туда вошли, то надо требовать от них решения тех задач, которые были продекларированы. То есть они должны, уходя, оставить после себя достаточно стабильный режим, способный контролировать хоть что-то. Если они уйдут, *разворошив осиное гнездо* и оставив его нам, нас это не устраивает. То есть уход, но не любой ценой.

Должна быть ясная стратегия выхода. Вот мы, уходя из Афганистана, оставили там достаточно стабильный режим, который, несмотря на то, что мы их сами потом предали, я имею в виду Наджибуллу, три года продержался самостоятельно. Сколько продержится эта группа...

Если американцы покинут Афганистан, то мы в Афганистан не входим в любом случае. Нас беспокоит не Афганистан, а то, что из него исходит. Представить себе, что афганские талибы колоннами, караванами пойдут захватывать Таджикистан... Я не верю, конечно. Потому что *Талибан* – это очень домашнее явление, внутреннее. Не пойдут они на какой-то там экспорт революции.

Другое дело, что любая война как магнит притягивает *псов войны*. Сейчас в Афганистане тысячи две-три таких боевиков, не афганцев – даже наши кавказцы там есть. Они, в случае замирения в Афганистане, будут искать себе новую работу.

Скорее всего, эти боевики пойдут в Центральную Азию, Таджикистан, Киргизию – здесь проблема для нас, здесь зона наших интересов, зона нашей ответственности, зона ответственности ОДКБ. По мере затухания военных действий в Афганистане эти боевики будут перебрасываться в Центральную Азию. Это большая проблема, к которой мы должны быть готовы.

Но в Афганистан мы своих солдат отправлять не будем. Это принципиальная позиция.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В своей недавней заметке в ИноСМИ (14.09.2010) Вы предупреждаете американских экспертов: «Коллеги, даже не пробуйте делать Сочи-2014 заложником ваших геополитических сценариев!» Существуют ли угрозы безопасности и планам России в черноморском регионе, особенно в контексте подготовки и проведения Олимпиады? Проводится ли анализ таких угроз? Что планируется делать для того, чтобы парировать эти угрозы?

РОГОЗИН: Да, такой анализ проводится, и оценка существующих рисков и угроз безопасности ведется на постоянной основе. Естественно, эта информация недоступна СМИ, но могу вас заверить: никто и ничто не помешает нам достойно провести Олимпиаду. Как принимающая сторона Россия никого не разочарует. Ну а что касается спорта, то здесь мы такой же участник, как и все остальные. Соберем столько золота, сколько заслуживает наша система подготовки спортсменов. Кстати, спортивные достижения – это ведь тоже вопрос безопасности страны. Взаимосвязь тут прямая: страна, способная подготовить атлета, умеет подготовить и солдата. Кроме того, уровень развития массового и профессионального спорта – это показатель самочувствия нации, ее качества жизни. Поэтому лично я с нетерпением жду Олимпиады в Сочи – не только как спортивного праздника, но и как важной вехи в нашей новейшей истории. Результаты Олимпиады – в чем-то еще более яркий показатель, чем данные переписи населения.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Какие другие перспективные области сотрудничества Россия–НАТО можно обозначить? Видите ли Вы необходимость в развитии совместных образовательных программ?

РОГОЗИН: Я полагаю, что надо сделать наши контакты более профессиональными – развить сотрудничество по конкретным темам. Например, есть интересный проект – Стандекс. В проекте участвуют петербургский Радиевый институт имени В.Г. Хлопина,

Ю
Б
В
Р
Е
Г
Н
И

еще один французский вуз. Это прототип прибора дистанционной детекции взрывчатки в местах массового скопления граждан. Если эта система будет введена в эксплуатацию, мы обезопасим метрополитен, вокзалы. Мы над этим работаем вместе с НАТО, потому что понимаем, что испытываем общие угрозы.

Второе – медицина, это очень перспективная тема. Наша военная медицина после Афганистана, после двух чеченских конфликтов очень хороша в таких сферах, как заживление пулевых ранений, полевая медицина, ожоговая – у нас есть высочайшего уровня специалисты. А вот, скажем, по смежным областям, более гражданским, военные тоже ведь проходят лечение по обычным заболеваниям, например, по кардиологии, стоматологии, было бы полезно познакомиться с западным опытом. В связи с этим, обратите внимание, если заболел какой-нибудь иностранный лидер, его госпитализируют в военный госпиталь. Потому что они считаются лучшими. В Брюсселе у меня была спортивная травма – мне сразу предложили бельгийский военный госпиталь. Если бы я пошел на операцию, то пошел бы туда. Обмены врачей – мы их поучим в одном, они нас в другом – были бы весьма полезными.

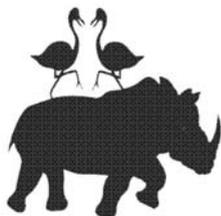
Еще одно направление – лингвистическая подготовка офицерского корпуса и спецназа. Русское офицерство должно стать элитой общества. Офицер должен свободно владеть как минимум одним иностранным языком.

Мы бы могли, например, в рамках такой большой операции, как афганская, обучать представителей НАТО языкам народов Афганистана. Пушту, дари – у нас есть для этого ресурсы. У нас огромная афганская диаспора, люди знающие, хорошие связи с Таджикистаном. А нам можно было бы поднять уровень подготовки английского, французского, других европейских языков.

Когда Франция вернулась в военную организацию НАТО в позапрошлом году, они моментально столкнулись с проблемой – необходимостью того, чтобы хотя бы десять тысяч французских офицеров сносно говорили на английском языке. А у них нет такого количества. Или вот сейчас, например, была жалоба, что хотели через миссию ОБСЕ в Киргизию отправить 200 полицейских, но во всем Евросоюзе не нашли такого числа полицейских, говорящих по-русски. И даже 20 не смогли найти, говорящих по-киргизски.

Примечание

¹ Интервью составлено на основе записи беседы российских экспертов и Д.О. Рогозина, состоявшейся 30 сентября 2010 г. в постоянном Представительстве России при НАТО, и дополнительных вопросов корреспондентов ПИР-Центра.

Виталий Чуркин:

«ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ВСЕХ МИРОТВОРЦЕВ
ОСТАЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ»

В последние годы все большую актуальность приобретает тема повышения эффективности Совета Безопасности ООН, в частности в сфере миротворчества. Какие основные формы миротворчества доминируют на настоящий момент в рамках ООН? Насколько приоритетной является для России миротворческая деятельность? Насколько активно и в каком виде она присутствует в миротворческих операциях ООН?

Постоянный представитель Российской Федерации при ООН и Представитель Российской Федерации в Совете Безопасности ООН Виталий Иванович Чуркин ответил на вопросы главного редактора журнала Индекс Безопасности Владимира Орлова.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Все чаще со страниц серьезных аналитических обзоров и статей мы слышим призывы к реформированию ООН вследствие ее низкой эффективности в обеспечении международной безопасности и урегулировании кризисов. Какой является позиция России по этому вопросу?

ЧУРКИН: В последние годы, откликаясь на требования времени, ООН переживает довольно глубокий процесс реформирования. В качестве примера можно привести создание Совета по правам человека, Комиссии по миростроительству, которая призвана помочь странам, пережившим конфликт, утвердить состояние мира, – совсем недавнее решение о создании структуры «ООН-Женщины», которая должна сделать работу Организации более эффективной на гендерном направлении.

Что касается собственно проблематики международной безопасности и урегулирования кризисов, то не стоит недооценивать достижения Организации. Совет Безопасности ООН в подавляющем большинстве случаев оперативно реагирует на возникающие проблемы, ведет большую работу по формулированию мандатов миротворческих операций, которые являются одним из основных инструментов в руках Организации в том, что касается кризисных и конфликтных ситуаций. Все большее внимание уделяется ООН работе по предотвращению конфликтов.

Действительно, есть случаи, когда Совет Безопасности ООН не находится в эпицентре политико-дипломатической активности по урегулированию кризисов. Наиболее характерным примером здесь является ближневосточное урегулирование, где основную посредническую роль взяли на себя Соединенные Штаты при содействии *квартета*. Но не будем забывать и о значении Совета Безопасности, сформулировавшего основные параметры будущего урегулирования. Когда возникали кризисы – вспомним конфликт в Газе на рубеже 2008 г. или войну в Ливане в августе 2006 г., – острейшие ситуации были урегулированы с помощью соответствующих резолюций СБ ООН.

Ю
Б
В
Р
Е
Н
И

Конечно, в реформе нуждается и сам Совет Безопасности: он должен стать более представительным, отражая современные реалии. На этот счет в Нью-Йорке ведутся сложные межправительственные переговоры. Однако будем реалистами – расширение Совета вряд ли сделает его более эффективным, наоборот – свести большее количество точек зрения будет еще труднее. Ведь проблема эффективности СБ – это не вопрос инструментария, который нужно *подремонтировать*, а вопрос пересечения зачастую не совпадающих или даже конфликтующих интересов различных государств, как входящих в состав СБ, так и за его пределами. Наилучший способ повышения эффективности СБ, как и ООН в целом, – терпеливая работа по гармонизации подходов членов международного сообщества. Надо сказать, что есть обнадеживающие признаки – в мире возрастает осознание того, что только сообща можно найти решение многочисленных задач, стоящих перед нами в начале XXI в.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Миротворчество всегда оставалось одной из главных задач ООН. Какие основные формы миротворчества доминируют на настоящий момент в рамках ООН?

ЧУРКИН: Современное миротворчество ООН имеет многокомпонентный характер. За последние десять с небольшим лет миротворческая деятельность приобрела действительно глобальный по своему географическому охвату масштаб. В текущем году был достигнут и абсолютный исторический максимум численности миротворческих операций.

Строгая классификация миротворческих операций отсутствует – и это, на наш взгляд, совершенно справедливо, поскольку каждая операция уникальна. Среди миротворческих операций можно найти как относительно небольшие миссии, осуществляющие мониторинг соблюдения условий прекращения огня, наблюдение за разъединением враждующих сторон – это, к примеру, миссии ООН на Кипре, в Западной Сахаре, на Ближнем Востоке, так и крупные операции по поддержанию мира (ОПМ) с комплексными мандатами, включающими в себя, кроме исключительно военных функций, целый ряд смежных задач. В рамках многих подобных ОПМ на африканском континенте – к примеру, в Судане, Демократической Республике Конго – *голубые каски* ООН оказывают содействие национальным властям в демобилизации бывших комбатантов, становлении правоохранительной системы, решении ряда других острых проблем общества, пережившего *горячую* фазу конфликта. Вся эта весьма обширная сфера деятельности объединена общим термином *постконфликтное миростроительство*. Поэтому миротворец ООН XXI в. – это не только человек в военной форме, хотя их и большинство, но и полицейский, и гражданский специалист.

Но, несмотря на все различия, центральная задача всех миротворцев – содействие прекращению вооруженного конфликта, поддержка процесса политического урегулирования и защита гражданских лиц в кризисных зонах – остается неизменной.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Насколько приоритетной является для России миротворческая деятельность? Насколько активно и в каком виде она присутствует в миротворческих операциях ООН?

ЧУРКИН: Укрепление потенциала ООН в сфере миротворчества, повышение качества и оперативности проведения миротворческих мероприятий относится к числу наших безусловных приоритетов на *ооновской площадке*.

В связи с этим особую ответственность на Россию возлагает ее статус постоянного члена Совета Безопасности, главного органа всемирной Организации, санкционирующего развертывание ОПМ и осуществляющего политический контроль за их деятельностью.

Мы участвуем в 10 из 15 ооновских операций по поддержанию мира и их материально-техническому обеспечению. На протяжении последних лет количество представленных в ОПМ россиян, включая военных наблюдателей и гражданских полицейских, исчисляется несколькими сотнями человек.

Российское вертолетное подразделение развернуто в составе Миссии ООН в Судане. Оно усиливается еще одной вертолетной группой, выводимой из сворачиваемой Миссии

ООН в Чаде и ЦАР. Этот вклад особенно востребован в контексте подготовки к запланированному на январь 2011 г. референдуму по статусу Юга Судана. Работа российских миротворцев, уровень их подготовки, профессиональные качества получают неизменно высокую оценку в Секретариате ООН, в тех странах, где развернуты ОПМ.

Россия продолжает прочно удерживать лидирующие позиции на рынке миротворческих услуг ООН. Речь идет, прежде всего, об авиаперевозках: в этой сфере российские компании – такие, например, как *ЮТЭЙР* – являются ведущими партнерами ООН.

Россия входит и в число основных плательщиков в бюджет миротворческих операций – после пересмотра шкалы взносов в бюджет ОПМ (декабрь 2009 г.) российский ежегодный вклад вплотную приблизился к 2%. Это составляет внушительную сумму – порядка 190 млн долл. ежегодно.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: В настоящее время Россия все чаще уделяет внимание развитию ОДКБ, в том числе возможному участию данной организации в операциях по кризисному реагированию. На каком этапе в настоящий момент находятся взаимоотношения ООН и ОДКБ?

ЧУРКИН: Отношения между ООН и ОДКБ активно развиваются. С момента, когда ОДКБ получила статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН в 2004 г., Организация установила необходимые контакты с Департаментом по политическим вопросам Секретариата ООН, Управлением ООН по наркотикам и преступности, Контртеррористическим комитетом СБ ООН и его Исполнительным директоратом.

С учетом возрастающей актуальности борьбы с новыми вызовами, а также значения, придаваемого ООН развитию всестороннего сотрудничества с региональными организациями, 2 марта с.г. Генеральная Ассамблея ООН консенсусом приняла резолюцию о сотрудничестве между Организацией Объединенных Наций и Организацией Договора о коллективной безопасности. Принятие резолюции заложило правовые основы для дальнейшего укрепления практического взаимодействия между организациями.

Исходим из того, что формирующийся в настоящее время механизм миротворческой деятельности ОДКБ предполагает возможность использования его потенциала в миротворческих операциях, в том числе под эгидой ООН.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Каким Вы видите современное миротворчество в будущем? Должно ли оно осуществляться под *зонтиком* ООН, или появятся другие организации, например, претендующая на глобальную роль НАТО, которые со временем перепрофилируют на себя данную функцию?

ЧУРКИН: Оперативная деятельность ООН в сфере миротворчества находится в процессе постоянной трансформации. Прогнозы здесь делать, конечно, непросто, но очевидно, что оооновское миротворчество остается востребованным и действенным механизмом разрешения кризисных ситуаций, обеспечения продвижения мирных процессов в *горячих точках* по всему земному шару.

Одним из перспективных направлений повышения эффективности международного миротворчества является расширение взаимодействия ООН с региональными организациями, ведь они, как правило, лучше владеют местной спецификой.

Характерным примером такого взаимодействия является сотрудничество ООН с Африканским союзом: в суданском регионе Дарфур развернута совместная миссия ООН и АС – ЮНАМИД. Афромиротворцы в Сомали действуют по мандату, выданному Советом Безопасности, и получают логистическую поддержку со стороны ООН.

Но есть одно простое и при этом ключевое правило. Принципиально важно, чтобы деятельность региональных организаций осуществлялась в соответствии с целями и принципами Устава ООН, а их отношения с Организацией регулировались на основе положений его Главы VIII, которая четко указывает на *недопустимость принудительных действий без полномочий от Совета Безопасности*. Это относится и к деятельности Североатлантического альянса.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Не секрет, что Россия и США в настоящий момент переживают период так называемой *перезагрузки* взаимоотношений. Повлияло ли это каким-то образом на характер рабочих контактов между делегациями России и США при ООН?

ЧУРКИН: Рабочие контакты между нашими делегациями всегда были неплохими. Другое дело, что их результативность, конечно же, зависит от *уровня взаимоотношений* между Россией и США на конкретном историческом отрезке. Сейчас в результате *перезагрузки* этот уровень можно оценить как весьма высокий. Даже в тех же вопросах, где наши подходы не вполне совпадают, мы не идем *встык*. Так что поле для российско-американского взаимодействия в ООН является весьма широким.

Так, в ходе текущей 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН наши страны сообщают и подчеркивают важность Соглашения о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений, подписанного президентами России и США 8 апреля 2010 г. в Праге. В этом контексте наши делегации совместно представили в Первом комитете Генассамблеи ООН проект резолюции «Двусторонние сокращения стратегических ядерных вооружений и новые рамки стратегических отношений», который был принят консенсусом.

Москва и Вашингтон активно взаимодействуют в целях урегулирования региональных конфликтов. На *площадке* СБ и ООН мы в целом конструктивно сотрудничаем по вопросам ближневосточного урегулирования. Наши страны выступили коспонсорами важных резолюций СБ ООН 1515 и 1850 в поддержку ближневосточного урегулирования.

Мы работаем вместе по Афганистану с тем, чтобы добиться прочного мира и стабилизации в этой стране. В фокусе нашего внимания непростая ситуация в Судане. Постоянная нестабильность в Сомали и проблема пиратства у берегов этой страны – еще одна область общей озабоченности Москвы и Вашингтона. По всем этим проблемам наши страны, в том числе и как постоянные члены СБ ООН, стремятся максимально задействовать потенциал Всемирной организации.

Еще один пример продуктивного сотрудничества России и США в ООН – проблематика борьбы с терроризмом. Наши страны являются активными сторонниками усилий ООН в этой области. Мы плодотворно взаимодействуем по контртеррористической повестке дня в рамках Совета Безопасности и его соответствующих вспомогательных органов.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Традиционной темой обсуждения в рамках Совета Безопасности является иранская ядерная программа. Как Вы оцениваете эффективность очередной, последней резолюции, принятой СБ ООН в отношении Ирана летом 2010 г.?

ЧУРКИН: Действительно, ядерная программа Ирана уже довольно долго продолжает оставаться в поле зрения СБ ООН. Всего Совет принял шесть резолюций по данному вопросу, причем четыре из них имеют санкционный характер. При этом говорить об эффективности именно санкционных решений СБ применительно к иранской ядерной проблеме представляется не совсем корректным. Дело в том, что введенные Советом Безопасности ограничительные меры в отношении Ирана формируют одну из двух дорожек, или *треков*, которым следует *шестерка* международных посредников, – а это пять постоянных членов СБ ООН плюс Германия – для урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы. Вторая дорожка заключается в позитивном стимулировании иранской стороны к переговорам с *шестеркой*. В ходе этого переговорного процесса должны быть прояснены во взаимодействии с МАГАТЭ остающиеся у международного сообщества вопросы в отношении ядерной программы Ирана.

Мы очень рассчитываем, что эти переговоры завяжутся и будут субстантивными. Мы не видим альтернативы политико-дипломатическому решению проблемы иранской ядерной программы. Когда оно будет найдено, можно будет дать оценку эффективности наших совместных с партнерами усилий.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА 2008–2020: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

ПИР-Центр

Индекс Безопасности № 1, 2011

«Считаем, что в 2020 г. будет завершен переход на новый облик вооруженных сил».

*Министр обороны А.Э. Сердюков,
31 октября 2010 г.*

Центр
политических
исследований
России

© 2011

Составитель
Александр Колбин

Содержание

- ↳ Начало реформы
- ↳ Три этапа реформы
- ↳ Оптимизация численности
- ↳ Новая структура управления
- ↳ Сухопутные войска
- ↳ Военно-воздушные силы
- ↳ Военно-морской флот
- ↳ Космические войска
- ↳ Материально-техническое обеспечение
- ↳ Военное образование
- ↳ Репортаж: президент Д.А. Медведев о дальнейших шагах военной реформы
- ↳ Интервью с членами Общественного совета Министерства обороны РФ О.М. Газмановым, А.Н. Каньшиным, А.А. Макеевым, В.Д. Мельниковой

Военная реформа 2008–2020: цифры и факты

НАЧАЛО РЕФОРМЫ | 14 октября 2008

14 октября 2008 г. на заседании коллегии Министерства обороны РФ министр А.Э. Сердюков объявил о начале нового этапа военной реформы. Реформа затрагивает все функциональные основы Вооруженных сил РФ: численность состава, органы центрального военного управления, организационно-штатную структуру и систему подготовки офицеров, предусматривает поэтапное оснащение армии современными вооружениями и военной техникой.

В соответствии со сделанными 14 октября 2008 г. заявлениями планировалось сокращение численности Вооруженных сил России до 1 млн военнослужащих к 2012 г. При этом численность офицерского состава ВС должна была составить 150 тыс. человек, что означало радикальное сокращение офицерского корпуса: в 2008 г. в ВС насчитывалось 355 тыс. офицерских должностей.

Другим элементом реформы должен был стать переход к трехзвенной бригадной организации сухопутных войск. При этом планировалось расформировать все части неполного состава и оставить в армии лишь части постоянной боевой готовности.

В военно-воздушных силах России в период с 2009 по 2012 г. планировалось ликвидировать все авиационные дивизии и полки, сформировав на их основе 55 авиабаз, а также сократить свыше 50 тыс. офицерских должностей.

Количество частей военно-морского флота России должно было сократиться с 240 до 123. Офицерский состав флота планировалось сократить в 2–2,5 раза.

На базе существовавших 65 военных учебных заведений предполагалось создать 10 системообразующих вузов: 3 военных учебно-научных центра, 6 академий и 1 университет.

| ТРИ ЭТАПА РЕФОРМЫ

Реформирование Вооруженных сил Российской Федерации в период с 2008 по 2020 г. осуществляется в три этапа.

«Мы по сути уже завершили организационно-штатные мероприятия – первый этап реформирования российской армии»

Министр обороны А.Э. Сердюков, 31 октября 2010 г.

Реформа Вооруженных сил России 2008–2020

ОПТИМИЗАЦИЯ ЧИСЛЕННОСТИ

В рамках реформы должны быть сокращены около 200 тыс. офицерских должностей, а также планируется ликвидировать институт прапорщиков и мичманов, которых насчитывается около 160 тыс. человек. Увольняемым военнослужащим предлагают пройти переподготовку и получить гражданские специальности. Кроме того, они будут обеспечены жильем и предусмотренными законом компенсациями. При этом будет значительно повышено денежное довольствие действующих военнослужащих.

«Штатная численность военнослужащих доведена до 1 млн человек. Поставленные перед Минобороны задачи по выходу на перспективный боевой состав Вооруженных сил в целом решены».

Президент РФ Д.А. Медведев, 5 марта 2010 г.

Сокращение количества офицеров в рядах Вооруженных сил к 2012 г.

Категория	2008	2012
Генералы	1107	886
Полковники	25665	9114
Подполковники	88678	15000
Майоры	99550	25000
Капитаны	90000	40000
Лейтенанты	50000	60000

150 000 офицеров

120 000 контрактников

730 000 призывников

Решение задачи повышения денежного довольствия

С 2012 г. начнется реформа денежного довольствия военнослужащих, оно повысится в три раза.

Задача реформы состоит в том, чтобы оклад военнослужащих занимал 50%, а стимулирующие выплаты – остальную часть денежного довольствия.

До 2020 г. будет достигнут 80-процентный размер пенсий граждан, уволенных с военной службы, от объема денежного довольствия военнослужащих.

До 2020 г. будет достигнуто превышение размеров денежного довольствия военнослужащих на 25% по сравнению со средней заработной платой работников отраслей экономики страны.

Численность
Вооруженных сил России в 2010 г.

1 000 000

| НОВАЯ СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ

В соответствии с указом президента РФ Дмитрия Медведева «О военно-административном делении Российской Федерации», к 1 декабря 2010 г. на месте прежних шести военных округов (Ленинградского, Московского, Северо-Кавказского, Приволжско-Уральского, Сибирского и Дальневосточного) за счет укрупнения должны были быть оставлены лишь четыре. Кроме того, должны были быть созданы Западное, Южное, Центральное и Восточное Объединенные стратегические командования.

«Мы чуть раньше закончили формирование Объединенных стратегических командований четырех военных округов. Президентом был установлен срок 1 декабря. Мы же буквально на прошлой неделе уже завершили эту работу».

Министр обороны А.Э. Сердюков, 22 октября 2010 г.

Западный военный округ включает Московский и Ленинградский военные округа, а также Балтийский и Северный флоты.

Центральный военный округ включает Приволжско-Уральский, западную часть Сибирского военного округа, российские военные базы в Киргизии и Таджикистане.

Южный военный округ объединяет бывший Северо-Кавказский военный округ, Черноморский флот и Каспийскую флотилию, а также военные базы в Армении, Абхазии и Южной Осетии.

Восточный военный округ включает Дальневосточный военный округ, восточную часть Сибирского военного округа и Тихоокеанский флот. Восточный военный округ – самый крупный по боевому составу и по площади.

«Восточный военный округ – это принципиально новая оперативно-стратегическая структура в составе военной организации страны. Формирование округа стало итогом серьезной работы, включающей масштабную передислокацию войск и сил, которая была произведена на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири в течение нескольких месяцев. Объединение всех сил и средств под единым руководством позволило существенно повысить боевые возможности округа и его потенциал».

Министр обороны А.Э. Сердюков, 10 ноября 2010 г.

Западный военный округ
Штаб в Санкт-Петербурге

Центральный военный округ
Штаб в Екатеринбурге

Южный военный округ
Штаб в Ростове-на-Дону

Восточный военный округ
Штаб в Хабаровске

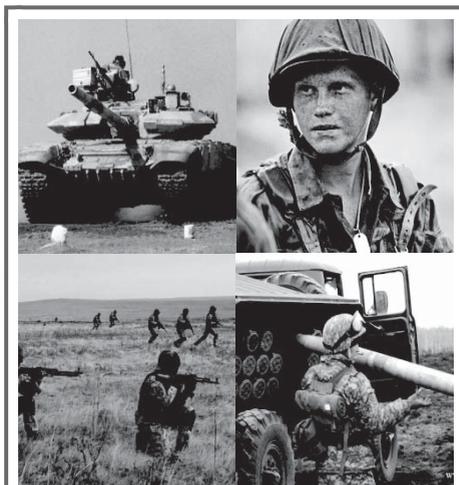
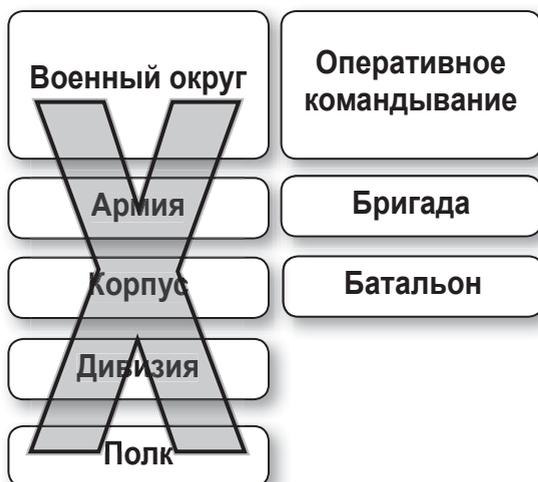
| СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА

В сухопутных войсках сегодня сформировано 85 бригад. В их числе – 39 общевойсковых бригад, 21 бригада ракетных войск и артиллерии, 7 бригад войск армейской ПВО, 12 бригад связи, 2 бригады радиоэлектронной борьбы, 4 десантно-штурмовые бригады.

Все 85 бригад уже укомплектованы на 95–100% и полностью оснащены военной техникой и другими материальными средствами, в то время как в прежние годы лишь 17% частей считались боеготовыми.

Создана новая трехзвенная структура командования сухопутными войсками оперативное командование–бригада–батальон, в котором бригада стала основной оперативно-тактической единицей. Такие элементы старой советской системы, как полки, дивизии, корпуса и армии, были полностью ликвидированы.

Сокращен мобилизационный резерв сухопутных войск. Вместо сотен частей неполного состава создаются 60 баз хранения военной техники, на основе которых за счет резервистов будут развертываться новые бригады в случае войны или мобилизации.

Начата подготовка профессионального сержантского состава. В сухопутных войсках уже прошел отбор кандидатов для поступления в центр подготовки сержантов (2 года и 10 месяцев), который создан на базе Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища. Контракт заключается на срок обучения и на 5 лет службы в войсках после окончания учебы. Курсанты будут получать 15 тыс. рублей в месяц, а по окончании обучения и назначении на должность в воинские части им гарантируется ежемесячное денежное довольствие в размере не менее 35 тыс. рублей.

Военно-воздушные силы России будут состоять из оперативных командований, авиабаз, эскадрилий и бригад воздушно-космической обороны (зенитно-ракетных и противоракетных). Все авиационные полки будут расформированы. Новая организация ВВС предусматривает в качестве основной структурной единицы авиационную базу, на каждой из которых будут дислоцироваться три боевые авиационные эскадрильи. С 2010 г. в состав ВВС входят семь оперативных командований, которые заменили существовавшие ранее воздушные армии.

Оперативные командования ВВС 2010:

4 командования ВВС и ПВО (бывшие армии ВВС и ПВО) с дислокацией их управлений в Санкт-Петербурге, Новосибирске, Хабаровске и Ростове-на-Дону

1 командование дальней авиации (бывшая 37-я воздушная армия)

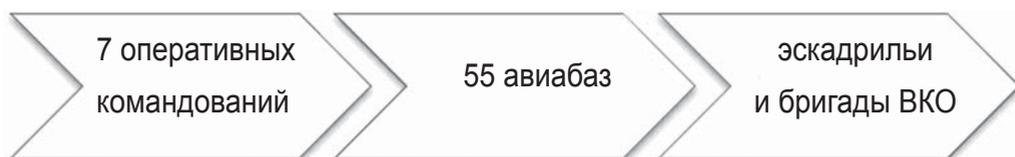
1 командование военно-транспортной авиации (бывшая 61-я воздушная армия)

1 командование воздушно-космической обороны (бывшее командование спецназначения, а еще раньше – Московский округ ВВС и ПВО, включающий и противоракетную оборону)

В ближайшие годы в Воронеже будет создан единый военно-учебный научный центр, который будет иметь два филиала по подготовке профильных специалистов для ВВС. Кроме того, в Липецке будет функционировать государственный центр по подготовке летного состава и войсковых испытаний фронтовой и армейской авиации. В Рязани будет действовать центр подготовки специалистов для дальней и военно-транспортной авиации.

Военно-воздушные силы РФ передают в подчинение командующих новыми военными округами фронтовую и армейскую авиацию. Дальняя авиация и военно-транспортная авиация, а также оперативно-стратегическое командование воздушно-космической обороны останутся в непосредственном подчинении главнокомандующего ВВС России.

Перспективная структура ВВС

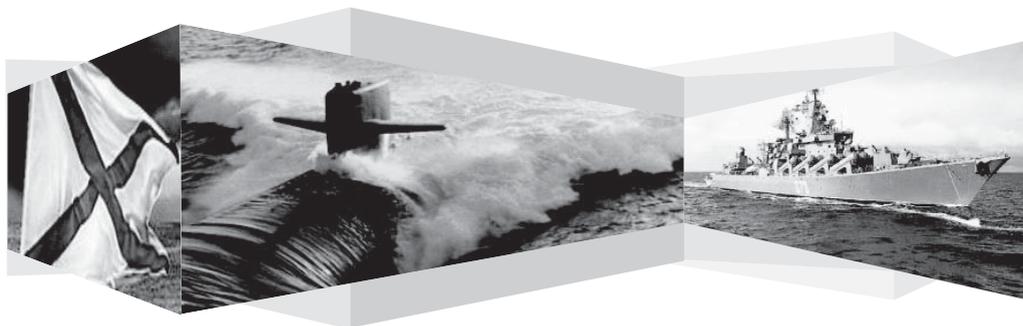
В ходе реформы Вооруженных сил претерпит изменения структура управления Военно-морским флотом России. **Балтийский** и **Северный** флоты будут включены в состав Западного военного округа. **Черноморский** флот и **Каспийская** флотилия окажутся в составе Южного военного округа. **Тихоокеанский** флот будет включен в состав Восточного военного округа.

«Изменения облика Военно-морского флота назрели давно, и это вызвано тем, что наряду с традиционными угрозами, в целом выражающимися в возможности других государств применить военную силу для обеспечения своих экономических и политических интересов, сегодня появились и новые угрозы – международный терроризм, возрастающие масштабы браконьерства и пиратства, транспортировка морем оружия массового поражения и экологический терроризм».

Главнокомандующий ВМФ В.С. Высоцкий, 11 февраля 2009 г.

В 2010 г. на Северном и Тихоокеанском флотах, имеющих в своем составе соединения многоцелевых и стратегических подводных лодок, созданы отдельные командования подводных сил.

Будет оптимизирована структура Военно-морского флота – на месте существующих ныне 240 частей останется 123 части. Кадрированные части (части неполного состава) будут ликвидированы.

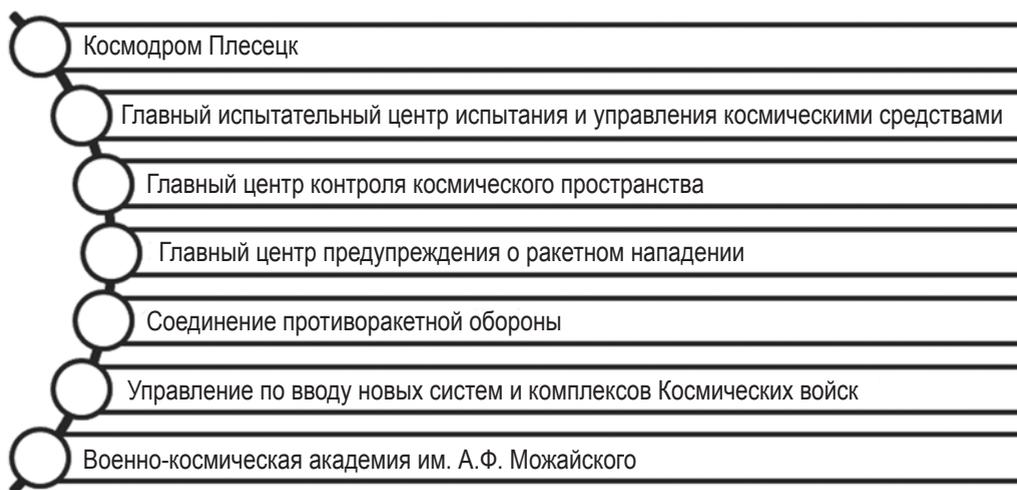
Структура космических войск в процессе реформирования оптимизирована, в ней появились новые части, которые могут более эффективно решать поставленные задачи.

«Процесс приведения организационно-штатной структуры космических войск к установленным параметрам в минувшем году полностью завершен. Структура оптимизирована и работает более эффективно».

Командующий ракетных войск О.Н. Остапенко, 14 января 2010 г.

В процессе оптимизации структуры космические войска освободились от лишней управленческой структуры в виде объединения ракетно-космической обороны, в которую раньше входили Главный центр контроля космического пространства, Главный центр предупреждения о ракетном нападении и соединение противоракетной обороны. Теперь эти структуры напрямую замыкаются на командующего космических войск.

Состав космических войск России 2010

С целью наращивания возможностей наземного автоматизированного комплекса управления космическими аппаратами в 2009 г. на территории Калининградской области был создан новый отдельный измерительный пункт, развернутый в рамках формирования нового облика космических войск. С вводом в строй нового отдельного измерительного пункта в самой западной точке страны была повышена эффективность и устойчивость качественного сопровождения и управления орбитальной группировкой космических аппаратов военного и двойного назначения с территории России от Камчатки до Калининграда.

| МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

До конца 2010 г. произойдет объединение тыла Вооруженных сил и органов вооружения в единую структуру – материально-техническое обеспечение (МТО).

Руководить новой структурой будет заместитель министра обороны России. После реорганизации заместителю министра обороны по МТО будут подчинены департамент планирования и координации МТО, ресурсного и транспортного обеспечения, а также главное автобронетанковое управление, ремонтно-восстановительное управление и метрологическое управление Минобороны.

Объединение всех сил и средств тылового и технического обеспечения было апробировано при проведении оперативно-стратегического учения «Восток-2010».

С учетом возросшего количества и объема задач в 2010 г. будет осуществлен переход от полков материального обеспечения к бригадам МТО; в четырех оперативно-стратегических командованиях до 1 декабря 2010 г. будет сформировано 10 бригад МТО – по одной в составе каждой общевойсковой армии.

«Бригады МТО создаются, чтобы уйти от многостепенности управления войсками и перейти на максимум трехуровневое управление и такую же систему тылового обеспечения – Центр–ОСК–бригада».

Заместитель министра обороны Д.В. Булгаков

В 2009 г. были созданы военные учебно-научные центры видов Вооруженных сил, укрупнен ряд военных академий и университетов. В результате проведенных мероприятий общее количество военно-учебных заведений сократилось с 64 до 16. В настоящее время подготовку офицеров осуществляют: 3 военных учебно-научных центра видов Вооруженных сил, 11 военных академий и 2 военных университета. Все ранее существовавшие высшие военные училища, военные институты и профильные научно-исследовательские организации присоединены к ним в качестве филиалов.

«Первое направление, по которому ведутся изменения, – оптимизация сети военных университетов в России. Идут сокращение вузов и организация межвидовых учебных заведений, в которых осваивается сразу несколько специальностей. Вторая тенденция – соединение военного образования и военной науки. Мы хотим, чтобы вуз имел научно-исследовательское подразделение. Третье направление реформ – повышение качества военного образования, как со стороны организации, так и со стороны содержания. К тому же мы не отказываемся от перехода к бакалавриату и магистратуре, которое приходит из гражданского образования».

*Начальник Пятого управления военного управления
Министерства обороны Т.А. Фральцова, 4 сентября 2010 г.*

15 июля 2009 г. учрежден Военный учебно-научный центр ВМФ. Концепция создания центра предусматривает его размещение в Кронштадте на площади в 500 га. Число обучающихся, преподавателей, научных сотрудников и обеспечивающего персонала нового центра превысит 10 тыс. человек. Планируемый срок завершения создания центра – 2013 г.

В самое ближайшее время Министерство обороны запустит систему переподготовки служащих офицеров, которая позволит им раз в три года обновлять свои знания. Кроме того, предлагается открыть специальные курсы, на которых офицер самостоятельно мог бы поддерживать свой уровень знаний.

Министр обороны России А.Э. Сердюков

Система военного образования является инструментом формирования кадрового потенциала Вооруженных сил. Сегодня она играет ведущую роль в обучении, профессиональной переподготовке и повышении квалификации военнослужащих, воспроизводстве педагогических и научных кадров. Ее значимость должна сохраниться и в будущем. Именно поэтому повышение эффективности системы военного образования Военной доктриной Российской Федерации отнесено к основным приоритетам развития военной организации государства.

Современный этап развития военной школы начался в 1992 г. с созданием российских Вооруженных сил. В этот период работа по реформированию военного образования строилась на основе Концепции развития системы военного образования Вооруженных сил Российской Федерации (1993 г.), Программы совершенствования системы военного образования в Министерстве обороны Российской Федерации (1998 г.) и Федеральной программы «Реформирование системы военного образования в Российской Федерации на период до 2010 года» (2002 г.).

Каждый из этих документов преследовал конкретные цели. Так, Концепция 1993 г. была направлена на восстановление целостности системы военного образования, которая понесла большие потери в результате распада СССР, приведение деятельности военно-учебных заведений в соответствие с новым законодательством в области военной службы и профессионального образования.

Программы 1998 и 2002 гг. были направлены на реорганизацию всех компонентов системы военного образования. Однако недостаточное финансирование не позволило провести коренного преобразования. Произошло лишь некоторое улучшение информационно-методического и материально-технического обеспечения образовательного процесса в трети от имеющихся на тот период вузов. Система оставалась громоздкой и имела ряд существенных недостатков. Среди них:

- большое количество узкоспециализированных малочисленных вузов, не обеспечивающих необходимый уровень подготовки выпускников при высоких затратах на обучение;
- образовательный процесс, ориентированный на *натаскивание* обучающихся в решении типовых задач, что ставило выпускников вузов в сложное положение при принятии решений в противоречивой, быстро меняющейся обстановке современного боя;
- неоправданный отрыв военного образования от военной науки, когда научный потенциал военно-учебных заведений (в вузах сосредоточено свыше 70% всех ученых Минобороны России) практически не использовался как для развития

¹ Текст статьи представлен в сокращении. Полный текст см. на сайте Министерства обороны России. http://www.mil.ru/847/851/publications_1/12671/index.shtml? id=76658

военного образования, так и для строительства военной организации государства в целом.

Существенное влияние на ситуацию в военном образовании оказали и трансформации, происходившие в нашем государстве и обществе. В военно-учебные заведения сегодня поступают юноши, родившиеся и выросшие в новой России. У них иной менталитет, другая система ценностей и взгляды на жизнь. Поэтому возникла необходимость в формировании новых подходов к обучению и воспитанию курсантов в военно-учебных заведениях, к условиям их проживания и учебы, занятиям спортом и культурному развитию.

Решение о формировании нового облика Вооруженных сил Российской Федерации, принятое военно-политическим руководством государства, послужило толчком к модернизации всех сторон жизни и деятельности армии и флота, включая и систему военного образования.

Перед военной школой были поставлены задачи:

первая – обеспечить новое качество военного образования, выйти на уровень военно-профессиональной подготовки, отвечающей современным и перспективным требованиям к военным специалистам;

вторая – привести сеть и емкость военно-учебных заведений в соответствие с изменившимися параметрами кадрового заказа на подготовку офицеров.

Сегодня перед коллективами вузов остро стоит вопрос повышения уровня военно-профессиональной подготовки выпускников.

В военно-учебных заведениях, как и во всей высшей школе страны, с 2011/2012 учебного года начнется обучение по новым федеральным государственным образовательным стандартам.

В их основу положен компетентностный подход к подготовке слушателей и курсантов. Он предполагает развитие у обучающихся способности ориентироваться в разнообразии сложных и непредсказуемых ситуаций, иметь представления о последствиях своей деятельности, а также нести за них ответственность. Особенностью новых профессиональных образовательных программ является существенное усиление правовой, психологической, управленческой и лингвистической подготовки слушателей и курсантов, увеличение объема и интенсивности физической подготовки.

Одновременно в вузах возрождается культ учебы. Совершенствуются меры морального и материального стимулирования лучших курсантов и слушателей. Созданы возможности для самореализации и саморазвития, освоения дополнительных образовательных программ, занятий научной работой, изучения иностранных языков не только в стенах вуза, но и за его пределами. Первым шагом стало введение свободного выхода из военно-учебного заведения после окончания плановых занятий.

У курсантов и слушателей появилась возможность посещать библиотеки, культурные центры, выставки.

Уже второй год в Военной академии Генерального штаба учебный процесс идет по новой программе. В Академию после вступительных экзаменов были зачислены лишь наиболее подготовленные в профессиональном отношении офицеры и генералы. Мы предъявляем к ним высокие требования, в то же время обеспечиваем достойным денежным довольствием и создаем хорошие стартовые возможности для будущего карьерного роста. Наряду с изучением военных дисциплин они осваивают международное право, финансы и другие гуманитарные дисциплины, которые помогут адаптироваться в современной жизни.

Военно-учебные заведения решают и принципиально новые для них задачи. Так, в 2009 г. они приступили к выполнению важной социальной функции – профессиональной переподготовке увольняемых военнослужащих по одной из гражданских специальностей. Потенциал военно-учебных заведений позволяет ежегодно переподготавливать только по очной форме обучения свыше 20 тыс. человек. При этом ряд вузов реализует эту задачу выездными группами преподавателей.

В числе наиболее важных направлений дальнейшей работы можно выделить следующие:

первое – продолжение совершенствования внутренней структуры и учебно-материальной базы военно-учебных заведений. Новые образцы вооружения и военной техники, современное тренажерное оборудование, электронно-вычислительная техника будут поставляться в вузы в приоритетном порядке. Уже сегодня на повестке дня создание «электронного вуза», представляющего собой автоматизированную систему организации и контроля образовательного процесса;

второе – снятие с военно-учебных заведений задач по обеспечению повседневной хозяйственной деятельности и передача их сторонним организациям на принципах аутсорсинга. Это существенно сократит отрыв слушателей и курсантов от учебных занятий;

третье – мониторинг профессиональных образовательных программ, разработанных на основе федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения, и их оперативная корректировка на основе анализа служебной деятельности выпускников вузов в войсках;

четвертое – поиск наиболее оптимальных подходов к подготовке специалистов, исходя из служебного предназначения выпускников вузов и перспектив прохождения ими военной службы;

пятое – интеграция с гражданской высшей школой:

- непрерывное изучение и внедрение современных образовательных технологий, наработанных в стране и за рубежом;
- привлечение к проведению занятий специалистов гражданской высшей школы;

– организация повышения квалификации преподавателей в ведущих вузах страны.

С 2013 г. планируется введение в действие нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Минобороны России приняло самое активное участие в его подготовке. Большинство предложений, отражающих особенности деятельности военно-учебных заведений, нашло поддержку и включено в законопроект. С введением закона в действие предстоит существенно переработать нормативную правовую базу военного образования, привести деятельность военно-учебных заведений в соответствие с новыми требованиями.

Вся работа по модернизации системы военного образования базируется на трехвековом опыте отечественной военной школы. Мы также внимательно изучаем, что делается в этом направлении в ведущих армиях мира: США, Германии, Великобритании, Франции, Финляндии и других государствах. Безусловно, они имеют свои национальные корни и особенности. Но ряд подходов к организации обучения и деятельности военно-учебных заведений заслуживает внимания и может быть использован в практической работе по модернизации российского военного образования.

Работаем в тесном контакте с Министерством образования и науки России, сверяем свои шаги с мерами, принимаемыми в государстве по совершенствованию профессионального образования, советуемся с вузовскими коллективами. Это помогает выбирать наиболее оптимальные пути выхода на новое качество подготовки офицерских кадров.

Главной задачей сегодня является переход от массового обучения к подготовке «штучного» специалиста. При этом основной упор будет направлен на формирование у слушателей и курсантов общекультурных, психологических, управленческих, общевойсковых и военно-профессиональных компетенций с акцентом на предстоящую профессиональную деятельность выпускников. Такой подход позволит военно-учебным заведениям готовить настоящих военных профессионалов, способных уверенно и с высокой эффективностью выполнять свои задачи в обновленных Вооруженных силах.

Важнейшую роль в достижении поставленных целей будет играть возрождение престижа военной службы и профессии офицера, статуса защитника Отечества. Эта проблема должна быть в центре внимания всех должностных лиц государства: как на уровне Федерации, так и в регионах.

Сбор командиров соединений Вооруженных сил Российской Федерации, Нижегородская область, 25 ноября 2010 г.

25 ноября 2010 г. в Нижегородской области состоялась встреча участников сбора командиров соединений Вооруженных сил России с Верховным Главнокомандующим Д.А. Медведевым. Кроме него на встрече также присутствовали министр обороны А.Э. Сердюков и начальник Генерального штаба Н.Е. Макаров. Были подведены промежуточные итоги процесса реформирования Вооруженных сил, а также сделан ряд заявлений о дальнейших мерах по приданию армии нового облика.

«Сегодня у нас есть четкий план, как действовать дальше, и, смею вас заверить, абсолютная решимость, непреклонная решимость довершить, довести эти преобразования до конца».

Президент РФ Д.А. Медведев, 25 ноября 2010 г.

По словам Президента, с 2010 по 2020 гг. ежегодные объемы финансирования национальной обороны сохранятся на уровне 2,8% от ВВП.

Все командиры, получившие возможность высказать свой взгляд на промежуточные итоги реформирования Вооруженных сил, положительно оценили переход на бригадную организацию армии.

«Сейчас я команду полнокровным воинским организмом, который укомплектован личным составом, техникой. Боеприпасы, все материальные запасы загружены в автомобильный транспорт, и бригада сейчас с готовностью выполнит любые задачи в течение часа».

Командир 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады гвардии полковник И. Тимофеев, 25 ноября 2010 г.

Участники встречи коснулись реформирования российского оборонно-промышленного комплекса. Президент отметил, что закупки иностранного вооружения позитивно влияют на российские оборонные предприятия.

«У нас были определенные проблемы с беспилотными летательными аппаратами, мы были вынуждены принять решение о закупке ряда иностранных образцов. В результате качество наших беспилотников существенно улучшилось, потому что наши производители боятся потерять этот рынок. Тот, кто не сможет выпускать современную технику, тот ее поставлять не будет. Я обращаюсь ко всем директорам наших оборонных предприятий. Или нормальную технику будут делать, или придётся с такими структурами контракты разрывать».

Президент РФ Д.А. Медведев, 25 ноября 2010 г.

Также был затронут вопрос необходимости развития военно-гражданских отношений.

«Войска должны прежде всего уделять внимание оперативной подготовке, боевой учебе, исключительно концентрироваться на этих темах. Обязанности по охране, по бытовому обеспечению должны быть переданы гражданским организациям».

Президент РФ Д.А. Медведев, 25 ноября 2010 г.

Олег ГАЗМАНОВ

Член общественного совета при Министерстве обороны России

Российский певец, композитор и поэт

ПИР-Центр: Как Вы считаете, в чем состоят три основные проблемы современной российской армии?

О.М. Газманов: Я не профессиональный военный, поэтому могу только предположить, что тормозит развитие современной армии в России. Но мне кажется, три основные проблемы – это люди, техника и связь.

Людей надо готовить работать в условиях высокотехнологичной войны – это должен быть совершенно новый уровень мышления.

Надо развивать военные технологии, а не просто модернизировать технику, разработанную и созданную 20–30 лет назад, как это делается сейчас. Для этого наука должна работать на военных проектах с той же интенсивностью, как это было в 1940–1980-х гг.

Связь, пожалуй, столь же важна, как стратегия ведения боя. Надо быстрее выводить на достойный технологический уровень и внедрять независимую систему навигации Глонасс.

ПИР-Центр: Сейчас говорят о новом облике Вооруженных сил. Что, по-Вашему, стоит за этой формулировкой?

О.М. Газманов: Новый облик, новое содержание – это изменение технологии ведения войны. Иногда мне кажется, что мальчишки-школьники, которые сейчас сутками сидят за компьютерами и играют в военные стратегии, вполне могли бы делать то же самое в армии, только там их уровень ответственности и оснащенности должен быть несравнимо более высоким. Но это в будущем, а сейчас, если мы хотим профессиональную эффективную армию, военные хотя бы не должны отвлекаться на чистку картошки, уборку казарм и рытье канав. Ведь их главное и единственное дело – быть готовыми защитить свою страну.

ПИР-Центр: Как Вы оцениваете роль Общественного совета при Министерстве обороны РФ?

О.М. Газманов: Я считаю, что Общественный совет не играет той роли, какую должен играть. Самое главное, что мог бы он дать, – это национальная идея. У нас сейчас идеологии нет вообще. Люди перестали гордиться своей страной. Если России потребуются защитники, у нас будут проблемы. За что молодым парням умирать? За зарплату? Нет такой зарплаты, за которую можно умереть. Общественный совет должен был сделать все, чтобы создать национальную идею. Но он не сделал этого – потому что мало просто кинуть в воздух идею, нужно планомерно и профессионально её внедрять. А этим никто не хочет заниматься.

¹ Интервью подготовлены корреспондентом журнала *Индекс Безопасности* Маргаритой Ключковой.

Александр МАКЕЕВ

*Член общественного совета
при Министерстве обороны России*

*Генеральный директор регионального
общественного фонда содействия помощи
Воздушно-десантным войскам
«ВДВ – боевое братство»*

ПИР-Центр: Как Вы считаете, в чем состоят три основные проблемы современной российской армии и почему необходима реформа?

А.А. Макеев: Основная проблема – это даже не дедовщина, а призыв, потому что очень многие люди не идут в армию, как это положено по закону, а пытаются разными способами от нее отлынивать.

Вторая проблема – это социальная защита военнослужащих. Она должна быть обеспечена. Необходимо внести конкретику. Должны быть выполнены обещания, данные в связи с предыдущей реформой и той, что проводится сейчас.

И третья основная проблема армии – это недостаточное финансирование. России нужна профессиональная армия. Для этого необходимо обеспечить достойное содержание офицерам и служащим по контракту.

ПИР-Центр: Сейчас говорят о новом облике Вооруженных сил. Что, по-Вашему, стоит за этой формулировкой?

А.А. Макеев: Идея, несомненно, хорошая, но она опережает определенные необходимые действия. Сам новый облик, как он задумывался, действительно поднимал престиж военнослужащего. В концепцию закладывались многие вещи, связанные, в том числе и особенно, с уровнем жизни офицеров и профессиональной армией. Однако для достижения поставленных целей необходимо, прежде всего, сначала обучить, подготовить людей и выполнить данные им обязательства.

ПИР-Центр: Как Вы оцениваете роль Общественного совета при Министерстве обороны РФ?

А.А. Макеев: Общественный совет должен играть большую роль, но мы находимся еще пока в начале пути. Например, деятельность Общественной палаты при президенте России уже заметна; ее часто слышно. Роли общественных советов при министерствах пока чуть скромнее, но я надеюсь, что они будут расти. Сейчас еще просто недостаточно опыта работы в подобных общественных организациях, не до конца распределены обязанности, и поэтому пока существует некоторый хаос. Конечно, хочется, чтобы роль Общественного совета росла, чтобы он мог что-то делать.

Валентина МЕЛЬНИКОВА

Член Общественного совета
при Министерстве обороны России

Председатель Союза комитетов солдатских
матерей России

ПИР-Центр: Как Вы считаете, в чем состоят три основные проблемы современной российской армии и почему необходима реформа?

В.Д. Мельникова: Если говорить только об армии, то первое, по мнению моей организации и моему лично, это опоздание перехода на добровольную профессиональную военную службу. Это многолетнее опоздание тормозит все другие необходимые изменения. Второе – это устаревшая система подготовки офицеров, советская, идеологизированная, *заточенная* в основном под идеолого-политические проблемы. И третье, это, конечно, колоссальное казнокрадство из военного бюджета. Это то, с чем мы сталкивались и когда только начинали работать в 1989 г. и, к сожалению, до сих пор сталкиваемся.

ПИР-Центр: Сейчас говорят о новом облике Вооруженных сил. Что, по-вашему, стоит за этой формулировкой?

В.Д. Мельникова: Мне трудно говорить за военных. Насколько я понимаю этот термин из уст министра обороны и начальника Генерального штаба, они в первую очередь говорят об управляемости войсками. Совершенно новая структура, не такая, какой была советская и российская. Исчезли некоторые промежуточные звенья, исчезли *оукленные* воинские подразделения, которые, непонятно, зачем, просто занимают место и клеточки в штатном расписании – товарищи офицеры. Мне кажется, что с точки зрения военных это основное. А на мой взгляд, новый облик – это, безусловно, солдат, выбирающий сам свою службу, солдат, за которого государство отвечает не так, как сейчас (15 окладов в случае гибели, совсем ничтожными суммами), а так, как отвечают, например, американцы за своих погибших и травмированных. Новый облик – это равное положение офицеров и солдат перед государством. Они одинаковые, имеют одинаковый договор с государством, несут профессионально свои обязанности, но и государство им платит в соответствии с выполненными ими задачами. Вот что такое, на мой взгляд, новый облик.

ПИР-Центр: Как Вы оцениваете роль Общественного совета при Министерстве обороны РФ?

В.Д. Мельникова: Конечно, нам, членам Общественного совета при Министерстве обороны, хотелось бы быть более квалифицированными. Я надеюсь, что сейчас будет новый состав, немного уменьшенный, потому что прежний состав назначался совершенно под другие задачи совершенно другим министром обороны, и, возможно, нам удастся работать с руководством Министерства обороны более оперативно. Если мои коллеги согласятся, я буду возглавлять комиссию по воинской дисциплине и гуманизации военной службы, и я очень рассчитываю, что нам удастся сотрудничать и с начальником Генштаба, и с министром обороны, и с командующими округов так, как мы это делаем с внутренними войсками, на очень высоком уровне.

Александр КАНЬШИН

*Член Президиума Общественного совета
при Министерстве обороны России*

*Глава Национальной Ассоциации объединений
офицеров запаса Вооруженных сил (МЕГАПИР)*

ПИР-Центр: Как Вы считаете, в чем состоят три основные проблемы современной российской армии и почему необходима реформа?

А.Н. Каньшин: Современные реалии, в том числе геополитические, требуют новых подходов к армии, быстрой реакции на изменения. Поэтому нам нужна компактная, мобильная и боеспособная армия, способная в полном объеме выполнять задачи по обеспечению национальной безопасности России. Армия должна выполнять две основные функции – или воевать, или готовиться к войне. Чтобы обеспечить нормальное функционирование армии, необходимо решить ряд проблем. Во-первых, давно назрело комплексное перевооружение и переоснащение Вооруженных Сил в соответствии с современными требованиями, начиная с новой боевой экипировки и заканчивая высокоточным оружием, что потребует переучивания личного состава. Во-вторых, необходимо решить проблему профессиональной подготовки офицеров, которые являются не только основой армии, но и государства в целом, и сформировать школу подготовки профессионального сержанта. В-третьих, давно пора поднять на новый уровень престиж военной службы, обеспечить максимальную социальную защиту и гарантии тем, кто готов отдать свою жизнь, защищая нашу страну. При этом военнослужащие должны сохранять серьезные льготы и после выхода на пенсию. Сейчас идет масштабное сокращение костяка армии, офицерского корпуса, и решать проблемы их обеспечения жильем, а также социальной адаптации и трудоустройства необходимо на государственном, а не внутриведомственном уровне.

ПИР-Центр: Сейчас говорят о новом облике Вооруженных сил. Что, по-Вашему, стоит за этой формулировкой?

А.Н. Каньшин: Министерством обороны уже ведется некоторая работа в этом направлении. Например, предпринимаются шаги по изменению организационной структуры, формированию частей постоянной боевой готовности, избавлению военнослужащих от несвойственных им задач, а также гуманизации военной службы с целью повышения ее привлекательности и открытости. Вместе с тем, новый облик также должен предполагать снижение уровня коррупции и преступности в войсках, сведение к минимуму неуставных взаимоотношений в армии. В связи с этим в войсках очень значима роль офицера-воспитателя. Давно назрел переход на новый уровень подготовки молодежи к военной службе, как в техническом, так и моральном плане, особенно с учетом сокращения периода срочной службы до одного года.

ПИР-Центр: Как Вы оцениваете роль Общественного совета при Министерстве обороны РФ?

А.Н. Каньшин: Без поддержки общества любые реформы армии будут обречены на провал. Необходимо вести открытый, грамотный диалог с обществом и полнее использовать информационные технологии. Общественный совет является связующим звеном между обществом и армией, и я считаю, что в своей работе он должен уделять большее внимание взаимодействию с ветеранскими, правозащитными и другими общественными организациями, в том числе и организациями офицеров запаса, вести с ними конструктивный диалог, активно привлекать к процессам реформирования Вооруженных сил.

Игорь Коротченко

НОВЫЙ ОБЛИК ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

Итоги *пятидневной войны* с Грузией стали основанием для внимательного анализа состояния Вооруженных сил РФ. Хотя в августе 2008 г. была одержана победа, российская армия во многом продолжала оставаться калькой с советской армии: громоздкая организационно-штатная структура, огромное количество кадрированных частей, явный переизбыток офицерского состава и генералитета, значительная часть которого утратила мотивацию к добросовестному выполнению своих служебных обязанностей или была поражена коррупцией. События 08.08.08 также наглядно показали отсутствие в ВС РФ современных автоматизированных систем управления и связи, удобной экипировки для военнослужащих, новейшего вооружения и военной техники. Такая армия явно не соответствовала характеру угроз и вызовов, с которыми могла столкнуться Россия в ближайшие десятилетия.

Осознание этих реалий заставило военное руководство действовать быстро и решительно. Уже в сентябре 2008 г. министр обороны РФ А.Э. Сердюков и начальник Генерального штаба ВС РФ представили президенту России Д.А. Медведеву план мероприятий по приданию Вооруженным силам РФ нового облика. Их организационную основу предполагалось создать в сжатые сроки и без дополнительного выделения средств. По сути, речь шла о радикальной трансформации всего военного механизма, самой масштабной военной реформе начиная с 1918 г., когда была создана РККА.

Этому во многом способствовало то обстоятельство, что А.Э. Сердюков, будучи выходцем из системы Федеральной налоговой службы, был свободен от каких-либо корпоративных обязательств перед высшим генералитетом, поэтому в Министерстве обороны для него не существовало *священных коров*, что упрощало стоящую перед ним задачу. При этом он опирался на мнение и поддержку начальника Генерального штаба генерала армии Н.Е. Макарова, имевшего значительный опыт службы на различных командных должностях.

Была поставлена задача выйти на численность Вооруженных сил РФ в 1 млн военнослужащих при одновременном сокращении численности офицеров с 355 тыс. до 150 тыс. человек. Оптимизация также предусматривала сокращение численности центральных органов военного управления, включая Министерство обороны и Генеральный штаб.

Представляется целесообразным рассмотреть, что удалось сделать в сфере военного строительства за минувшие два года.

НОВОЕ ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ РФ И СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ

После российско-грузинского конфликта Россия приняла новую Стратегию национальной безопасности и Военную доктрину, внесла корректировки в военные стратегии, до-

полнительно определив возможные угрозы, основных и потенциальных противников, типы возможных войн и конфликтов, основные формы и методы реализации стратегических задач.

Дальнейшим логическим шагом стало создание в 2010 г. Объединенных стратегических командований на основе нового военно-административного деления Российской Федерации.

На базе Московского и Ленинградского военных округов образован Западный военный округ, в состав которого также вошли Северный и Балтийский флоты, и создано Объединенное стратегическое командование (ОСК) «Запад». Северо-Кавказский военный округ преобразован в Южный военный округ (ОСК «Юг»), в состав которого вошел Черноморский флот. Приволжско-Уральский военный округ и западная часть Сибирского военного округа образуют Центральный военный округ (ОСК «Центр»). Путем объединения оставшейся части Сибирского военного округа и Дальневосточного военного округа образован Восточный военный округ (ОСК «Восток»), в состав которого вошел Тихоокеанский флот. Это является положительным фактором, поскольку от эффективного управления войсками на театре военных действий зависит успех любой операции.

Главные штабы видов вооруженных сил – ВВС, ВМФ и сухопутных войск – сохраняются и в новой структуре российской армии, однако часть их прежних функций, а также соответствующие силы и средства передаются в оперативное подчинение Объединенным стратегическим командованиям. Это также соответствует новым реалиям, поскольку в прогнозируемых масштабных военных конфликтах будут использоваться все средства нападения, включая сухопутную, морскую и авиационную составляющую.

Для повышения эффективности управления войсками состоялся переход на трехзвенную структуру – военный округ, оперативное командование, бригада.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Наиболее серьезные усилия были направлены на придание нового облика сухопутным войскам, где полностью ликвидированы полки и дивизии. Вместо них создано 85 бригад постоянной готовности трех видов: тяжелые бригады, основу которых составят танковые подразделения; средние – многоцелевые; а также легкие – десантно-штурмовые и горные. Бригады строятся по модульному принципу, что предполагает способность выполнять боевые задачи в отрыве от основных сил, автономно. Все они укомплектованы личным составом на 95–100%, полностью оснащены военной техникой и другими материальными средствами. Одновременно на случай войны или мобилизации создано 60 баз хранения военной техники, на основе которых за счет резервистов будут развертываться новые бригады.

В военно-воздушных силах произошли ключевые изменения, связанные с переходом боевого состава от корпусов, дивизий и авиационных полков на новые структуры, такие как авиационные базы и бригады воздушно-космической обороны. Основу боевого состава авиации составляют 33 авиационные базы, при этом основной тактической единицей в авиации является авиационная эскадрилья. Авиационные базы подразделяются на два разряда: авиационные базы 1-го разряда, по статусу соответствующие тактическим соединениям, имеющие в своем составе базирующиеся на разных аэродромах авиационные группы различного назначения, и авиационные базы 2-го разряда, по статусу соответствующие авиационному полку. Также в ВВС сформировано 13 бригад воздушно-космической обороны.

Структура военно-морского флота не претерпела радикальных изменений, за исключением создания новых командований подводными силами на Северном и Тихоокеанском флотах, в их состав вошли все соединения атомных подводных лодок СФ и ТОФ соответственно.

Структура воздушно-десантных войск осталась практически прежней. В космических войсках и ракетных войсках стратегического назначения процесс оптимизации затронул только обеспечивающие службы и управления.

Следует также отметить значительное сокращение численности центрального аппарата Министерства обороны РФ – с 10 523 до 3500 человек, что же касается численности Генерального штаба, то она уменьшилась на 50%.

В марте 2010 г. президент РФ Д.А. Медведев, выступая на расширенной коллегии Минобороны России, заявил, что поставленные перед военным ведомством задачи по сокращению штатной численности военнослужащих в целом выполнены – она снижена до 1 млн человек.

ГОСОБОРОНЗАКАЗ И ПОСТУПЛЕНИЕ НОВОЙ ТЕХНИКИ

В соответствии с Государственной программой вооружений (ГПВ) на 2011–2020 гг. для ВС РФ в течение 10 лет должно быть поставлено более 500 новых самолетов различных типов, 1000 вертолетов и около 200 новых систем ПВО. В области ПВО будет создана единая система воздушно-космической обороны, объединяющая возможности ПВО и ПРО. В области военной авиации, кроме работ по истребителю пятого поколения (ПАК ФА), началась работа по перспективному авиационному комплексу дальней авиации (ПАК ДА). Продолжаются работы по перспективному комплексу дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) и УА-100.

Основная часть продукции военного назначения для российской армии будет закупаться у отечественных производителей. По тем видам вооружения и военной техники, где российский ОПК не может пока предложить современных конкурентоспособных изделий, планируется закупать вооружение у ведущих западных производителей, причем в основном это будет осуществляться в форме организации СП на территории России с передачей соответствующих технологий.

В плане модернизации вооружений Министерству обороны РФ предстоит решить очень масштабные задачи, поскольку в последние 20 лет армия получала лишь единичные образцы современного оружия. В связи с этим даже в пределах максимального объема финансирования ГПВ 2011–2020 гг. в сумме свыше 20 трлн рублей средств на равноценную модернизацию вооружений всех видов и родов войск не хватит. Поэтому определенные приоритетные программы перевооружения российской армии до 2020 г.

Первый приоритет – стратегические ядерные силы. Для сохранения паритета с США будут развиваться и модернизироваться СЯС в пределах, определенных новым договором по СНВ, причем сделана ставка на серийное производство новых твердотопливных ракетных комплексов РС-24 Ярс и БРПЛ Булава.

Второй приоритет – высокоточное оружие.

Третий приоритет – автоматизированные системы управления (АСУ) войсками. На основе видовых АСУ будет создана единая система управления для обеспечения возможности ведения сетцентрических боевых действий. Она будет иметь открытую архитектуру, что позволит наращивать ее возможности в любом направлении.

Четвертый приоритет – все виды авиационной техники.

Пятый приоритет – средства ПВО-ПРО.

По словам министра обороны России А.Э. Сердюкова, «вооружение – это процесс достаточно длительный. Мы его разбили на две части. До 2015 г. – это первый этап, и 2020 – это будет второй. Должны выйти на параметры – к 2015 г. современной техники в армии должно быть не менее 30% и к 2020 г. – порядка 70%»².

Предпринимаются усилия сократить отставание от ведущих западных стран в области разработки БЛА, индивидуальных комплектов вооружения для военнослужащих, отдельных образцов военно-морской и бронетанковой техники. Потенциальными партнерами

Анатолий Анин, Родион Аюмов

ДОВСЕ – ВЧЕРА, СЕГОДНЯ... ЗАВТРА?..

Статья первая

...Шел ноябрь 1999 года. Расцветшая огнями Вена уже готовилась к Рождеству.

Во дворце Хофбург, где всего пару недель назад успешно завершились переговоры по адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (знатоки именуют его коротко – ДОВСЕ), выстроилась довольно большая разноязыкая очередь. Молодые и убеленные сединами дипломаты и военные из трех десятков стран НАТО и бывшего Варшавского Договора с энтузиазмом раскупали футболки с репродукцией картины Репина «Бурлаки на Волге» и надписью: «It was a long haul but we made it»¹. Возможно, у кого-то из них этот остроумный сувенир сохранился и по сей день.

В эйфории от завершения нелегкой работы, которой было отдано три года их жизни и немалое количество сил и нервов, эти люди рассчитывали на короткий рождественский привал на переговорах и едва ли задумывались тогда о том, что вся история ДОВСЕ – это борьба с течением времени. Тем более не могли они представить себе, что привал затянется на долгие годы, а неумолимое и коварное течение вскоре унесет далеко назад результаты их труда, и десятилетие спустя уже новому поколению переговорщиков, по-прежнему совсем не похожих на репинских бурлаков, придется вновь браться за лямку, чтобы вместе спасти режим европейского контроля над обычными вооружениями на основе адаптированного ДОВСЕ... Или все же создавать на его месте что-то новое?

(Из рассказа очевидца)

Проблема контроля над обычными вооружениями традиционно привлекала гораздо меньшее внимание политиков, ученых и общественности, чем, скажем, перипетии сокращения стратегических наступательных вооружений. Всплески интереса к ней, как правило, были связаны лишь с поворотными пунктами в развитии этого процесса – подписанием ДОВСЕ и Соглашения об адаптации ДОВСЕ, приостановлением действия Договора Россией.

Возможно, современному европейцу этот вопрос кажется периферийным хотя бы потому, что широкомасштабный военный конфликт на континенте с массированным применением бронетехники, артиллерии и авиации воспринимается как кошмар военных планировщиков эпохи холодной войны, совершенно невозможный в наши дни.

Между тем, порой (как это было во время натовской кампании против Югославии в 1999 г.) жизнь сурово напоминает, что попытки военно-силового решения проблем остаются реальностью и в Европе. Соответственно, с точки зрения национальной и ев-

А
Н
А
Л
И
З

ропейской безопасности сохраняется актуальность задачи ограничения военных потенциалов, являющихся материальной основой подобных конфликтов, а также создания адекватных механизмов обмена информацией и контроля. По существу, контроль над вооружениями наряду с собственно оборонными усилиями становится для России одним из основных способов защиты интересов безопасности в военной сфере, причем наименее затратным.

С учетом этого анализ и обобщение предыстории, опыта подготовки, выполнения и адаптации ДОВСЕ, а также борьбы вокруг дальнейшей судьбы режима контроля над обычными вооружениями в Европе могут представлять интерес не только для практиков, вовлеченных в соответствующие переговоры, но и для исследователей, занимающихся проблемами европейской безопасности. При этом авторы стремились «смотреть на... вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии прошло, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»².

ДЕВЯНОСТО ЛЕТ ПРЕДЫСТОРИИ: ОТ ГААГИ ДО ВЕНЫ

Первые попытки подступиться к вопросу об ограничении – как количественном, так и качественном – вооруженных сил в Европе были предприняты Россией еще в конце XIX в., в период подготовки Первой Гаагской мирной конференции (1899 г.).

В межвоенный период много сделало в этой сфере Советское государство, уже на Генуэзской конференции 1921 г. предложившее обсудить вопрос о всеобщем разоружении, инициировавшее проведение в декабре 1922 г. Московской конференции по сокращению вооружений с участием Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши и с 1927 г. активно участвовавшее в переговорах под эгидой Лиги наций. Можно вспомнить в связи с этим и рассмотрение вопроса о разоружении на генеральной конференции по ограничению и сокращению вооружений (1932–1934 гг.). Однако на рубеже 1933–1934 гг. в Европе началась безудержная гонка вооружений. Форсированная подготовка к новой мировой войне, а затем и сама эта война на многие годы исключили возможность сокращения и ограничения вооружений.

К решению этой задачи удалось вернуться лишь в послевоенный период. Уже в 1945–1948 гг. СССР провел поэтапную демобилизацию личного состава своих Вооруженных сил. В феврале 1947 г. были заключены мирные договоры с Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией и Финляндией, военные положения которых ограничивали численность войск и количество вооружений этих стран, запрещали им производить некоторые виды оружия.

В то же время в условиях начавшейся холодной войны Советский Союз был вынужден сохранить в Европе крупную сухопутную группировку. По существу она (и в особенности группы советских войск на территориях стран Центральной и Восточной Европы) выполняла функции противовеса ядерной монополии США.

Тем не менее, уже в те годы Советский Союз выступил с рядом крупных инициатив в области сокращения войск и вооружений, в принципиальном плане продолжавших предвоенную линию на всеобщее и полное разоружение. В основном они выдвигались в рамках Организации Объединенных Наций и имели глобальный охват, однако, безусловно, в полной мере затрагивали и вооруженные силы, дислоцированные в Европе. В отдельных случаях на основе этих инициатив принимались резолюции ГА ООН. Но дальше этого продвинуться не удавалось.

С созданием 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора в советской политике в области разоружения появился и отчетливый европейский акцент. Так, уже на первом заседании Политического консультативного комитета (ПКК) этой организации в 1956 г. выдвигалась идея создания в Европе зоны ограничения и инспекции вооружений. В январе 1958 г. СССР были выдвинуты также относившиеся к Центральной Европе предложения о ликвидации на чужих территориях военных баз и о сокращении численности иностранных войск, находящихся на территории европейских стран, а также о мерах

по предотвращению внезапного нападения (создание контрольных постов, проведение инспекций и аэрофотосъемки)³.

Принятие на вооружение ракетно-ядерных средств позволило Советскому Союзу и его союзникам, параллельно с выдвиганием инициатив в области разоружения, предпринять во второй половине 50-х гг. целый ряд крупных сокращений своих Вооруженных сил. Так, в период с 1955 по 1960 г. вооруженные силы государств-участников Варшавского Договора были в одностороннем порядке сокращены на 3796,5 тыс. человек⁴. Но в условиях сложной международной обстановки эти инициативы не смогли получить сколько-нибудь серьезного развития.

Лишь начавшаяся в 70-е гг. разрядка международной напряженности, а также достижение военно-стратегического паритета с США сделали возможным начало предметных переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений и связанных с этим мерах в Центральной Европе⁵. Планировалось, что будущее соглашение будет охватывать как войска центральноевропейских стран, так и размещенные на их территориях иностранные силы. Конкретные меры по сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе должны были быть тщательно разработаны по объему и времени так, чтобы во всех отношениях и в любой момент они соответствовали принципу нанесения ущерба безопасности какой-либо из сторон⁶.

Переговоры велись в Вене с 30 октября (предварительные консультации – с 31 января) 1973 г. по 2 февраля 1989 г. На них было внесено немало предложений (авторство примерно 15 из них принадлежало странам Варшавского Договора). Однако обозначившиеся с самого начала существенные расхождения в позициях сторон⁷ и начавшееся в конце 70-х похолодание в отношениях Востока и Запада не позволили достичь практических договоренностей. На последнем этапе переговоры велись в значительной мере *по инерции*. А в середине 80-х, после выработки Стокгольмского документа переговоров по мерам укрепления доверия и безопасности (1986 г.) и особенно с началом работы над мандатом переговоров об обычных вооруженных силах в Европе (1987 г.), фокус регионального контроля над вооружениями окончательно сместился с Центральной Европы на зону, когда-то обозначенную Шарлем де Голлем как *Европа от Атлантики до Урала*.

В результате продолжавшиеся более полутора десятилетий венские переговоры по Центральной Европе завершились принятием заявления, передававшего эстафету начинавшимся через месяц переговорам по обычным вооруженным силам в Европе. Тем не менее, накопленный в их ходе опыт (в том числе и негативный) был учтен сторонами при подготовке этого нового форума, что в значительной мере способствовало созданию на нем деловой, конструктивной атмосферы, позволило избежать бесплодной *цифровой дискуссии*.

Однако впервые реально действующая целостная система договоренностей в области контроля над вооружениями в Европе в своих основных чертах сформировалась на рубеже 80-х–90-х гг. прошлого века, на исходе эпохи противостояния Варшавского Договора и НАТО.

Уже к середине 80-х гг. руководству стран Варшавского Договора и НАТО стало очевидно, что попытки укрепления собственной безопасности на пути продолжения гонки вооружений, в том числе и обычных, ведут в тупик. Осознание этого и явилось побудительным мотивом начала процесса ограничения и сокращения обычных вооруженных сил в Европе.

Во второй половине 80-х гг., с началом перестройки в СССР, усилиям в этой области был придан новый импульс. Тогдашнее советское руководство пришло к выводу, что необходимость в остававшейся со времен ядерной монополии США мощной группировке вооруженных сил в этом регионе свелась к минимуму. Дальнейшее ее поддержание в практически неизменном виде наносило ущерб социально-экономическому развитию СССР, отвлекало силы от качественного совершенствования армии и флота, создавало дополнительные проблемы в отношениях с Западом и с союзниками по Варшавскому Договору, способствовало сплочению НАТО на антисоветской основе.

В этом свете принятие советской стороной в конце 80-х гг. XX в. концепции сокращения обычных вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе до равных предельных уровней было в принципе не только неизбежным, но и давно назревшим решением.

Первым официальным шагом в этом направлении стало выступление М.С. Горбачева в Берлине 17 апреля 1986 г. В нем содержалось предложение договориться о значительном сокращении всех компонентов сухопутных войск и тактической ударной авиации европейских государств, а также соответствующих сил США и Канады, размещенных в Европе. Сокращаемые войсковые соединения подлежали бы расформированию, а их вооружения – уничтожению либо складированию на национальных территориях. Географическая зона сокращений определялась как территория всей Европы – от Атлантики до Урала⁸.

Это заявление послужило началом целой серии инициатив СССР и его союзников. Они последовательно выдвигались на высшем и высоком уровне в течение 1986–1988 гг., постепенно намечая контуры, а затем и детали подхода стран ОВД к проблеме обычных вооруженных сил в Европе. Так, уже в 1987 г. советская сторона вплотную подошла к принятию концепции равных конечных уровней вооружений для Варшавского Договора и НАТО, проявила готовность вести переговоры в условиях транспарентности военных потенциалов и обозначила необходимость учета субрегиональной специфики.

Новым крупным шагом в развитии совместной позиции государств-участников Варшавского Договора стало принятое на совещании в июле 1988 г. Заявление о переговорах по сокращению вооруженных сил и обычных вооружений в Европе. Речь шла уже не только об устранении дисбалансов и асимметрий, но и о гораздо более глубоких сокращениях (страны НАТО восприняли эту идею несколько позже). Что же касается содержащихся в этом документе положений об обмене информацией и инспекциях, то они во многом учитывали положения заключенного незадолго до этого Договора о РСМД, обозначившего прорыв в обеспечении транспарентности в военной сфере.

В начале 1989 г. были опубликованы данные государств-участников Варшавского Договора о соотношении численности Вооруженных сил и вооружений ОВД и НАТО в Европе и прилегающих акваториях. Они позволяли охарактеризовать военный баланс в регионе как не дающий возможности той или другой стороне рассчитывать на решающее военное преимущество⁹. В то же время сопоставление приведенных данных с аналогичным документом стран НАТО показывало, что различия в методике подсчета чреваты бесплодной *цифровой дискуссией*. В результате становилась очевидной задача выработки согласованных определений категорий вооружений и техники и правил их счета.

Демонстрируя свою готовность делом укреплять процесс формирования новой модели обеспечения безопасности, СССР 7 декабря 1988 г. объявил о своем решении в одностороннем порядке и вне связи с переговорами в ближайшие два года сократить свои Вооруженные силы на 500 тыс. человек при одновременном существенном сокращении обычных вооружений. В европейской части территории СССР и на территориях его европейских союзников советские Вооруженные силы уменьшались на 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артистем, 800 боевых самолетов. Аналогичные решения о сокращении в одностороннем порядке своих вооруженных сил были приняты и другими союзными странами. В результате советско-чехословацких и советско-венгерских переговоров в начале 1990 г. были достигнуты договоренности о полном выводе советских войск с территории Венгрии и Чехословакии к середине 1991 г.¹⁰.

Что касается стран НАТО, то они в период с 1986 г. до начала 1989 г. фактически вели речь об устранении дисбалансов по танкам, артиллерии и бронемашинам. При этом имела в виду необходимость сокращения только со стороны стран Варшавского Договора. Обоснованию такого подхода призвана была служить публикация в ноябре 1988 г. документа НАТО «Обычные силы в Европе: факты». Более реалистическая позиция, основанная на признании взаимности сокращений, была принята в рамках Альянса лишь в конце 1988 – начале 1989 г.¹¹.

НА ИЗЛЕТЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ХРОНИКА ПЕРЕГОВОРОВ ОБ ОВСЕ

17 февраля 1987 г. в Вене начались неофициальные консультации 23 государств-членов ОВД и НАТО по выработке мандата переговоров о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. В ходе консультаций решались такие проблемы, как состав участников переговоров, их цели и методы, охват и район применения, обмен информацией и контроль, процедурные вопросы, характер будущих соглашений.

Сложнее всего было достичь консенсуса по вопросу об охвате и районе применения. Например, на консультациях было условлено, что предметом переговоров станут «обычные вооруженные силы участников, включающие обычные вооружения и технику, размещенные на суше, в пределах территории участников в Европе от Атлантики до Урала»¹². Однако договориться по таким *легким* вопросам, какие вооружения считать *обычными* и где заканчивается *Европа*, было непросто. Дискуссии продолжались практически до самого завершения консультаций.

Несмотря на все эти сложности, 10 января 1989 г. мандат будущих переговоров был принят. В нем, в частности, отмечалось, что их целями являются установление безопасного и стабильного баланса обычных вооруженных сил на более низких уровнях; ликвидация неравенств, наносящих ущерб стабильности и безопасности; ликвидация, в порядке приоритета, потенциала для осуществления внезапного нападения и для начала крупномасштабных наступательных действий. При этом все участники обязались вносить вклад в достижение этих целей¹³.

Разумеется, положения мандата носили самый общий характер, но они задавали принципиальные направления будущей работы.

9 марта 1989 г. в Вене на уровне министров иностранных дел были открыты переговоры 23 государств ОВД и НАТО по обычным вооруженным силам в Европе (1989–1990 гг.).

Переговоры были непростыми¹⁴. Они проходили на фоне радикальных изменений ситуации в области европейской безопасности – вывода советских войск из государств Центральной Европы, начала дезинтеграции Варшавского Договора и объединения Германии. Однако на этом форуме с самого начала сложилась деловая атмосфера, позволившая быстро – менее чем за два года – прийти к взаимоприемлемым договоренностям.

Уже в начале первого раунда переговоров государства-участники Варшавского Договора выдвинули масштабную концептуальную схему договоренности по обычным вооруженным силам в Европе, базировавшуюся на положениях Заявления варшавского совещания ПКС. Она, в частности, предусматривала поэтапное сокращение обычных вооруженных сил сторон в период с 1991 по 1996–1997 гг. до пределов разумной достаточности¹⁵.

Первоначальные предложения стран НАТО были менее масштабными. Они предусматривали сокращение лишь трех категорий вооружений – танков, артиллерии и бронемашин – до равных уровней, которые были бы несколько ниже исходного уровня НАТО, в то время как страны Варшавского Договора предложили сокращать также численность личного состава вооруженных сил, ударные боевые самолеты фронтовой (тактической) авиации и боевые вертолеты¹⁶.

В дальнейшем начался процесс постепенного сближения позиций сторон.

Новая важная стадия переговоров была начата 14 декабря 1989 г., когда государства-участники Варшавского Договора и члены НАТО представили свои проекты будущего Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Тем самым было положено начало согласованию конкретных формулировок. Следует отметить, что между двумя проектами существовало значительное концептуальное сходство, близки они были и по структуре¹⁷.

В течение нескольких месяцев был согласован ряд статей Договора, регулирующих его ратификацию, вступление в силу, срок действия, внесение поправок и другие вопросы международно-правового характера. Параллельно началась работа над протокола-

ми об информации, инспекциях и о порядке сокращения обычных вооружений, которые впоследствии стали неотъемлемой частью Договора¹⁸.

Постепенно складывалось взаимопонимание сторон и по таким сложным взаимосвязанным вопросам, как *региональная дифференциация* и учет складированных вооружений. Непросто решался вопрос о том, какие именно категории вооружений должны подлежать ограничению (особенно остро он стоял применительно к авиации).

Наиболее сложные проблемы (например, уровни вооружений для одного отдельно взятого государства, подуровни для *флангового* района и некоторые другие) были в основном решены в ходе встречи министров иностранных дел СССР и США в Нью-Йорке (сентябрь 1990 г.). Согласование многих технических вопросов (особенно в сфере обмена информацией и контроля) продолжалось вплоть до последних дней перед подписанием Договора.

Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в Париже 19 ноября 1990 г. Одновременно была принята Совместная декларация 22 государств-участников Варшавского Договора и НАТО, в которой отмечалось, что они больше не являются противниками¹⁹.

ДОГОВОР... О ЧЕМ?

Попытаемся теперь проанализировать содержание ДОВСЕ.

Договор в его изначальном виде отражал *реалии завершающего этапа эпохи межблокового противостояния*. Так, его участниками стали 6 государств, подписавших Варшавский Договор 1955 г. (к моменту подписания ДОВСЕ ГДР уже прекратила существование), и 16 государств, подписавших или присоединившихся к Брюссельскому договору 1948 г. или Вашингтонскому договору 1949 г. По факту участия в этих военно-политических союзах были сформированы две группы государств-участников Договора²⁰.

В основе ДОВСЕ лежала система количественных ограничений на пять основных категорий обычных вооружений и техники в обычных вооруженных силах государств-участников в районе применения Договора – боевые танки, боевые бронированные машины (ББМ), артиллерию, ударные вертолеты и боевые самолеты.

Центральными являлись лимиты на ограничиваемые Договором вооружения и технику (ОДВТ) каждой из групп государств-участников в районе применения в целом – 20 000 танков (в том числе 16 500 в регулярных частях, остальные в обозначенных местах постоянного складского хранения (ОМПСХ)), 30 000 ББМ (в том числе 27 300 в регулярных частях), 20 000 артиллерийских единиц (в том числе 17 000 в регулярных частях), 6800 боевых самолетов и 2000 ударных вертолетов²¹.

Важным элементом Договора стали так называемые зональные (региональные) ограничения на танки, ББМ и артиллерию (жесткая позиция стран НАТО, ссылавшихся в качестве препятствия на высокую мобильность авиации, не позволила применить эти ограничения к боевым самолетам и ударным вертолетам)²². Целью введения этих ограничений было понижение плотности вооружений в полосах соприкосновения ОВД и НАТО. Отсюда – концепция концентрических зон по принципу *матрешки*: ОДВТ можно перемещать от линии соприкосновения к периферии, но не наоборот.

Установление ограничений для зон, которые можно обозначить как *расширенная Центральная Европа* и *Центральная Европа*, только по ОДВТ в регулярных частях отвечало, прежде всего, интересам США и НАТО. С одной стороны, эти ограничения требовали существенного сокращения обычных вооружений ОВД на территориях ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польши (хотя судьба групп советских войск в этих странах к моменту подписания ДОВСЕ уже была в принципе предрешена), а также ПрибВО, БВО, ПрикВО и КВО. С другой – они не затрагивали несколько дивизионных комплектов вооружений, хранившихся на американских складах в Германии. Впрочем, в последующие годы техника с этих складов, предназначенная для частей, перебрасываемых из США в случае угрозы *большой войны*, была из Европы выведена.

В отдельную зону с жесткими ограничениями был выделен так называемый фланговый район, включавший обширные территории на севере и юге Европы. Причиной такого решения послужили опасения обеих сторон в отношении того, что силы, отведенные от линии соприкосновения НАТО и Варшавского Договора в Центральной Европе, могут быть передислоцированы на фланги. При этом для включенной в район применения ДОВСЕ территории СССР было установлено несколько подуровней, также препятствовавших дополнительному развертыванию крупных сил на флангах. Они были достаточно высокими и в целом позволяли решать задачи обеспечения безопасности страны за счет маневра силами и средствами в пределах флангового района. Последующее развитие событий показало, что такая схема оказалась неудачной, однако это стало ясно лишь после прекращения существования Варшавского Договора и СССР.

Кроме того, по настоянию стран НАТО в результате непростых переговоров было установлено так называемое *правило достаточности*, предусматривавшее, что любое отдельно взятое государство-участник может иметь не более чем примерно одну треть от общих количеств ОДВТ в районе применения, то есть 13 300 танков, 20 000 БМ, 13 700 артсистем, 5150 боевых самолетов и 1500 ударных вертолетов²³. Прежде всего это было направлено на ограничение военного потенциала СССР (на момент подписания ДОВСЕ он имел в Европе около 22 000 танков, 31 500 БМ, 15 000 артсистем, 1500 ударных вертолетов и 6600 боевых самолетов). В целом такие ограничения не противоречили имевшимся на тот момент планам строительства Вооруженных сил СССР и договоренностям, выработанным в рамках Варшавского Договора.

Уровни, установленные в Договоре для групп государств-участников, были распределены внутри этих групп. Так, государства-участники Варшавского Договора заключили в Будапеште соответствующее соглашение, по которому Советскому Союзу выделялось 13 150 боевых танков, 20 000 БМ, 13 175 артиллерийских систем, 5150 боевых самолетов и 1500 ударных вертолетов. Увеличение каким-либо государством таких *национальных квот ОДВТ* (в Договоре они называются *максимальные уровни для наличия*) было возможно лишь за счет соответствующего их уменьшения другим участником ДОВСЕ из той же группы²⁴.

Предусмотрены в Договоре и некоторые стабилизирующие меры. Так, установлен особый режим для ОМПСХ, исключающий внезапное изъятие ОДВТ из хранения и передачу в регулярные части²⁵. С тем чтобы снизить способность сторон к крупномасштабному форсированию водных преград, прежде всего в Центральной Европе, в Договоре содержалось и ограничение на количество танковых мостоукладчиков в регулярных частях каждой группы государств-участников (740 единиц). Остальные танковые мостоукладчики помещались в ОМПСХ с соответствующим режимом²⁶. Предусматривались и меры, воспрепятствующие обход положений ДОВСЕ за счет не ограничиваемых им боевых машин пехоты в силах внутренней безопасности²⁷.

Неотъемлемой частью Договора, обеспечивающей контроль за соблюдением его положений, являлась система уведомлений и обмена детальной информацией об обычных вооруженных силах²⁸. Основным инструментом контроля за выполнением Договора были инспекции на местах. В дополнение к инспекциям участники Договора подтвердили право каждого из них использовать национальные и многонациональные технические средства контроля и согласились не чинить помех этим средствам²⁹. В целом режимы обмена информацией и контроля по ДОВСЕ по своей интрузивности были сопоставимы с аналогичными режимами в рамках Договора о РСМД, а по количественному охвату намного их превосходили.

Для рассмотрения связанных с ДОВСЕ вопросов был создан специальный орган – Совместная консультативная группа (СКГ).

Договор является бессрочным. Предусмотрена возможность его дополнения последующим договором. Он подлежал ратификации всеми государствами-участниками³⁰. Ряд его положений применялся на временной основе с момента подписания ДОВСЕ³¹.

Неотъемлемой частью Договора стали протоколы и приложения, призванные обеспечить техническую сторону его эффективного соблюдения³².

Вне рамок ДОВСЕ, но в связи с его подписанием были сделаны три политически обязывающие декларации:

- ❑ все государства-участники обязались не увеличивать численность личного состава своих обычных вооруженных сил в Европе на период последующих переговоров;
- ❑ правительство ФРГ с учетом обязательств, принятых в связи с объединением Германии, заявило об ограничении численности бундесвера уровнем в 370 000 человек, из них в сухопутных войсках и ВВС – 345 000 человек;
- ❑ участники Договора согласились ограничить самолеты морской авиации наземного базирования уровнем в 430 единиц для группы государств-участников и в 400 единиц – для одного государства-участника.

Разумеется, с позиций нынешнего дня ДОВСЕ образца 1990 г. не только не отвечает интересам безопасности нашей страны, но и является сугубо *виртуальным*, практически не имеющим отношения к реальной военно-политической обстановке в Европе. Однако причина тому – отнюдь не *непрофессионализм* советских переговорщиков (в сложной ситуации конца 80-х – начала 90-х они, пожалуй, сделали максимум возможного), а те тектонические геополитические сдвиги, которые начались вскоре после подписания Договора.

ДОГОВОР ПОДПИСАН, ПОРА ЕГО КОРРЕКТИРОВАТЬ

Процесс уточнения, корректировки договорных положений, их эволюционного приспособления к меняющейся военно-политической обстановке начался уже летом 1991 г.

Так, на чрезвычайной конференции 14 июля 1991 г. было достигнуто компромиссное решение по вызвавшей разногласия проблеме советских Вооруженных сил береговой обороны, морской пехоты и ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Правительство СССР приняло юридические обязательства не наращивать *спорных* вооружений и дополнительно сократить такое количество танков, БМБ и артсистем, какое имело в береговых войсках ВМФ, а также предоставлять по ним информацию и принимать в местах их размещения инспекции по требованию. Правительства других стран согласились с тем, что из-под договорных ограничений будет выведен 1801 бронетранспортер частей охраны РВСН³³.

В тот же день на заседании СКГ представитель СССР сделал политически обязывающее заявление в отношении судьбы обычных вооружений, выведенных за Урал до подписания ДОВСЕ (более 50 тыс. ед.). Оно отражало существовавшие тогда планы дальнейшего использования этой техники; в частности, имелось в виду уничтожения 6000 танков, 1500 БМБ и 7000 артсистем³⁴.

В связи с предоставлением независимости Эстонии, Латвии и Литве и их вступлением в СБСЕ государства-участники Договора в октябре 1991 г. признали, что район его применения не включает территорию этих прибалтийских стран, а СССР обязался рассматривать все свои охватываемые Договором обычные вооружения на этих территориях как по-прежнему подпадающие под договорные положения³⁵. При этом советская сторона, соглашаясь на это достаточно спорное с юридической точки зрения решение, исходила из того, что после вывода Северо-Западной группы войск (СЗГВ) страны Балтии станут *де-факто* демилитаризованными неблоковыми государствами. Впоследствии, однако, их вступление в НАТО породило не охваченную контролем над вооружениями *серую зону* на границах России, что противоречило смыслу ДОВСЕ и стало одной из причин приостановления нашей страной действия Договора.

Сложная проблема встала перед участниками Договора в связи с прекращением существования Советского Союза. В результате тяжелых переговоров 15 мая 1992 г. восемь постсоветских государств, чья территория входит в район применения ДОВСЕ (Россия, Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия и Казахстан), подписали в Ташкенте Соглашение о принципах и порядке выполнения ДОВСЕ³⁶. Соглашение формально так и не вступило в силу, но его участники на протяжении многих лет в основном придерживались его положений. Ключевое из них – распределение совет-

ских максимальных уровней для наличия военной техники. Так, Российской Федерации было выделено 6400 танков (4975 из них в регулярных частях), 11 480 БМ (10 525), 6415 артсистем (5105), 3450 боевых самолетов и 890 ударных вертолетов³⁷. Эти квоты почти без изменений просуществовали до 2000 г.

На основе принятых в Ташкенте решений 5 июня 1992 г. в Осло состоялась чрезвычайная конференция государств-участников ДОВСЕ, закрепившая юридический статус правопреемников СССР в отношении ДОВСЕ³⁸. (По аналогичной схеме решались в начале 1993 г. вопросы, связанные с прекращением существования Чехословакии³⁹.)

Параллельно с решением этой непростой проблемы велись переговоры о численности личного состава обычных вооруженных сил в Европе, завершившиеся 10 июля 1992 г. подписанием в Хельсинки на высшем уровне их Итогового акта, имеющего политически обязывающий характер. Этот документ ограничивает численность личного состава по штатам мирного времени (для Российской Федерации – 1 450 000 чел.), регулирует вопросы пересмотра ограничений, обмена информацией, контроля/оценки, устанавливает меры стабилизации (уведомления об увеличении численности частей и о призыве резервного личного состава) и механизмы рассмотрения его положений⁴⁰.

С июля 1992 г. ДОВСЕ в полном объеме применялся на временной основе, а 9 ноября того же года официально вступил в силу.

Подводя итог первого этапа функционирования Договора (ноябрь 1990 – ноябрь 1992 гг.), можно прийти к следующему выводу.

ДОВСЕ подвел черту под эпохой межблокового противостояния. Договор устанавливал равновесие сил двух союзов на пониженных уровнях, ограничивал возможности размещения их обычных вооружений вдоль линии соприкосновения ОВД и НАТО. Он обеспечивал высокую степень транспарентности в отношении обычных вооруженных сил государств – участников Договора, что позволило осуществлять военное планирование и строительство, исходя не из *наихудшего сценария*, а из реальных тенденций развития обстановки. Применительно к ВС СССР имелось в виду сделать их более мобильными, компактными и эффективными, избавившись от устаревших вооружений и техники.

Оценивая роль Договора на этом этапе, В.В. Путин отметил, что он «позволил провести быстрое и сбалансированное сокращение большого количества избыточных вооружений и техники, доставшихся государствам-участникам в наследство от времен холодной войны, помог пережить без потрясений эпохальные изменения военно-политического ландшафта Европы»⁴¹.

Однако с прекращением существования ОВД, а затем и СССР, выводом советских/российских войск из ЦВЕ, Балтии и республик СНГ, возникновением ряда очагов конфликтов, а впоследствии и с расширением НАТО договорные механизмы, предназначенные для поддержания баланса сил между двумя военно-политическими союзами, стали утрачивать эффективность.

ФЛАНГОВЫЙ ДЕБЮТ РОССИИ

Наиболее остро после вступления Договора в силу встала так называемая проблема фланговых ограничений.

Фланговая зона была создана с тем, чтобы исключить опасную концентрацию выведенных из Центральной Европы обычных вооружений в других местах соприкосновения стран НАТО и бывшего Варшавского договора, а позднее – бывшего СССР. В эту зону вошли территории Болгарии, Румынии, Молдавии, Греции, Турции, Грузии, Армении, Азербайджана, Исландии, Норвегии, а также части территории Украины и России. В ней вводился более жесткий ограничительный режим, который не создавал особых проблем для Советского Союза, но оказался совершенно неприемлемым для Российской Федерации.

Во-первых, после распределения советских квот на ОДВТ между государствами-правопреемниками СССР Россия получила право иметь на флангах не более 1300 танков (из них в регулярных частях – 700), 1380 БМ (580), 1680 артсистем (1280)⁴². Учитывая размеры *флангового района*, его геополитическое значение и другие факторы, такие уровни следовало признать явно недостаточными.

Во-вторых, если до развала СССР Северо-Кавказский военный округ (СКВО) рассматривался как тыловой, имевший минимальное количество вооружений, то с 1992 г. обстановка в этом районе стала крайне напряженной, что потребовало от России адекватного военного присутствия в интересах обеспечения внутренней и региональной безопасности.

В-третьих, фланговые ограничения вызвали для России серьезные осложнения экономического и социального плана, связанные с выводом войск с территорий других государств. Благоприятные условия для размещения этих войск существовали именно в СКВО и южной части ЛенВО.

В этих условиях российской стороной были предприняты усилия по снятию фланговой проблемы⁴³.

Компромиссное решение было в конечном итоге найдено и закреплено в документах первой Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ (Вена, май 1996 г.)⁴⁴. Оно предусматривало уменьшение размеров российской части флангового района и уточнение уровней вооружений для него, что реально позволяло увеличить возможности России по содержанию ОДВТ в *старом* фланговом районе после 31 мая 1999 г. как минимум на 500–650 танков (в регулярных частях – на 1100–1200), 600–650 БМ (1400–1450), 800–850 артсистем (1200–1250). В то же время эти возможности можно было реализовать в основном в отделяемых от флангового района внутренних областях; уровни же для *нового* флангового района, где находились основные *горячие точки*, оставались неприемлемо низкими.

По большому счету, главное достоинство *фланговой договоренности* 1996 г. заключалось для России в том, что она, устанавливая достаточно высокие уровни обычных вооружений в северных и южных районах страны на промежуточный период (с июня 1996 по май 1999 г.), тем самым на три года снимала остроту фланговой проблемы и дала возможность вести переговоры по дальнейшему *разжатию* фланговых ограничений. Правда, за это пришлось *заплатить* предоставлением дополнительной информации и приемом 10 дополнительных инспекций в год за счет инспектирующей стороны⁴⁵.

Другим важным итогом первой Конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ стало изменение условий выполнения Россией своих обязательств по сокращению обычных вооружений и техники в счет выведенных за Урал. Выполнение заявленных Советским Союзом в 1991 г. планов в этой области в новых экономических условиях стало невозможным. В конце концов, страны НАТО были вынуждены согласиться с новыми, облегченными условиями (продление сроков, подключение к процессу сокращений Казахстана и Узбекистана, упрощенные процедуры признания техники сокращенной и т.д.)⁴⁶. В совокупности с другими решениями, принятыми в СКГ в период с 1993 по 1996 г., это дало значительную экономию в процессе сокращения вооружений.

Наконец, решения Конференции открыли путь к всеобъемлющей адаптации ДОВСЕ к изменившимся европейским реалиям, о чем речь пойдет ниже.

Суммируя итоги второго этапа функционирования Договора (1993–1996 гг.), следует отметить, что главным его содержанием стала борьба Российской Федерации за изменение тех положений ДОВСЕ и связанных с ним документов, которые в связи с прекращением существования СССР в наибольшей степени вошли в противоречие с интересами безопасности и экономическими возможностями России.

АДАПТАЦИЯ ДОВСЕ: ШЕСТЬ ЛЕТ В ПЯТИ АБЗАЦАХ

Уже с конца 1993 – начала 1994 г. российская сторона начала глубокую проработку перспективных проблем Договора. На основе проведенного анализа был разработан и вне-

сен на рассмотрение государств-участников Договора целый *пакет* российских предложений по комплексной модернизации ДОВСЕ⁴⁷. Он включал 12 основных элементов, центральными из которых были идеи преобразования ДОВСЕ в договор, открытый для всех европейских государств, перехода на национальные уровни ОДВТ и установления *правила достаточности* для военно-политических союзов.

Идея необходимости адаптации Договора была впервые, хотя и с оговорками, принципиально отражена государствами-участниками в решениях Первой конференции по рассмотрению действия ДОВСЕ⁴⁸. А уже в декабре 1996 г. в рамках встречи ОБСЕ на высшем уровне в Лиссабоне был согласован документ об охвате и параметрах переговоров по адаптации⁴⁹. Сами же переговоры начались 21 января 1997 г. в рамках СКГ.

Детальный анализ хода переговоров мог бы стать предметом отдельного объемного исследования, отражающего не только их *основную интригу* – взаимодействие России со странами НАТО, но и особенности позиций других активных участников этого процесса – Азербайджана, Армении, Болгарии, Грузии, Молдавии, Румынии, Украины и других стран. Достаточно подробно и объективно он освещен в ряде российских⁵⁰ и зарубежных⁵¹ публикаций. Отметим лишь, что первый их этап – концептуальная дискуссия – проходил параллельно с разработкой основополагающего акта Россия–НАТО. Отсюда очевидна принципиальная связь двух соглашений – адаптированный ДОВСЕ закреплял материальные гарантии безопасности России в новых условиях, в рамочной форме отраженные в разделе IV основополагающего акта.

23 июля 1997 г. СКГ приняла Решение № 8/97 о некоторых основных элементах адаптации Договора⁵². В нем была изложена основная структура адаптированного ДОВСЕ, включающая систему национальных и территориальных предельных уровней (НПУ и ТПУ), призванную заменить систему ограничений, рассчитанную на две группы государств-участников.

30 марта 1999 г. СКГ приняла Решение № 3/99⁵³ об адаптации ДОВСЕ, содержащее практически полный набор положений Соглашения об адаптации ДОВСЕ. С этого момента делегации в основном перешли от обсуждения принципиальных моментов к разработке конкретных юридических формулировок Соглашения.

О ЧЕМ ЖЕ ДОГОВОРИЛИСЬ В СТАМБУЛЕ?

Результатом переговоров стало подписание 19 ноября 1999 г. в Стамбуле Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

В чем его суть и отличие от первоначального Договора?

Главное в адаптированном ДОВСЕ – это трансформация зонально-групповой основы Договора (по признаку членства в военных союзах времен холодной войны) в систему национальных (для всех категорий ОДВТ) и территориальных (для наземных сил) уровней для каждого государства-участника. Установлены довольно жесткие правила изменения тех и других. Вместо пяти прежних географических зон, на которые был разбит район применения Договора, введена жесткая *сотовая* сеть территориальных ограничений: 28 территориальных уровней – по числу европейских государств – участников Договора, а также два *фланговых* подуровня на территории России и Украины⁵⁴.

Новая система устанавливала *потолки* для размещения наземных ОДВТ, ограничивала *переливы* ОДВТ между государствами, нейтрализовывала угрозы создания потенциалов для проведения крупномасштабных наступательных операций и, таким образом, повышала стабильность и предсказуемость. Режим адаптированного ДОВСЕ ориентирован на укрепление безопасности каждого государства-участника, независимо от принадлежности к военно-политическим союзам.

Центр Европы охватывался стабилизирующими мерами: устанавливались пониженные территориальные уровни вооружений Польши, Венгрии, Чехии и Словакии; территориальные уровни этих стран, а также Германии, Украины и Белоруссии не могли пересма-

триваться в сторону повышения. Страны НАТО обязались не размещать на постоянной основе существенные боевые силы на территории новых членов⁵⁵.

В целом суммарный объем *прав* старых членов НАТО по сравнению с прежними *потолками* вооружений Альянса значительно сокращался.

Право на так называемое чрезвычайное временное развертывание (ЧВР) – оговоренное в Соглашении об адаптации право государства-участника на временное развертывание на своей территории до 459 танков, 723 БМ и 420 артсистем другого или других государств-участников сверх установленных уровней наземных ОДВТ – обставлялось надежными политическими ограничителями и сопровождалось дополнительными мерами транспарентности и контроля⁵⁶. Кроме того, включение в Соглашение положений о ЧВР стало возможным лишь в связи с существенным понижением уровней сил новых членов НАТО.

В адаптированном Договоре устанавливались более жесткие национальные ограничения для ударных вертолетов и боевых самолетов, включая случаи передачи авиационной техники одним государством другому.

Была сохранена и так называемая *фланговая зона*. В ней был предусмотрен особый режим, цель которого – создать более жесткие гарантии недопущения дестабилизирующей концентрации обычных вооружений и техники. В частности, на флангах запрещалось проводить ЧВР, а перераспределение национальных и территориальных уровней было разрешено только между государствами, входящими в эту зону⁵⁷. При подписании Соглашения об адаптации было достигнуто понимание о том, что Россия может придерживаться новых фланговых уровней.

Это был шаг вперед по сравнению с Фланговым документом 1996 г., а тем более с Ташкентским соглашением 1992 г. Завершение активной фазы второй чеченской кампании позволило России уже через два года после Стамбула вписаться в согласованные уровни. Однако с политической точки зрения сохранение фланговых ограничений для части территории России является дискриминационным, а с практической – препятствует перемещению сил и средств в пределах России, в том числе и в целях борьбы с терроризмом. С учетом этого в нынешней ситуации сохранение этих ограничений не отвечает интересам России, и она добивается их полной отмены.

Новое качество адаптированного Договора – охват ограничительным, инспекционным и информационным режимами динамических изменений ОДВТ. В нем четко зафиксированы абсолютные пределы для временного превышения территориальных предельных уровней в кризисных ситуациях⁵⁸. Подлежали уведомлению и контролю все значимые в военном отношении трансграничные перемещения наземных ОДВТ⁵⁹. Предусмотренные Договором дополнительные меры транспарентности позволяли надежно отслеживать соблюдение национальных уровней для боевых самолетов и ударных вертолетов и любое существенное усиление воздушных группировок в Европе⁶⁰.

Существенно уточнены и дополнены положения Договора, касающиеся инспекционного режима. В частности, квота инспекций увеличивалась примерно на треть, а также вводился новый тип инспекций – для контроля временных превышений ТПУ⁶¹.

Усилена политическая составляющая адаптированного ДОВСЕ. Так, предусмотрены специальные конференции для случаев чрезвычайных временных развертываний с последующим информированием Постоянного Совета ОБСЕ и возможностью принятия надлежащих политических мер для урегулирования ситуаций, связанных с этим развертыванием⁶². Таким способом адаптированный Договор встраивался в инструментарий ОБСЕ по предотвращению кризисов и постконфликтному восстановлению.

Адаптированному ДОВСЕ придан открытый характер. К нему допускалось присоединение всех государств – членов ОБСЕ, имеющих территорию в Европе⁶³. Имелось в виду, что проекция режима Договора на всю Европу от Атлантики до Урала позволила бы еще больше укрепить его значение как главного инструмента обеспечения европейской стабильности и военной безопасности, создало бы дополнительные возможности для стабилизации ситуации в конфликтных районах средствами контроля над обычными вооружениями.

Параллельно с подписанием Соглашения об адаптации ДОВСЕ и в связи с ним был принят Заключительный акт переговоров по адаптации ДОВСЕ⁶⁴. В нем приняты к сведению заявления ряда государств, касающиеся их односторонних политических обязательств:

- ❑ заявление Совета НАТО и представителей Венгрии, Польши и Чехии от 8 декабря 1998 г. о подтверждении ранее взятых на себя странами НАТО обязательств по сдержанности в уровнях и развертывании сил⁶⁵;
- ❑ заявление России о сдержанности в отношении размещения обычных вооруженных сил в Калининградской и Псковской областях⁶⁶;
- ❑ заявления Венгрии, Польши, Словакии и Чехии об их обязательствах относительно будущего понижения их территориальных предельных уровней⁶⁷;
- ❑ заявления Белоруссии, Венгрии, Германии, Польши, Словакии, Украины и Чехии об их обязательствах относительно отказа от последующего повышения их территориальных предельных уровней⁶⁸;
- ❑ заявление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 1999 г. о временном превышении фланговых подуровней⁶⁹;
- ❑ совместное заявление России и Грузии от 17 ноября 1999 г. о российских военных базах и ОДВТ в Грузии⁷⁰;
- ❑ заявление Молдавии о ее отказе от права принимать временное развертывание на своей территории⁷¹;
- ❑ обязательство России вывести российские ОДВТ из Молдавии или уничтожить их к концу 2001 г.⁷²;
- ❑ обязательство всех государств-участников оперативно предпринять усилия для содействия завершению процедур ратификации, с тем чтобы Соглашение об адаптации могло вступить в силу как можно скорее⁷³.

Попытаемся дать оценку значения Соглашения об адаптации с учетом того, что основными задачами переговоров российская сторона определила *разжатие* фланговых ограничений и выработку механизмов, минимизирующих военные последствия *первой волны* расширения НАТО в части, касающейся обычных вооруженных сил.

Последняя задача решалась путем фиксации в тексте Соглашения и сопутствующих документов следующих элементов.

Во-первых, суммарное сокращение национальных уровней вооружений 19 стран НАТО по сравнению с прежними возможностями составляло около 4800 танков, 4000 бронемашин и более 4000 артсистем, что соответствовало вооружению примерно 10 отмотбализованных дивизий натовского стандарта. Это достигалось в основном за счет снижения возможностей по усилению группировки сухопутных войск США в Европе. Так, по танкам объем прав США уменьшался более чем наполовину (с 4000 до 1800).

Во-вторых, вводилась жесткая система национальных и территориальных ограничений, которая была призвана не допустить опасных концентраций сил НАТО.

В-третьих, существенно – в три раза – сокращены возможные временные превышения территориальных уровней во *фланговых* государствах НАТО (Болгарии, Греции, Исландии, Норвегии, Турции), ограничена возможность изменения этих уровней.

В-четвертых, устанавливались пониженные территориальные уровни вооружений для Польши, Венгрии, Чехии и Словакии. Территориальные уровни этих стран, а также Германии не могли пересматриваться в сторону повышения.

В-пятых, страны НАТО предоставили политические гарантии военной сдержанности – воздерживаться от «дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил, как наземных, так и воздушных» на территориях новых членов Альянса.

В-шестых, Соглашение открывало возможность охвата режимом ДОВСЕ тех государств, которые до сих пор не были его участниками (в том числе натовских *новобранцев*).

В-седьмых, установленные Соглашением режимы обмена информацией и контроля позволяли своевременно выявлять любые сколько-нибудь значительные трансграничные переброски бронетехники и артиллерии (с батальонного уровня) и ее сосредоточения с превышением территориальных ограничений (с бригадного уровня).

Все это вместе взятое существенно нивелировало негативные последствия *первой волны* расширения НАТО для безопасности России и европейской стабильности в целом. Подчеркнем, именно *первой волны*, поскольку продолжение этого процесса вновь обострило ситуацию.

Адаптированный ДОВСЕ также значительно увеличивал российские возможности на флангах. В результате работы, начатой в 1993–1996 гг. и продолженной в ходе переговоров по адаптации (1997–1999 гг.), удалось:

- вывести из-под фланговых ограничений российские обычные вооружения на территориях Армении, Грузии, Молдавии и Украины, а также в Астраханской, Волгоградской, Псковской областях, восточной части Ростовской области и на ремонтном заводе в станице Кущевская Краснодарского края;
- существенно повысить уровни вооружений для оставшихся во фланговом районе частей Ленинградского и Северо-Кавказского военных округов (например, по бронемашинам в регулярных частях – с 580 до 2140, то есть почти в четыре раза);
- сохранить за Россией право усиливать группировку в беспокойных южных районах страны за счет стабильной северной зоны.

В то же время модернизированный Договор явился результатом компромисса. Поэтому важно объективно и беспристрастно оценить и то, чего достичь в ходе переговоров не удалось. Такие оценки в суммированном виде сводятся к следующему.

России пришлось пойти на сохранение фланговых ограничений. Не удалось ввести прямые ограничения на суммарный военный потенциал стран НАТО и охватить территориальными ограничениями авиацию. Менее жесткими, чем изначально рассчитывала российская сторона, оказались ограничения на временные развертывания ОДВТ, а также предельные уровни для новых членов НАТО⁷⁴.

В целом же Соглашение об адаптации отвечало интересам России в значительно большей степени, чем первоначальный ДОВСЕ⁷⁵.

Таким образом, основным содержанием третьего этапа функционирования ДОВСЕ (1996–1999 гг.) стала его адаптация к новым европейским военно-политическим реалиям. Эта задача была в целом решена подписанием Соглашения об адаптации ДОВСЕ (Стамбул, 19 ноября 1999 г.).

Вторая статья об истории и перспективах переговорного процесса по обычным вооруженным силам в Европе будет опубликована в следующем номере журнала.

Примечания

¹ Это был долгий переход, но мы совершили его (англ.).

² Ленин В.И. О государстве. ПСС, т. 39. с. 67.

³ Сборник основных предложений и документов по вопросу о разоружении. М.: ОМО МИД СССР, 1960. С.189–191.

⁴ Всеобъемлющая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы: Справочник/Отв. ред. Б.М. Клименко. М.: Междунар. отношения, 1990. С. 91–92.

⁵ В интервью журналу *Новое Время* в конце 80-х гг. маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев отмечал, что примерно тогда же в Министерстве обороны СССР прорабатывалась возмож-

- ность сокращения вооруженных сил, но после кончины министра обороны А.А. Гречко этот вопрос был снят с повестки дня.
- ⁶ За мир, разоружение и безопасность народов: Летопись внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1983. С. 256–257.
- ⁷ Там же. С. 257.
- ⁸ Всеобъемлющая международная безопасность. С. 93.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. С. 98.
- ¹² Мандат переговоров по обычным вооруженным силам в Европе. Вена, 1989. С. 28.
- ¹³ Там же. С. 27.
- ¹⁴ См. Hartmann R., Heydrich W., Meyer-Landrut N. Der Vertrag über konventionelle Streitkräfte in Europa. Vertragswerk, Verhandlungsgeschichte, Kommentar, Dokumentation. [Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Текст договора, история переговоров, комментарии, документы.] Baden-Baden, Nomos, 1994.
- ¹⁵ Всеобъемлющая международная безопасность. С. 98–99.
- ¹⁶ Там же. С. 99.
- ¹⁷ Там же. С. 100.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Очерки истории Министерства иностранных дел России, 1802–2002: В 3 т. Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 2. С. 479.
- ²⁰ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Воениздат, 1992. С. 5.
- ²¹ Там же. С. 10–11.
- ²² Там же. С. 11–15.
- ²³ Там же. С. 15.
- ²⁴ Там же. С. 15–16.
- ²⁵ Там же. С. 20–22.
- ²⁶ Там же. С. 23–24.
- ²⁷ Там же. С. 24.
- ²⁸ Там же. С. 25, 75–101.
- ²⁹ Там же. С. 25–26, с. 102–141.
- ³⁰ Там же. С. 28, 30.
- ³¹ Там же. С. 144.
- ³² Там же. С. 31–144.
- ³³ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. The Hague, 1996. P. 149–151.
- ³⁴ Ibid. P. 182–183.
- ³⁵ Ibid. P. 152–153.
- ³⁶ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 167–179.
- ³⁷ Там же. С. 173.
- ³⁸ Там же. С. 145–152.
- ³⁹ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 164–172.
- ⁴⁰ Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 153–166.
- ⁴¹ Заявление Президента Российской Федерации В.В. Путина по случаю десятилетия подписания Договора об обычных вооруженных силах в Европе (19 ноября 2000 г.). *Дипломатический Вестник*. 2000. № 12.
- ⁴² Договор об обычных вооруженных силах в Европе. С. 173.

- ⁴³ Апанасенко В.М., Мостинский С. Б., Ознобищев С. К. Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Россия – поиски выхода из тупика. М.: Московский центр Карнеги, 1995. С. 12–14, 38–39. Подробнее см.: Колесников М.П. Проблема флангов и будущее Договора об обычных вооруженных силах. *Красная Звезда*. 1994, 19 апреля.
- ⁴⁴ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 6–10.
- ⁴⁵ Ibid. P. 9–10.
- ⁴⁶ Ibid. P. 15–16.
- ⁴⁷ Выступления главы делегации Российской Федерации в СКГ В.Н. Кулебякина от 19 марта 1996 г. и 23 апреля 1996 г.
- ⁴⁸ Treaty on Conventional Armed Forces in Europe and Related Documents. P. 6.
- ⁴⁹ Документ, принятый Государствами-участниками Договора об обычных вооруженных силах в Европе, относительно охвата и параметров процесса, предусмотренного в пункте 19 Итогового документа Первой конференции по рассмотрению действия Договора об ОБСЕ (Приложение 1 к Журналу 244-го заседания СКГ от 1 декабря 1996 г.).
- ⁵⁰ См., напр.: Главное управление международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (1951–2000 гг.). Военно-исторический очерк. М., 2001. С. 170.
- ⁵¹ См., напр.: Hartmann R., Heydrich W. Op. cit.
- ⁵² Decision of the Joint Consultative Group Concerning Certain Basic Elements for Treaty Adaptation (JCG.DEC/8/97 of 23.07.1997).
- ⁵³ Решение № 3/99 Совместной консультативной группы от 30.03.1999 (JCG.DEC/3/99 of 30.03.1999).
- ⁵⁴ Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. М.: Изд. МО РФ, 2000. С. 6–13, 26–29.
- ⁵⁵ Там же. С. 142–145, 147–153.
- ⁵⁶ Там же. С. 13–15.
- ⁵⁷ Там же. С. 28–29.
- ⁵⁸ Там же. С. 14, 28–29.
- ⁵⁹ Там же. С. 47–49, 51.
- ⁶⁰ Там же. С. 51–52.
- ⁶¹ Там же. С. 82–83, 108–114.
- ⁶² Там же. С. 24.
- ⁶³ Там же. С. 22–23.
- ⁶⁴ Там же. С. 139–155.
- ⁶⁵ Там же. С. 139.
- ⁶⁶ Там же. С. 140, 146.
- ⁶⁷ Там же. С. 140, 142–145.
- ⁶⁸ Там же. С. 140, 147–153.
- ⁶⁹ Там же. С. 140.
- ⁷⁰ Там же. С. 140, 155.
- ⁷¹ Там же. С. 140, 154.
- ⁷² Там же. С. 140.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Мухин В., Прошкин В. Установлен новый расклад сил в Европе. *Независимое Военное Обозрение*. 1999, 10 декабря.
- ⁷⁵ Ивашов Л.Г. Нам удалось отстоять российские интересы. *Красная Звезда*. 1999, 10 декабря.

РФ по данным программам являются Франция (ВМТ и экипировка военнослужащих), Германия и Италия (ВМТ и бронетехника), Израиль (БЛА).

ВОПРОСЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ

В настоящее время, как это следует из заявлений официальных лиц, произошел отказ от преимущественной ориентации на контрактную службу, ставка делается на призывную армию. «Мы не переходим на контрактную основу. Более того, призыв мы увеличиваем, а контрактную часть уменьшаем», – заявил начальник Генштаба Н.Е. Макаров³.

Число контрактников в Вооруженных силах РФ в настоящее время составляет около 20% от общей численности. Со временем, когда это позволят экономические возможности государства, оно будет увеличиваться, контрактники будут проходить службу, в первую очередь, на должностях, связанных с поддержанием боевой готовности.

С 2016 г. планируется ввести в армии институт контрактников-резервистов. По информации Генерального штаба, «в настоящее время прорабатывается новая система подготовки резервистов, согласно которой военнослужащий, пройдя службу по призыву, может заключить контракт о дальнейшем прохождении службы в резерве»³.

Большие надежды связаны с формированием корпуса профессиональных сержантов, подготовка которых началась на базе Рязанского воздушно-десантного училища. Всего планируется иметь в ВС РФ 100–120 тыс. профессиональных сержантов.

Два года – достаточно небольшой срок, однако за это время в военном строительстве удалось сделать больше, чем за всю историю постсоветской России. Главное – удалось задать правильный вектор реформирования. Окончательное формирование нового облика Вооруженных сил РФ завершится к 2020 г.

Примечания

¹ Формирование нового облика ВС РФ закончится к 2020 г. *РИА Новости*. 2010, 31 октября. http://www.rian.ru/defense_safety/20101031/291079425.html (последнее посещение – 13 декабря 2010 г.).

² Пухов Р.Н. Между контрактом и призывом: проблемы достижения золотой единицы. *Независимая Газета*. 2010, 15 июля. http://www.ng.ru/politics/2010-07-15/3_kartblansh.html (последнее посещение – 13 декабря 2010 г.).

³ Минобороны планирует с 2016 г. ввести институт контрактников-резервистов. *Российская Газета*. 2010, 26 ноября. <http://www.rg.ru/2010/11/26/oborona-anons.html> (последнее посещение – 13 декабря 2010 г.).

Владимир Верховцев

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ ЗАДАЧ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На протяжении всей своей истории человечество было вовлечено в сотни войн и конфликтов и вело постоянный поиск все более совершенного оружия. В середине XX в. этот процесс завершился созданием принципиально нового его вида, обладающего огромной разрушительной силой, – ядерного оружия. С этого времени наличие в распоряжении государства ядерного арсенала стало не только фактором устрашения, но и гарантом собственной безопасности его обладателя.

Первым государством, создавшим ядерное оружие, стали Соединенные Штаты Америки. При этом, обладая не только самим атомным оружием, но и средствами его доставки практически в любую часть планеты, США открыто провозгласили право диктовать миру свою волю. Уже в ноябре 1945 г., через три месяца после бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки, Соединенными Штатами Америки был принят первый военно-стратегический план применения атомного оружия против СССР, а по мере наращивания возможностей появлялись и другие планы по уничтожению с его помощью Советского Союза как государства.

В сложившейся обстановке стало очевидным, что только обладание ядерным оружием может быть гарантом сохранения территориальной целостности и независимости Советского Союза. Руководством советского государства было принято решение о создании ядерного оружейного комплекса. В предельно сжатые сроки, в тяжелейших экономических условиях был проведен колоссальный объем научно-исследовательских, конструкторских, промышленно-технологических работ, итогом которых стало испытание в 1949 г. первого отечественного образца атомного оружия на Семипалатинском полигоне. Созданная при этом мощная научно-экспериментальная база, широкий размах исследований обеспечили проведение теоретических и экспериментальных работ по созданию нового, еще более разрушительного вида ядерных боеприпасов – термоядерной бомбы, которая была успешно испытана в конце 1955 г.

Советский Союз в сравнительно короткие сроки обеспечил им все виды своих Вооруженных сил, достигнув к концу 1960-х гг. паритета с США по межконтинентальным баллистическим ракетам, а к середине 1970-х – и по количеству зарядов. Это позволило сохранить *мир* в условиях холодной войны, удержало мировые державы от непоправимого шага, ведущего к катастрофе.

После распада СССР его правопреемницей по вопросам ядерного оружейного комплекса стала Россия. В соответствии с действующей Военной доктриной Россия исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесение заданного ущерба любому агрессору в любых условиях. Вместе с тем, понимая, что применение ядерного оружия неизбежно приведет к глобальной экологической катастрофе и поставит под угрозу само существование жизни на планете, одним

А
Н
А
Л
И
З

из важнейших направлений политики России является сокращение и нераспространение ядерного оружия.

В настоящее время ведущие ядерные державы мира – Россия и США – приняли обязательства по сокращению своих арсеналов. Тем не менее, современная военно-политическая обстановка в мире диктует необходимость содержания ядерного потенциала стран-обладательниц атомного оружия на уровне, обеспечивающем соблюдение их национальных интересов, так как сегодня факт обладания ядерным оружием – это, прежде всего, политический фактор.

В течение всего времени существования СССР и Российской Федерации обеспечение сохранения статуса ядерной державы определялось как один из высших национальных приоритетов государства. И в силу особой значимости решение проблем в этой области всегда находилось под самым пристальным вниманием руководства государства.

Ядерное оружие все еще остается главным средством поддержания стратегической стабильности в мире и предотвращения широкомасштабной войны. Поэтому в течение еще достаточно длительного времени, пока в нем будет сохраняться потребность как в сдерживающем факторе, ядерное оружие останется в арсеналах государств.

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ КОНТРОЛЯ НАД ПРОИЗВОДСТВОМ И ХРАНЕНИЕМ ЯДЕРНЫХ БОЕПРИПАСОВ

Важнейшим элементом, обеспечивающим реализацию Россией политики ядерного сдерживания, является ядерный оружейный комплекс. В его состав, помимо предприятий и организаций *Росатома*, входят воинские части специального обеспечения Вооруженных сил Российской Федерации, непосредственно осуществляющие эксплуатацию ядерных боеприпасов и поддержание их в готовности к применению.

Сегодня решение задач, стоящих перед ядерным оружейным комплексом, осуществляется в рамках Государственной программы вооружения и федеральных целевых программ. Реализация мероприятий, предусмотренных этими программами, обеспечивает сохранение ключевых базовых технологий, кадрового научно-технического потенциала организаций ядерного оружейного комплекса.

Важнейшую роль в решении этих задач играет 12-е Главное управление Минобороны России, история которого берет свое начало с реализации советского атомного проекта. Для руководства работами по созданию отечественной атомной бомбы в двух ведомствах – военном и атомной промышленности – были созданы специальные органы, на которые возложены задачи по обеспечению разработки, испытаний, производства и подготовке ядерного оружия к боевому применению. Военная инфраструктура для проведения испытаний ядерного оружия, исследования его поражающих факторов, подготовки войск и сил флота к действиям в условиях его применения начала формироваться в конце 40-х гг. XX в. Центральным органом этой инфраструктуры стал Специальный отдел Генерального штаба, созданный 4 сентября 1947 г. Именно с этой даты ведет свою историю Главное управление Министерства обороны, на которое возложено ядерное обеспечение Вооруженных сил Российской Федерации.

В 1949 г. на базе Специального отдела Генерального штаба было создано Шестое управление Министерства обороны СССР, которому было поручено осуществлять руководство и контроль за проведением мероприятий, связанных с созданием и испытанием образцов ядерного оружия. В развитие концепции централизации руководства ядерно-техническими вопросами в марте 1957 г. Шестому управлению Министерства обороны была передана Служба специального наблюдения за ядерными взрывами. Это решение логически обосновывалось необходимостью получения сведений о состоянии разработки ядерного оружия за рубежом в целях выработки адекватных ответных мер и недопущения технического превосходства вероятного противника.

В это же время в Первом главном управлении при Совете Министров СССР создавались воинские части и учреждения для осуществления военной приемки, хранения и эксплуатации ядерных боеприпасов. В 1953–1958 гг. ими руководили Главное управление приборостроения, а затем – образованное на его базе Главное управление комплектации Министерства среднего машиностроения СССР.

К началу 1958 г. Министерству обороны были переданы Главное управление комплектации и подчиненные ему центральные базы хранения с находящимися на них ядерными боеприпасами и технологическим оборудованием, специальные военные представительства и учебные центры по подготовке специалистов для сборочных бригад центральных баз.

Пройдя путь от Специального отдела Генерального штаба до центрального органа военного управления, 12-е Главное управление объединило в единое целое соединения, воинские части, научно-исследовательские учреждения, полигоны, учебные центры и материально-технические базы. Как составная и неотъемлемая часть Министерства обороны Российской Федерации 12 Главное управление является, по существу, координирующим звеном между *Росатомом* и Вооруженными силами, обеспечивает эксплуатацию практически всего запаса ядерных боеприпасов, изготавливаемых на предприятиях *Росатома*, поставку их во все виды и рода войск Вооруженных сил.

Обладание ядерным оружием – не только демонстрация особого военно-политического и экономического статуса государства, но и большая ответственность. Ядерное оружие является одним из наиболее потенциально опасных видов оружия с точки зрения его эксплуатации и хранения. Поэтому современная система эксплуатации ядерных боеприпасов построена на основе организационных и технических мер, исключающих любую возможность нерегламентированных действий, которые могут привести к аварийным ситуациям. Действенность и эффективность этой системы подтверждается тем, что за весь период существования отечественного ядерного оружия не было ни одного аварийного инцидента с ядерными боеприпасами, выхода их из строя по вине личного состава или другого чрезвычайного происшествия.

В современных условиях в связи с усиливающимися угрозами, исходящими от международного терроризма, особое внимание уделяется *обеспечению гарантированной сохранности ядерного боезапаса*.

Правительство Российской Федерации, руководство Министерства обороны Российской Федерации предпринимают все необходимые меры для обеспечения безопасного хранения и эксплуатации ядерного оружия. При этом централизация руководства ядерно-технической политикой в Министерстве обороны обеспечила повышение эффективности функционирования военной составляющей ядерно-оружейного комплекса, а в трудные 1990-е гг. позволила России сохранить полный контроль над ядерным оружием.

Учитывая стратегическую важность обеспечения Вооруженных сил ядерными боеприпасами, руководство Министерства обороны Российской Федерации в 1999 г. приняло решение о переводе ядерно-технического обеспечения из *технического* в *стратегический* (оперативный) вид обеспечения. Это привело не только к изменению наименования ядерно-технического на ядерное обеспечение, но и кардинальным образом изменило *статус* 12-го Главного управления в системе Минобороны России, его структуру и состав, повысило ответственность руководства и расширило круг решаемых Управлением задач. Подтверждением этого факта явилось то, что Указом Президента Российской Федерации от 31 мая 2006 г. № 549 установлен профессиональный праздник специалистов ядерного обеспечения, который отмечается ежегодно 4 сентября.

В результате проведенных преобразований в Министерстве обороны возникла целостная организационная структура, рационально объединившая функции исследований в области ядерного оружия, обоснования тактико-технических требований к ядерным боеприпасам, контроля разработок, серийного производства, испытаний и принятия на вооружение ядерных боеприпасов.

ПРИНЦИПЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЯДЕРНЫХ БОЕПРИПАСОВ

Ядерное оружие, поражающие факторы которого обладают огромной разрушительной силой, несравнимой с обычными видами вооружений, предъявляет предельно жесткие требования к организации его эксплуатации. С первых дней эксплуатации ядерных боеприпасов (ЯБП) были приняты чрезвычайно серьезные режимные и административные меры, ограничивающие допуск к нему и исключающие его несанкционированное применение. После передачи в августе 1958 г. центральных баз хранения военному ведомству все функции эксплуатации ядерного оружия были сосредоточены в Министерстве обороны СССР.

Заложенные на этапе становления системы эксплуатации ЯБП принципы, направленные на предупреждение несанкционированного его применения, в течение десятков лет хотя и претерпели некоторые изменения, однако, по существу, остались прежними:

- разграничение функций в вопросах эксплуатации ЯБП внутри военного ведомства;
- допуск ограниченного круга лиц к отдельным вопросам эксплуатации;
- всеобъемлющий контроль и проверка;
- строгий режим секретности.

Непременное условие функционирования системы органов эксплуатации ЯБП – *профессиональная подготовка специалистов*. Основные ее принципы были заложены еще в начальный период образования и становления центральных и войсковых баз ядерного оружия. К эксплуатации допускались лишь лица, прошедшие первоначальную (специальную) подготовку и получившие знания по устройству ЯБП и эксплуатационного оборудования, требованиям безопасности, составу и содержанию эксплуатационных документов, а также практические навыки в работе с ЯБП.

Еще в середине 1960-х гг. в 12-м Главном управлении сложилась стройная *система отбора и подготовки инженерно-технического состава*, привлекаемого к эксплуатации ЯБП. Проверенные временем ее основные организационные и учебно-методические принципы подтвердили свою эффективность и актуальность.

Обеспечение ядерных гарантий национальной безопасности России предполагает сохранение и совершенствование не только сложившейся системы разработки, испытаний, производства, но и, далеко не в последнюю очередь, *эксплуатации* ЯБП. Как свидетельствует исторический опыт, очевидное преимущество этой системы заключается, прежде всего, в максимальной степени обеспечения реализации исходных принципов эксплуатации специального вооружения: надежности, безопасности, боевой готовности. Не только сами ядерные боеприпасы, но и система, обеспечивающая их эффективную и безопасную эксплуатацию, являются национальным достоянием.

Нынешним поколением специалистов-ядерщиков неукоснительно соблюдаются основные, заложенные еще на заре становления системы *принципы обеспечения безаварийной эксплуатации ЯБП*.

На всех этапах жизненного цикла ЯБП установлена персональная ответственность должностных лиц за организацию правильной эксплуатации, хранение и проведение всех видов работ с ними.

Хранение ЯБП осуществляется в специальных защищенных фортификационных сооружениях. При перевозках ЯБП обязательно использование специальных транспортных средств и защитных устройств, обеспечивающих защиту от аварийных и поражающих воздействий (пожар, прострел, опрокидывание и так далее). Постоянно содержатся в исправном, готовом к применению, состоянии средства эксплуатации ЯБП (погрузочно-выгрузочное, эксплуатационное оборудование, контрольно-измерительная аппаратура и так далее). К защищенности объектов хранения ядерного оружия предъявляются самые высокие требования. Они оборудованы современными охранными комплексами, соответствующими мировым стандартам.

Высока эффективность *системы индивидуального отбора* личного состава инженерно-технической службы с учетом его профессиональных и морально-психологических качеств. К эксплуатации допускается строго ограниченный круг лиц, проверенных режимными органами, высококвалифицированных, обладающих высокими деловыми и морально-психологическими качествами и прошедших предварительное специальное обучение. В войсках Главного управления действует программа повышения надежности персонала, эксплуатирующего ЯБП, в рамках которой производится обследование 100% персонала с использованием полиграфа, а также исследования на предмет выявления лиц, употребляющих наркотические вещества.

У всего личного состава, допущенного к работе с ЯБП, периодически проверяется уровень знаний общих правил эксплуатации, требований безопасности, а также навыков в проведении работ с ЯБП. Перед каждым видом работ с должностными лицами расчеты проводятся инструктажи по правилам и особенностям работы, соблюдению требований безопасности и режима секретности.

Неукоснительно соблюдается правило *тройного контроля* и принцип «*слушай – делай – контролируй*», предполагающие работу расчетов в составе не менее трех человек, строго в последовательности, предусмотренной соответствующими инструкциями с персональной ответственностью за выполнение каждой операции с ЯБП. При этом контролирующими лицами осуществляется обязательный контроль соблюдения требований технической и эксплуатационной документации.

Соответствующими должностными лицами органов военного управления и воинских частей постоянно осуществляются контроль и надзор за правильной организацией эксплуатации ядерных боеприпасов. Организованы и постоянно осуществляются радиационный контроль и учет доз облучения личного состава, привлекаемого к эксплуатации ЯБП. Проводится обязательный медицинский контроль за состоянием здоровья персонала, работающего со специальным вооружением.

Вопросы обеспечения *режима секретности* проводимых работ и сохранности ЯБП, соблюдения установленного порядка вскрытия (закрытия) специальных сооружений, а также допуска в них личного состава являются одними из приоритетных в современных условиях террористических угроз.

Обеспечение безопасности эксплуатации ЯБП – приоритетная задача и направление развития Главного управления в современных условиях, так как требует постоянного развития и совершенствования, особенно в условиях возросшей угрозы со стороны международного терроризма, в том числе ядерного. К достижению более высокого уровня их реализации привлечены научно-исследовательские организации, полигоны Главного управления, успешно используются возможности международного сотрудничества, осуществляемого Минобороны России в ядерной области.

С момента поступления ЯБП в Вооруженные силы СССР непрерывно и целенаправленно проводилась работа по обеспечению безопасности их эксплуатации, максимальному уменьшению вероятности воздействия опасных факторов на людей и окружающую среду при чрезвычайных ситуациях. Поэтому одним из направлений деятельности 12-го Главного управления является готовность войск к действиям при возможных инцидентах с ЯБП.

ПОДГОТОВКА ЛИЧНОГО СОСТАВА

Конструкция ядерного боеприпаса и предусмотренные в документации организационно-технические меры обеспечивают его безопасность на всех этапах жизненного цикла, однако отступление от требований документации либо воздействие внешних аварийных факторов, превышающих заданные пределы, может привести к аварийной ситуации. Поэтому в воинских частях, осуществляющих эксплуатацию ЯБП, проводятся тренировки личного состава по действиям в чрезвычайных ситуациях, назначаются дежурные расчеты.

Однако совершенствование конструкции ЯБП, а также системы их эксплуатации потребовали формирования штатных аварийно-спасательных формирований, способных действовать в чрезвычайных ситуациях с ЯБП, подготовки их личного состава и технического оснащения специальным оборудованием и инструментом. Научными организациями на основании проведенных экспериментов были разработаны способы диагностики состояния аварийных ЯБП, технологии их безопасной разборки, снижения степени опасности, уничтожения. После аварии на Чернобыльской АЭС в научных организациях были пересмотрены концепции и подходы к оценке последствий радиационных аварий, выработаны требования по обеспечению безопасности личного состава войск и населения, уточнению обстановки.

Совместно с *Росатомом* проводится планомерная работа по совершенствованию и уточнению нормативных документов, определяющих взаимодействие аварийно-спасательных служб ведомств, организационные и технические основы действий при возможных инцидентах с ЯБП.

Научно-методическое, информационное и расчетно-аналитическое сопровождение проблем ликвидации последствий аварии с ядерным оружием осуществляется научно-исследовательскими подразделениями Минобороны России.

В настоящее время аварийно-спасательные формирования укомплектованы аттестованными специалистами, оснащены средствами управления и связи, аварийно-спасательными автомобилями, оборудованными современными техническими средствами, приборами радиационной разведки и дозиметрического контроля, средствами индивидуальной защиты, а также средствами жизнеобеспечения и готовы решать широкий круг задач по ликвидации последствий аварий.

Особую актуальность сегодня приобретает готовность личного состава соединений и воинских частей Главного управления к *антитеррористическим действиям*, его способность обеспечить гарантированную сохранность специальной техники на всех этапах ее эксплуатации. Именно поэтому на современном этапе развития 12-го Главного управления одним из основных направлений повседневной деятельности соединений и воинских частей является боевая подготовка. Она организуется и проводится в строгом соответствии с требованиями Устава внутренней службы Вооруженных сил РФ, руководящих документов Министерства обороны и направлена на обеспечение поддержания требуемого уровня готовности соединений и воинских частей к выполнению задач по предназначению. Более высокие требования стали предъявляться к полевой выучке.

Глубокие знания, твердые навыки и умения приобретаются личным составом соединений и воинских частей в процессе боевой учебы в классах и в поле в ходе занятий, тренировок и учений, в том числе и совместных с подразделениями ВВС, ВМФ и РВСН. Подразделения соединений и воинских частей Главного управления осваивают новые способы, формы и методы борьбы с террористическими, экстремистскими группами, активно перенимая передовой опыт антитеррористических операций. Руководство Главного управления всегда глубоко понимало и понимает важность боевой подготовки и уделяет самое пристальное внимание уровню полевой выучки личного состава, боевой слаженности соединений и воинских частей.

Хорошие показатели в боевой учебе обеспечиваются постоянной работой командиров и органов управления всех уровней по совершенствованию учебной материально-технической базы боевой подготовки, поддержанию ее в готовности к использованию в ходе учебного процесса. В настоящее время практически во всех соединениях и воинских частях развернуты учебные стрелковые электронные комплексы, позволяющие эффективно обучать личный состав владению стрелковым оружием с минимальными затратами, а также войсковые стрельбища оснащены современным оборудованием, позволяющим приобретать и закреплять практические навыки с применением боевого стрелкового оружия с максимальным обеспечением требований безопасности.

Активно осваиваются и внедряются в учебный процесс тренажеры по обучению вождению, подготовке и боевому применению переносных зенитных ракетных комплексов.

В системе одиночной подготовки личного состава и налаживания пунктов управления активно используются персональные ЭВМ, обучающие программы и программы контроля уровня знаний различных категорий военнослужащих.

Эффективность и безопасность деятельности соединений и воинских частей Главного управления определяются не только надежностью технических средств защиты и охраны объектов, отлаженностью технологических процессов и порядка организации специальных работ. Огромное значение имеет и так называемый *человеческий фактор*, который обеспечивает взаимодействие и функционирование всех компонентов системы «человек–техника–профессиональная среда».

На сегодня известно, что в различных областях, где человек имеет дело с техническими системами высокой сложности и потенциальной опасности, причинами от 50 до 90% аварий и катастроф являются ошибки или другого рода несанкционированные действия обслуживающего персонала. Это обуславливает необходимость особенно тщательного подхода к работе с личным составом соединений и частей 12-го Главного управления, научного обоснования и внедрения в практику комплекса современных методов контроля и поддержания надежности профессиональной деятельности военных специалистов.

В Главном управлении внедрена *система мероприятий медико-психологического обеспечения* профессиональной деятельности личного состава, представляющая собой комплекс мероприятий, направленных на повышение качества комплектования должностей, контроль надежности личного состава в процессе службы, а также на поддержание работоспособности и сохранение профессионального здоровья военнослужащих. Основными элементами системы являются профессиональный психологический отбор и медико-психологическое сопровождение деятельности, включающее периодический мониторинг в процессе службы, экспресс-контроль состояния при допуске к наиболее ответственным видам работ, медико-психологическую коррекцию работоспособности и социально-психологическое изучение воинских коллективов. Структура и содержание данных мероприятий адаптированы к конкретным условиям применения и к конкретному контингенту персонала с учетом его образовательного, социально-культурного и половозрастного состава. Обязательным является индивидуальный учет психологического состояния каждого специалиста на протяжении всей военно-профессиональной деятельности в системе Главного управления. На настоящий момент разработаны научно-методические и организационные подходы, которые прошли практическую апробацию и реализованы в целом комплексе действующих нормативных и методических документов.

Наиболее тяжелыми в истории развития 12-го Главного управления были 90-е гг. прошлого столетия. В этот самый сложный для страны период благодаря исключительно высокой ответственности, компетентности, профессионализму военнослужащих Главного управления удалось обеспечить безопасность ЯБП, своевременно и качественно выполнить поставленные задачи. А главное – сохранить специалистов ядерно-технических войск. Несмотря на то, что многие офицеры в поисках *лучшей жизни* уволились из рядов Вооруженных сил, костяк коллективов инженерно-технической службы был сохранен, и лучшие традиции офицеров-ядерщиков не были утрачены.

Нельзя не отметить, что важное значение в обеспечении безопасности ядерного оружия имеет *международное сотрудничество* Минобороны России с иностранными государствами. Немаловажный вклад в обеспечение безопасности ядерного оружия внесло внедрение в российскую систему обращения с ядерным оружием иностранного оборудования: аварийно-спасательного инструмента, суперконтейнеров, дозиметрических систем, полиграфов, оборудования по выявлению наркотиков и алкоголя в организме человека, компьютерной техники. В ходе сотрудничества выполнен большой комплекс работ по оснащению ядерных арсеналов средствами физической защиты; совершенствованию подготовленности и оснащенности сил охраны. Основным и важным результатом международного сотрудничества является возможность обеспечивать требуемый уровень безопасности на ядерных арсеналах в современных условиях.

Обеспечение безопасности ядерного оружия всегда было и остается существенной составной частью национальной безопасности государства. Проблема обеспечения безопасности ядерного оружия относится к классу сложных организационно-технических задач, ее решение носит комплексный характер.

Действующая система обеспечения безопасности ядерного оружия представляет собой комплекс организационно-технических мероприятий, позволяющих обеспечивать безопасность ядерного оружия на уровне, соответствующем современным требованиям. Таким образом, в настоящее время можно с достаточной уверенностью сказать о надежном обеспечении безопасности ядерного оружия и ядерных арсеналов России. 🗨️

Марсель де Хаас

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РЕФОРМА: УСПЕХ ИЛИ ПРОВАЛ?

После распада СССР в 1991 г. Российская Федерация предприняла несколько попыток реформирования своих Вооруженных сил. Однако вплоть до 2008 г., когда новую реформу инициировал президент Д.А. Медведев, все планы модернизации российской армии не приводили к ощутимым результатам. В 90-е гг., при Б.Н. Ельцине, реформы сводились в основном к сокращению размеров армии и переформатированию различных родов войск. В первое десятилетие нового века, во времена президентства В.В. Путина, сохранялся минималистский подход к военной реструктуризации. Ключевым отличием было то, что Путин в финансовом плане подготовил почву для массивной программы перевооружения. Российско-грузинский конфликт в августе 2008 г. окончился победой для Москвы – однако он наглядно продемонстрировал плачевное состояние российских Вооруженных сил.

Понимая, что все вскрывшиеся недостатки не позволяют России полноценно использовать военную мощь как инструмент государственной политики безопасности, вскоре после окончания конфликта Медведев объявил о начале радикальной военной реформы. В отличие от всех предыдущих, эта реформа является поистине переломной. Она обозначает отход от традиционной для России мобилизационной армии, предназначенной для участия в крупномасштабных конфликтах. Новая модель – это полностью укомплектованные, хорошо вооруженные и подготовленные Вооруженные силы, находящиеся в постоянной боевой готовности и предназначенные в основном для проецирования военной мощи на региональном уровне. Каковы шансы на успех военной реформы Медведева? И если начавшиеся модернизация и реструктуризация российской армии хотя бы частично достигнут своих целей, будет ли это иметь какие-то последствия для военного строительства и политики Запада, в особенности НАТО?

МЕДВЕДЕВ: ПОЛИТИКА ВОЕННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Эффективность российской армии следует оценивать с учетом состояния Вооруженных сил, а также существующего в России военного мышления. Грузинский конфликт в августе 2008 г. стал отражением все более уверенной позиции Москвы в международной политике и международной безопасности. Однако такая уверенная позиция Москвы в области внешней безопасности не была подкреплена военным аппаратом, который бы соответствовал политическим амбициям государства. Был сделан вывод о том, что военный аппарат необходимо привести в соответствие со вновь обретенным статусом России как важного игрока на международной арене. Были заявлены амбициозные планы закупок нового оружия и реформирования армии до 2020 г. Реформа состояла из двух основных компонентов: перевооружения армии и ее реструктуризации с изменениями в организационном устройстве и численном составе.

А
Н
А
Л
И
З

Вооруженный конфликт с Грузией вскрыл целый ряд недостатков в Вооруженных силах России. В ходе боевых операций российская армия полагалась на массированные артобстрелы и авиационные бомбардировки, а не точечные удары – сказалось, вероятно, отсутствие современного вооружения, которое требуется для таких ударов. Российские солдаты часто ездили *верхом* на своих бронемашинах, потому что находиться внутри считается более опасным из-за слабой брони. Серьезной воздушной поддержки сухопутным силам практически не наблюдалось – по-видимому, из-за недостатка средств, а также слабой координации между сухопутными силами и ВВС. Потери авиации были обусловлены, в частности, недостаточной изученностью территории с воздуха и другими провалами в разведке. Не было и должной координации между родами войск – сухопутными силами, ВВС и ВМФ.

Более того, от четырех до восьми российских самолетов были сбиты грузинской ПВО, которую не уничтожили, прежде чем начинать атаку. Пилоты российских ВВС, в особенности пилоты истребителей и бомбардировщиков, продемонстрировали явно недостаточный тренировочный налет. Результатом плохой подготовки, а также непропорционального использования силы вместо точечных ударов стали серьезные разрушения на театре военных действий. Наконец, весь мир с удивлением наблюдал, как российская армия вывозила из Грузии все оружие и технику, которую только смогла захватить – судя по всему, для собственного использования¹.

После многочисленных неудач в ходе чеченских конфликтов российская армия начала применять новые концептуальные подходы, направленные на усиление координации и совместное ведение боевых действий всеми родами войск. В частности, это выразилось в создании общевоинских региональных военных командований вместо военных округов, которые управляли в основном лишь сухопутными силами. Тем не менее, в ходе грузинского конфликта применялась традиционная и устаревшая командная структура. В результате российские Вооруженные силы воевали *по старинке*. Высокотехнологичные и бесконтактные методы ведения боя в современном западном стиле ими не применялись. Война была выиграна лишь благодаря традиционной российской (советской) концепции подавляющего превосходства над противником в живой силе и технике².

Основой российского плана перевооружения является Государственная программа вооружений (ГПВ). При президенте В.В. Путине была разработана и принята программа на 2007–2015 гг. Незадолго до начала грузинского конфликта, в июле 2008 г., Путин, будучи уже в ранге председателя правительства, объявил, что внедрение плана модернизации российской армии будет ускорено. Была поставлена задача направить около 70% оборонного бюджета на закупку, ремонт, модернизацию и разработку вооружений. Однако оставались серьезные сомнения в достижимости столь амбициозных целей, особенно учитывая, что в оборонном бюджете 2006 г. соответствующий показатель составлял лишь 30%³. Благодаря резкому сокращению количества военных частей и офицерского корпуса к 2011 г. планировалось высвободить достаточно средств, чтобы финансирование закупок и разработки вооружений не уступало затратам на текущие армейские расходы. А уже к 2015 г. доля этого финансирования должна была достичь 70% военного бюджета, как и было заявлено Путиным в 2008 г.⁴. После грузинского конфликта президент Медведев поручил еще больше ускорить программу модернизации российских Вооруженных сил.

Программа ГПВ-2015 была сохранена, однако модернизацию теперь планировалось провести в более сжатые сроки. В ходе грузинского конфликта применялись исключительно обычные вооружения. Тем не менее, в последовавших заявлениях российских официальных лиц на тему ГПВ ключевая роль в обеспечении российской национальной безопасности отводилась ядерному арсеналу. Объяснялось это расчетом на то, что на ядерную державу напасть никто не осмелится.

В октябре 2008 г. Кремль объявил о намерении выделить дополнительное финансирование на углубленную модернизацию армии⁵. Намерение это официально оставалось в силе как минимум до марта 2009 г., подчеркивая решимость Москвы не позволить фи-

нансовому кризису поставить под угрозу выполнение ГПВ-2015. Вновь было заявлено о ключевой роли ядерного оружия, на которое предполагалось потратить 25% финансирования по программе перевооружения. Однако уже тогда возникли сомнения в способности российского ВПК выполнить план поставок техники для Вооруженных сил, уложившись в первоначальные сроки программы ГПВ-2015, не говоря уже о более сжатых темпах.

Неэффективность и непрофессиональное управление российской *оборонкой*, которая в последние годы ориентируется в основном на экспорт, усугубились инфляционными ожиданиями и опасениями резкого роста себестоимости при выполнении госзаказа. Добавило сомнений в выполнении новых сроков по поставкам вооружений и то, что на фоне финансового кризиса 2008 г. Кремлю пришлось выделить 1,7 млрд долл. на поддержание российского ВПК *на плаву*. В результате в ГПВ-2020 было прописано, что с 2011 по 2020 г. государство будет дополнительно выделять 3,4 млрд долл. в год на реструктуризацию ВПК, чтобы обеспечить выполнение программы развития вооружений⁶.

В сентябре 2008 г., вскоре после окончания грузинского конфликта, Медведев сделал свое первое заявление о необходимости модернизации не только вооружений, но и организационной структуры Вооруженных сил, а также оптимизации их численности. За этим заявлением последовала череда подробных планов реформ, объявленных не только самим Медведевым, но также и первым вице-премьером С.Б. Ивановым, министром обороны А.Э. Сердюковым и начальником Генштаба, генералом Н.Е. Макаровым.

Концепция оборонной политики, опубликованная в 2003 г., стала первым документом, в котором говорилось о необходимости реформирования российских Вооруженных сил в экспедиционные силы западного образца.

После окончания холодной войны западные армии в основном упразднили такие устаревшие армейские формирования, как дивизии и корпуса. В организационном плане они отошли от поддержания значительного количества мобилизационных соединений, оставив исключительно силы постоянной боевой готовности, полностью укомплектованные техникой и персоналом. При операциях за границей западные армии в качестве стандартных военных соединений используют небольшие по размерам, мобильные и самодостаточные бригады (численностью около 3000 человек) и батальоны (700 человек).

Российское руководство решило внедрить похожую модель. В 2008 г. лишь около 20% российских военных соединений были силами постоянной боевой готовности. Программой реформ предполагалось расформирование большинства кадрированных частей в пользу сил постоянной боевой готовности. Предполагается, что к 2011 г. все оставшиеся после реформы соединения станут силами постоянной готовности. В связи с этим количество военных частей предполагается сократить с 1890 в 2008 г. до 172 в 2012 г. По плану оставшиеся 172 части должны представлять собой 80 бригад, причем все 80 должны находиться в постоянной боевой готовности. Эти бригады, построенные по модульному принципу, будут самодостаточны и способны проводить военные операции самостоятельно.

Проанализировав планы военной реформы, объявленные начиная с сентября 2008 г., можно выделить следующие основные цели реструктуризации и модернизации армии⁷:

- повышение боеготовности Вооруженных сил; все военные части должны находиться в постоянной боевой готовности;
- формирование в каждом из шести военных округов аэромобильной бригады в качестве самостоятельных сил быстрого реагирования;
- сокращение количества старших офицерских должностей с одновременным увеличением количества младших офицеров и сержантов:
 - сокращение офицерского корпуса с 350 000 (около 30% всех военнослужащих) до 150 000 (15%);

- сокращение штата Министерства обороны и Генштаба на 60%, с 22 000 до 8500 человек;
- создание новой категории военнослужащих – профессиональных сержантов;
- приоритетность ядерного оружия над неядерным как в вопросах укрепления обороны, так и в очередности поставок новых вооружений;
- выделение в период с 2009 по 2011 г. 140 млрд долл. на закупку новых вооружений; в период с 2011 по 2020 г. на эти цели должно быть выделено от 420 млрд до 1,2 трлн долл., с максимальным ежегодным финансированием на уровне около 100 млрд⁸;
- создание вместо шести военных округов четырех Объединенных стратегических командований до декабря 2010 г.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ

Военная реформа стала для Москвы очевидной необходимостью. Причин тому много, в том числе морально устаревшая техника, напряженность на Северном Кавказе, резкое укрепление Вооруженных сил Китая, который уверенно превращается в военную супердержаву, а также желание Кремля сохранить ядерный паритет с Америкой, чтобы подчеркнуть свой международный статус. В ходе реформы будет сокращено количество военнослужащих и раздутый командный состав (в том числе за счет упразднения дивизий и полков). При этом в армии будет больше боеспособных сил за счет более сбалансированного количества солдат и офицеров, а также снижения среднего возраста российского военнослужащего. Приоритетом станут оснащенные современным оружием силы постоянной боеготовности и быстрого реагирования. Все это повысит боеспособность российской армии и даст Кремлю эффективный инструмент проецирования военной мощи, который поможет ему в проведении своей политики внешней безопасности. Именно такие цели ставил перед собой Д.А. Медведев, активно подключившись к процессу модернизации российской военной машины.

Переход российской армии к бригадной структуре был осуществлен быстрыми темпами. В июне 2009 г. было сформировано 50 бригад. К декабрю предполагалось завершить формирование оставшихся 30⁹. Кроме того, чтобы проецировать военную мощь с большим успехом, чем во время грузинского конфликта, России нужны были силы быстрого реагирования, способные приступить к боевой операции в самые короткие сроки.

Сегодня, по прошествии двух лет с начала военной реформы, значительного улучшения ситуации в российских Вооруженных силах пока не произошло¹⁰. Тем не менее, в армии произошли серьезные трансформации. Вместо мобилизационной структуры созданы соединения постоянной боевой готовности; вместо старых корпусов и дивизий сформированы бригады; на смену военным округам пришли объединенные стратегические командования. Естественно, застарелые проблемы российской армии легко и быстро не решаются. Остаются объективные трудности в области технологий: устаревшие системы связи и управления, средства разведки (к примеру, беспилотные летательные аппараты), недостаток топлива, слабая броня на боевых машинах, отжившие свой век системы вооружений и т.д.

Вдобавок произошло серьезное сокращение численного состава армии и списание старой техники – при этом ни нового оружия, ни сержантского корпуса армия пока не получила. В результате произошло лишь дальнейшее снижение боеспособности российских Вооруженных сил.

В силу целого ряда причин пока неясно, удастся ли в полной мере воплотить планы реформирования российской армии до 2020 г. и насколько эти реформы повысят боеспособность Вооруженных сил России.

Во-первых, с 1991 г. предпринимались неоднократные попытки реформирования Вооруженных сил, которые провалились из-за противодействия военного руководства и недооценки воли со стороны политиков.

Во-вторых, несмотря на резкий рост оборонных расходов при В.В. Путине, ощутимого повышения боеспособности российской армии не произошло. Военный бюджет страны за период с 2000 по 2009 г. вырос в 10 раз, с 5 млрд долл. до 50 млрд¹¹. Однако среднегодовая инфляция в этот период превысила 10%, снижая отдачу от финансовых вливаний. Более того, хотя в абсолютном выражении оборонные расходы при Путине выросли, в процентном выражении по отношению к ВВП страны они упали с 4,29% в 2000 г. до 3,9% в 2007 г.¹². В 2009 г. расходы на оборону вновь выросли, но из-за финансового кризиса рост составил всего 12,6%, а не 24%, как предполагалось ранее. Ожидается, что военный бюджет России вырастет с 2,9% ВВП в 2010 г. до 3,2% в 2013 г.¹³. Однако деньги эти часто оседают в карманах коррумпированных чиновников или расходуются неэффективно.

Одной из причин назначения Путиным на пост министра обороны А.Э. Сердюкова, бывшего налогового, явилось стремление побороть коррупцию и противодействие реформам со стороны военного руководства. Сердюкову пришлось столкнуться с серьезным сопротивлением относительно своих планов реформирования военного ведомства со стороны высших военных чинов, поскольку в планы эти входили глубокие сокращения офицерского корпуса и центрального аппарата. Однако министр это сопротивление сломил, отправив самых ярых оппонентов в отставку. Кроме того, он привел в министерство выходцев из налоговой службы, чтобы держать под контролем финансы и отчетность. Сердюков проводит энергичную политику на центральном уровне – однако внедрение его начинаний остается под вопросом на уровне регионов и отдельных военных частей. Это может помешать достижению заявленной цели укрепления боеспособности российской армии.

В-третьих, Россия за последние два года серьезно пострадала от мирового финансового кризиса. Финансовые резервы, накопленные в предыдущие годы за счет экспорта нефти и газа, резко сократились. Вполне возможно, что деньги были больше нужны для недопущения роста социальной напряженности, чем для инвестиций в военную мощь. Свидетельством глубины финансовых проблем стало сделанное в марте 2009 г. заявление о том, что оборонный бюджет России на 2009, 2010 и 2011 гг. будет урезан на 8%¹⁴.

В-четвертых, российский ВПК неэффективен и сильно перегружен экспортными контрактами, которые необходимы для поддержания *оборонки* на плаву. Поэтому для выполнения планов по поставкам нового оружия российской армии в стране, скорее всего, окажется недостаточно мощностей. Еще в декабре 2008 г. авторы реформы настаивали на том, что к 2020 г. количество современной техники на вооружении российской армии достигнет 80–100%. Однако уже в марте 2009 г. этот ориентир был урезан до 70%¹⁵. Чтобы преодолеть проблемы, связанные с ограниченностью возможностей российской *оборонки*, Кремль впервые в истории России обратил взор в сторону иностранных поставщиков вооружений. Российский ВПК, очевидно, такой готовностью Кремля покупать оружие за рубежом не слишком доволен.

В-пятых, сохраняется серьезная проблема с личным составом российских Вооруженных сил. В 2008 г. офицеры составляли примерно половину всех военнослужащих. В российской армии, образно говоря, *слишком много вождей и слишком мало индейцев*. Более того, Министерство обороны не имеет рекрутинговой системы, которая была бы способна отбирать и приводить в армию хороших солдат и сержантов¹⁶. В результате реструктуризации армии ее численность сократится примерно до 1 млн человек, в том числе: 80 000 солдат-контрактников, 650 000 призывников, 105 000 сержантов-контрактников и 150 000 офицеров¹⁷. Офицерский корпус, который подвергся резким сокращениям, вдобавок к этому давно страдает от низких зарплат, плохого медицинского обслуживания, а также недостатка жилья. Все это, естественно, сказывается на боевом духе. Что касается жалованья, то у лейтенантов оно составляет две трети от средней зарплаты по стране. Призывникам выплачивается всего 30 долл. в месяц¹⁸.

Кроме того, в России никогда не было профессионального сержантского корпуса. Создание такого корпуса предусмотрено программой реформ. Однако условия для сержантов-контрактников предлагаются очень скромные. Сказывается и то, что России просто не достаёт опыта работы с этой категорией военнослужащих. В результате особого желания служить по контракту сержантами россияне пока не проявляют. Поэтому перспективы успешного создания профессионального сержантского корпуса в России пока что представляются весьма мрачными¹⁹.

Наконец, серьёзные проблемы существуют с рядовыми солдатами. Бичом российской армии давно является *дедовщина*, в результате которой многие солдаты лишаются здоровья и даже жизни. Именно по этой причине многие россияне призывного возраста стремятся избежать службы. Кроме того, многие из них признаются непригодными для строевой службы по состоянию здоровья. При этом население России уже давно сокращается, что тоже ведёт к нехватке призывников²⁰. Учитывая демографические проблемы и тот факт, что российская армия на две трети состоит из призывников, довольно маловероятно, что уровень комплектации военнослужащими удастся довести до 100%. Армия, в которой не хватает солдат, не может быть полноценным инструментом проецирования военной мощи. Поэтому многим казалось, что переход на полностью профессиональную армию в России практически неизбежен. Однако недостаток финансирования и трудности с привлечением контрактников вызывают сомнения в том, что такой переход состоится, даже если военное и политическое руководство признает его необходимость.

Таким образом, на пути модернизации российской армии стоит целый ряд политических, финансовых, технических, демографических и концептуальных препятствий. В связи с этим существуют серьёзные сомнения в том, что у России есть и возможности, и политическая воля провести реформирование своей военной машины сверху донизу. Поэтому нет уверенности, что Москва в обозримом будущем приобретёт современные Вооружённые силы, способные проецировать военную мощь и способствовать достижению политико-стратегических целей внешней политики безопасности Кремля.

ЕСЛИ РОССИИ УДАТСЯ РЕФОРМА...

Каков же будет сценарий, если, несмотря на все вышеперечисленные проблемы, России удастся провести запланированные реформы и хотя бы частично добиться целей, намеченных на 2020 г.?

Удивляет тот факт, что продажа России современных вооружений, в том числе наступательных, не вызывает дискуссий в НАТО и ЕС – ведь Россия может использовать это оружие против стран-партнёров Запада, таких как Грузия. Очевидно, экономические интересы для Запада важнее, чем интересы обеспечения военной безопасности.

Однако даже если Россия модернизирует свою армию с использованием западного оружия, это не будет означать возврата к ситуации времен холодной войны, когда Западу приходилось мириться с серьёзным превосходством СССР в обычных вооружениях. Даже если России удастся повысить боеспособность своих Вооружённых сил к 2020 г., Запад все равно будет обладать значительным превосходством над Москвой в плане численности войск и качества военной техники. Тем не менее, вполне возможно, что Кремль к тому времени будет обладать достаточной военной мощью, чтобы наносить чувствительные удары по интересам Запада в сфере безопасности.

Тот уровень боеспособности своей армии, которого сейчас рассчитывает достичь Москва, даст ей возможность для *проецирования военной мощи на региональном уровне*. Россия сможет действовать там, где, по ее мнению, ее интересы поставлены под угрозу, или там, где их необходимо укрепить. Российское военно-политическое руководство пришло к выводу о том, что победы в конфликте с Грузией в августе 2008 г. удалось достичь лишь благодаря численному превосходству, вопреки серьёзным недостаткам в методах ведения боевых действий и несмотря на проблемы с давно устаревшим оружием и техникой.

Запланированное Россией военное строительство до 2020 г. должно хотя бы частично решить эти вопросы. У Москвы появится военная машина, способная заставить *трудных* соседей, таких как Грузия, вести себя крайне осторожно. Кроме Грузии, военные действия Москва теоретически способна развернуть против Азербайджана или Украины, если последняя вновь займет прозападные позиции. Для Запада Кавказ и прилегающие регионы важны в экономическом (энергоресурсы) и стратегическом плане²¹. То же самое относится и к Арктике, где Запад и Россия уже начали наращивать свое военное присутствие²². Кроме того, балтийские страны выражают свою обеспокоенность по поводу российского Балтийского флота, который Москва собирается вооружить десантными кораблями класса *Мистраль*. После грузинских событий в августе 2008 г. балтийские государства уже далеко не так уверены, что в случае чего НАТО придет им на помощь²³.

Модернизированная российская армия в любом случае не будет означать возврата во времена российского (советского) военного превосходства над Западом. Однако она может стать довольно серьезным поводом для беспокойства в соседних странах и регионах, а значит, и в НАТО. Нельзя исключать того, что в связи с усилением российской военной мощи к 2020 г. коллективная оборона займет более высокое место в повестке дня НАТО, несмотря на заявления и *подвижки* в ходе Лиссабонского саммита в ноябре 2010 г. При таком варианте миротворческие миссии отойдут на второй план; больше внимания будет уделяться военным учениям, на которых отрабатываются сценарии военной помощи союзникам либо конфликтов с современной регулярной армией противника.

Все это может привести к реструктуризации Альянса, а также Вооруженных сил его стран-участниц. Экспедиционные возможности останутся приоритетом – однако больший упор будет делаться на применение тяжелого оружия, в том числе бомбардировщиков, танков и фрегатов. Однако такое изменение военных сценариев – дело неблизкого будущего. Более того, существуют серьезные сомнения в том, что России удастся создать достаточно боеспособную армию для регионального проецирования военной мощи. Тем не менее, учитывая возможные последствия для западных военных структур и военной политики, западным наблюдателям следует пристально отслеживать и тщательно анализировать проводимую президентом Медведевым модернизацию Вооруженных сил Российской Федерации. 🐘

Примечания

¹ Georgia war shows Russian army strong but flawed. *Reuters*. 2008, 20 August; Иванов В. Цена победы в Южной Осетии. *Независимое Военное Обозрение*. 2008, 22 августа.

² Российские неудачи в Осетии объясняются отсутствием региональных командований. *Московский Комсомолец*. 2008, 23 августа; Цыганок А.Д. Уроки пятидневной войны в Закавказье. *Независимое Военное Обозрение*. 2008, 29 августа.

³ International Institute of Strategic Studies. *Military Balance*. London: Brassey s, and Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 214.

⁴ Smigielski R. Financial aspects of Russian Military Reform. *PISM-Bulletin*. 2010, 23 September.

⁵ Денисов В. Новое оружие будет! *Красная Звезда*. 2008, 2 октября.

⁶ Литовкин В. Несеквестрированный Гособоронзаказ. *Независимое Военное Обозрение*. 2009, 13 марта; Литовкин В. Цель без корректировки. *Независимое Военное Обозрение*, 2009, 20 марта; McDermott R.N. Medvedev's military modernization program faces crisis. *Eurasia Daily Monitor*/2010, 27 April; Hersh D.R. and R.N. McDermott. Serdyukov promotes systemic Russian military reform. *Orbis*. Spring 2010. P. 299.

⁷ De Haas M. Russia's Foreign Security Policy in the 21st Century: Putin, Medvedev and Beyond. London/New York: Routledge, 2010. P. 92–95; Russia announces rearmament plan. *BBC*. 2009, 17 March; Felgenhauer P. Russia seeks to impose new ABM treaty on the US by developing BMD. *Eurasia Daily Monitor*. 2010, 15 July; Felgenhauer P. Russia will spend 20 trillion rubles on new weap-

ons. *Eurasia Daily Monitor*. 2010, July 22; Литовкин В. Генштаб меняет взгляды на современные и будущие войны. *Независимое Военное Обозрение*. 2009, 10 июля.

⁸ BBC, op. cit.; Felgenhauer, op. cit.

⁹ Бригадному порядку кризис не страшен. *Независимое Военное Обозрение*. 2009, 17 июля; Никольский А. Армию снова перестроят. *Ведомости*. 2009, 29 сентября.

¹⁰ Храмчихин А. Уроки пятидневной войны. *Независимое Военное Обозрение*. 2010, 13 августа.

¹¹ International Institute of Strategic Studies. Op. cit. 2000. P. 116. 2009. P. 216; Pukhov, R. Challenges to the reform of defense R&D in Russia. *Moscow Defense Brief*. 2007. P. 1; The Russian military expenditure budget is planned to increase by 44 percent in nominal terms in 2008–10. *SIPRI*. 2008, 18 February; Felgenhauer P. Will more money help buy more modern weapons? *Eurasia Daily Monitor*. 2008, 18 September.

¹² International Institute of Strategic Studies. Op. cit. 2009: p. 213.

¹³ Цифры из раздела Национальная оборона Государственного бюджета России. Однако на этот раздел приходится не более 80% бюджета МО, поскольку некоторые статьи расходов (к примеру, жилье и военные пенсии) включены в другие разделы. Smigielski, R. Financial aspects of Russian Military Reform. *PISM-Bulletin*, 2010, 23 September.

¹⁴ De Haas M. Veiligheidsbeleid en airpower onder Jeltsin en Poetin: de ontwikkeling van het veiligheidsdenken in de Russische Federatie en de gevolgen ervan voor de inzet van het luchtwapen (1992–2000) [Безопасность и военно-воздушные силы при Ельцине и Путине: развитие концепций безопасности в России и последствия для использования военно-воздушных сил (1992–2000)]. Utrecht: De Banier, 2004. Pp. 75–84; Lowe C. Russia to slash bloated military bureaucracy. *Reuters*. 2008, 14 October; Charap S. and Kuchins A. Russia's peace offensive. *International Herald Tribune*. 2008, 14 October; Zarakhovitch Y. Mismanagement of Russia's economy could lead to social unrest. *Eurasia Daily Monitor*. 2008, 1 December; Russia / Defence. *Europe Diplomacy & Defence*. 2009, 5 March. 205. P. 3.

¹⁵ McDermott R.N. Medvedev reforming a military in crisis. *Eurasia Daily Monitor*. 2009, 31 March.

¹⁶ Felgenhauer P. Medvedev acknowledges problems in the New Look of Armed Forces, *Eurasia Daily Monitor*, 11 March.

¹⁷ Юзбашев В. Неприкаянный контрактник. *Независимое Военное Обозрение*. 2009, 17 июля.

¹⁸ Smigielski. Op. cit.

¹⁹ McDermott R.N. Russian military plans new NCO training center. *Eurasia Daily Monitor*. 2009, 8 September.

²⁰ McDermott R.N. Op. cit.

²¹ De Haas M., A. Tibold and V. Cillessen. Geo-strategy in the South Caucasus: Power play and energy security of states and organizations. The Hague: Clingendael Institute, November 2006.

²² De Haas M. Russia's Arctic strategy – challenge to Western energy security. *Baltic Rim Economies*. 2009. No. 4, 31 August, pp. 20–21.

²³ Socor V. France Offers Russia a Naval Power Projection Capability *Eurasia Daily Monitor*. 2009, 2 December.

Андрей Фролов

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКИХ ВООРУЖЕНИЙ

Государственная программа вооружений (ГПВ) представляет собой основной документ, задающий планку технологических решений на долгосрочную перспективу, которые надо реализовывать в промышленности для сохранения способности производить вооружение и военную технику (ВВТ), а также определяющий количество закупаемых и модернизируемых вооружений, финансирование разработок новых типов оружия на длительный срок, обеспечивающих решение задач Вооруженными силами Российской Федерации, другими войсками и воинскими формированиями¹. В то же время государственный оборонный заказ (ГОЗ) является инструментом реализации ГПВ.

В 2010 г. стало известно о ведущейся работе по разработке новой Государственной программы вооружения на период 2011–2020 гг. (ГПВ-2020), которая должна прийти на смену ныне действующей ГПВ-2015 (принята в декабре 2006 г.)². Точные сроки принятия новой программы пока неизвестны, но вероятнее всего, она будет принята к концу 2010 г. (по аналогии с предыдущей ГПВ-2015). Это предположение подтверждают и слова вице-преьера С.Б. Иванова, который в конце октября 2010 г. заявил о том, что ГПВ «в конце этого года, может быть, начале следующего будет принята и утверждена президентом»³.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

После принятия ГПВ-2020 станет четвертой государственной программой вооружений в истории постсоветской России. Задачей первой российской ГПВ на 1996–2005 гг. было увязать реальные потребности и проблемы, стоящие перед Вооруженными силами, с наличным финансированием, а также задать ориентир для бюджетного планирования при формировании основных показателей ГОЗ и быть долгосрочным планом развития Вооруженных сил⁴. Но ее судьба оказалось печальной. ГПВ-2005 была фактически провалена уже в 1997 г. в результате несоответствия прогнозов экономического роста в стране реальному положению дел (например, при прогнозируемых темпах роста ВВП в 5–7% в 1996–1997 гг. он был отрицательный, а в 1998–1999 гг. – не более 2%), уменьшения объема запланированных средств по статье «Национальная оборона» как доли ВВП (в прогнозе 3,6–5,2%, распоряжением президента от 1998 г. – 3,5%, реально – 2,3–2,8%) и несоответствия фактического финансирования бюджетным показателям⁵. В среднем в 1996–2000 гг. на программу реально выделялось 23% от предусмотренных средств⁶. Подобное положение вещей привело к тому, что степень загрузки предприятий ОПК заказами в рамках ГОЗ по ГПВ-2005 оказалась весьма низка и не превышала 25–30%⁷.

На смену ей в начале 2002 г. утверждена *Государственная программа вооружения на 2001–2010* (ГПВ-2010). Данная программа уже больше соответствовала финансово-экономическим реалиям в стране. В ней упор сделан на выживание ОПК за счет экспорта ВВТ и финансирования разработки новых вооружений. При ее разработке составители

А
Н
А
Л
И
З

исходили из того, что расходы на национальную оборону составят в среднем 2,7% ВВП на период 2001–2010 гг.⁸. В абсолютных цифрах Министерство обороны изначально запрашивало на программу 7,5 трлн руб., исходя из принципа замены 70% устаревших систем в течение 10 лет⁹. Из-за очевидной невозможности выделения подобных средств запрос военного ведомства был уменьшен до 2,5 трлн руб. (замена 50% ВВТ). Изменялась и структура расходов на содержание и развитие Вооруженных сил. Если в 2001 г. соотношение расходов составляло 70:30, то в 2005 г. планировалось уже 60:40 с перспективой достижения соотношения 50:50 к 2010 г.¹⁰.

В окончательном варианте реализация ГПВ-2010 предусматривала выделение 2,1 трлн руб. в 2001–2010 гг., то есть в среднем ежегодно ГОЗ составлял порядка 210 млрд руб., из них за счет бюджета – 100 млрд руб., а оставшаяся половина должна была покрываться из внебюджетных источников, а именно экспорта ВВТ¹¹. При этом 40% объема денежных средств программы в период с 2001 по 2005 гг. должны были быть направлены на НИОКР¹². До 2006 г. планировалось завершить порядка 70% ведущихся разработок¹³ (по состоянию на 2004 г. Минобороны финансировало 3400 НИОКР¹⁴). В рамках ГПВ-2010 предполагалось подготовить серийное производство техники нового поколения, которая должна стать основой системы вооружения к 2020 г.¹⁵. ГПВ также включала в себя раздел, посвященный номенклатуре ВВТ, предлагаемых на экспорт¹⁶.

Вторая программа, несмотря на очевидные успехи, в итоге также оказалась нежизнеспособной. ГПВ-2010 отличалась известным перекосом в сторону стратегических ядерных сил и предполагала финансирование закупок обычных вооружений по остаточному принципу. В рамках программы до 2/3 средств, выделяемых на закупку ВВТ, направлялось на обеспечение насущных потребностей Вооруженных сил (закупка комплектующих, расходных материалов, учебно-тренировочных средств, ракет, боеприпасов и т.д.), при этом закупки сложных финальных образцов осуществлялись в единичных количествах¹⁷.

О приоритетах нового документа в вопросах, касающихся закупки ВВТ, пока известно немного. По словам премьер-министра В.В. Путина, «в соответствии с планом развития и формирования нового облика Вооруженных сил основное внимание, конечно, будет уделяться ядерным силам сдерживания, космической и противовоздушной обороне»¹⁸. Одной из главных задач ГПВ-2020 является довести долю современных образцов вооружения в войсках к 2020 г. до 70%¹⁹.

Относительный неуспех ГПВ-2010 вынудил принять в разработку очередную программу вооружения, основной чертой которой стало сокращение доли НИОКР и увеличение финансирования серийного производства ВВТ²⁰. Ее разработка фактически начался после одобрения в январе 2003 г. Советом безопасности России «Основ военно-технической политики государства на период до 2015 года и дальнейшую перспективу», разработка которых велась с декабря 2001 г.²¹.

При разработке данной программы впервые система исходных данных по ней формировалась как единый документ и включала, помимо традиционных военно-стратегических, оперативных и макроэкономических исходных данных, комплексный прогноз развития военно-технического сотрудничества, перечень базовых и критических военных технологий на длительный период, ведущие тенденции развития ВВТ в мире на обозримое будущее, номенклатуру унифицированных компонентов для ВВТ с комплексом межведомственных (межвидовых) требований к ним и прогноз развития науки и техники в интересах обороны и безопасности государства²².

В ГПВ-2015 по сравнению с предыдущими программами был также введен принцип сосредоточения основных усилий на закупке и ремонте ВВТ, что соответствует одной из целей ГПВ-2015 – переход к комплектным закупкам современных образцов ВВТ и максимальное поддержание в исправном состоянии существующего парка техники²³. Также следует подчеркнуть тот факт, что, судя по всему, ГПВ-2015 делится на два этапа: 2007–2010 гг. и 2011–2015 гг. с точки зрения объемов закупок и, вероятно, финансирования, так как по многим системам предполагается резко нарастить закупки именно после 2010 г., а в 2011 г. программа может подвергнуться корректировке.

Отличительной особенностью ГПВ-2015 также стал и тот факт, что в ней предполагается практически полностью учесть затраты на весь жизненный цикл ВВТ: разработку, производство, модернизацию, ремонт, а также подготовку и строительство объектов под монтаж вооружения²⁴. Приоритетом в поставке новых вооружений будут пользоваться части постоянной готовности²⁵.

Принципиально новым стало и то обстоятельство, что в рамках ГПВ допускается закупка ВВТ западных производителей для нужд Министерства обороны.

В ценах 2005 г. на ГПВ-2015 планировалось выделить почти 5 трлн руб., из которых на мероприятия Министерства обороны планировалось выделить 91%²⁶. Из общей суммы ГПВ 63% планируется потратить на закупку новой серийной техники²⁷, хотя имеются данные, что на закупку новых вооружений планировалось выделить 75% всех средств ГПВ²⁸. Доля финансирования НИОКР в соответствии с ГПВ составит 20%²⁹.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ВООРУЖЕНИЯ – 2020

Причины, по которым появилась необходимость в разработке и принятии новой ГПВ, хотя имеется еще старая действующая ГПВ-2015, открыто не объявлялись. Пересмотр ГПВ-2015, вероятно, был вызван введением *нового облика* Вооруженных сил, переосмыслением итогов *пятидневной* российско-грузинской войны 2008 г., а также приближением *меридиана* и срока корректировки действующей ГПВ-2015. Целью ГПВ объявлено перевооружение вооруженных сил, доведение доли новых вооружений до 30% к 2015 г. и до 70–80% к 2020 г.³⁰.

В заявлениях официальных лиц звучали различные цифры новой ГПВ. В апреле 2010 г. впервые была озвучена стоимость новой ГПВ – 13 трлн руб.³¹. Однако на протяжении последовавших месяцев достоянием СМИ становились новые цифры и оценки расходов новой ГПВ, и, вероятно, точка в ее оценках была поставлена в сентябре, когда министром обороны России Анатолием Сердюковым был назван объем финансирования ГПВ в размере 19 трлн руб.³². Эта сумма покрывает только нужды Министерства обороны, с учетом потребностей других силовых ведомств России объем ГПВ составит 22 трлн руб.²³.

Интересно что по оценкам Министерства обороны, полностью потребности ведомства могли бы удовлетворить 36 трлн руб. в 2011–2020 гг.³⁴. Сумма в 13 трлн руб. позволила бы поддержать стратегические ядерные силы России, а также обеспечить развитие ПВО и авиации. Но в этом случае оказались бы недофинансированы сухопутные войска. По мнению представителей Министерства обороны, эту проблему можно выполнить, если обеспечить финансирование в размере 28 трлн руб.³⁵. Соответственно, еще 8 трлн руб. позволили бы решить и проблемы военно-морского флота. Таким образом, последняя имеющаяся на сегодняшний день оценка финансовых объемов ГПВ-2020 представляет собой *компромисс* между пожеланиями военных и возможностями государства и почти в 2 раза меньше желаемого, но больше первоначально запланированной к выделению суммы.

В ценах 2005 г. 19 трлн руб. составляют примерно 11,38 трлн руб.³⁶ по сравнению с 4,94 трлн руб., которые предполагалось выделить в рамках ныне действующей Государственной программы вооружения на период 2007–2015 гг. (ГПВ-2015)³⁷. Таким образом, в постоянных ценах рост военных расходов в новой программе должен вырасти более чем в 2 раза. Однако стоит иметь в виду, что ГПВ-2020 рассчитана на 10 лет, а ГПВ-2015 – на девять. Поэтому из расчета среднегодовых расходов (1138 и 550 млн руб. соответственно) рост составит порядка 200%.

В области финансирования новой программы также известны отдельные показатели на 2011–2013 гг. Так, стало известно распределение средств государственного оборонного заказа в области закупок новых вооружений и военной техники (ВВТ), ремонта и модернизации, а также НИОКР.

При этом были озвучены абсолютные цифры ассигнований на закупку и ремонт вооружений без учета НИОКР, предусмотренных в бюджете на 2011–2013 гг.: в 2010 г. – 380 млрд руб., 2011 г. – 460 млрд, 2012 г. – 596 млрд, 2013 г. – 980 млрд (вероятно, все цифры указаны в ценах 2010 г.)³⁸.

Таблица 1. Распределение средств ГОЗ по видам ассигнований, %

Год	Закупки ВВТ	Ремонт и модернизация	НИОКР
2010	65	13	22
2011	64	15	20
2012	66	15	18
2013	70	14	16

Источник: Заварзин Виктор. Только при наличии новейшего вооружения и военной техники будет обеспечена эффективная оборона. <http://oren.ru/news/2526253/> (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).

НОМЕНКЛАТУРА ЗАКУПОК В РАМКАХ НОВОЙ ПРОГРАММЫ

Несмотря на наличие в открытых источниках некоторых данных по финансовым показателям программы, в настоящее время *за кадром* остается *наполнение* программы, имеющиеся сведения весьма обрывочны.

Практически ничего не известно о закупках в интересах стратегических ядерных сил. Вероятно, производство МБР *Тополь-М* и *Ярс* для РВСН будет не менее текущего объема производства в размере 10 МБР в год, а скорее всего, до 15 в год³⁹.

Кроме того, предполагается произвести 124–150 БРПЛ *Булава* для строящихся ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПКСН) проекта 955 и 955А⁴⁰. Самых лодок данного типа предполагается построить до 8 единиц, причем головная лодка проекта – *Юрий Долгорукий* – уже почти завершила испытания, первую серийную – *Владимир Мономах* – планировалось спустить в конце 2010 г., на третьей и четвертой АПЛ *Александр Невский* и *Святитель Николай* ведутся стапельные работы. Очевидно, что в ГПВ-2020 попадет и выпуск БРПЛ *Синева* для РПКСН более старого проекта 667 БДРМ, как представляется, числом около 10 БРПЛ в год. Известно, что по состоянию на начало 2008 г. был размещен заказ на производство *Синевы* до 2014 г.⁴¹.

На сегодня в наибольшей степени известны цифры только по планируемым закупкам *авиационной техники и средств ПВО*. По словам премьер-министра В.В. Путина, в рамках ГПВ-2020 для Вооруженных сил РФ должно быть закуплено 1500 новых самолетов и вертолетов и 200 новых систем ПВО. В итоге доля современной авиатехники должна составить в ВВС 80%, а в ПВО – 75%⁴². Напомним, что согласно ГПВ-2015 планировалось закупить 1000 «боевых комплексов фронтовой и тактической авиации»⁴³. С учетом закупленных в 2007–2009 гг. самолетов и вертолетов, а также планов на 2010 г. уже сейчас понятно, что не менее половины новой авиатехники, которая будет закупаться в рамках ГПВ-2020, составит *переходящий остаток* от ГПВ-2015. При этом озвученные планы по приобретению отдельных типов самолетов позволяют предположить, что превалять в *авиационном сегменте* ГПВ-2020 будут вертолеты.

Известны следующие планы по закупке авиационной техники для ВВС по конкретным типам самолетов (с учетом заключенных к настоящему дню или озвученных официальными лицами контрактов):

- 70 истребителей пятого поколения *T-50* (из них 10 установочной партии в 2013–2015 гг.)⁴⁴;
- 48 истребителей *Су-35С*;

- ❑ 4 истребителя Су-30М2;
- ❑ 12 истребителей Су-27СМЗ⁴⁵;
- ❑ 28 фронтовых бомбардировщиков Су-34 до 2015 г. (по контракту 2008 г., не считая 6, предполагаемых к поставке в 2010 г.)⁴⁶;
- ❑ 16 штурмовиков Су-25УБМ⁴⁷.

Из самолетов военно-транспортной авиации не исключается поставка ВВС 20 тяжелых военно-транспортных самолетов (ВТС) *Ан-124*, 50 средних ВТС *Ил-476* (в это число включены и самолеты-заправщики), 60 средних ВТС *Ан-70*⁴⁸. В ГПВ-2015 также звучали планы по закупке легкого ВТС *Ил-112В*, однако в 2010 г. Министерство обороны заявило о приостановлении и ревизии программы, таким образом, перспективы этого самолета неясны⁴⁹. Также озвучивались планы по закупке нескольких самолетов специального назначения на базе гражданского лайнера *Ту-214*⁵⁰.

Также планируется массово закупать и вертолеты различных типов. На период 2017–2020 г. ставится задача обновления вертолетного парка на 85–90%⁵¹. К 2015 г. в войска должны поступить 400 вертолетов разных типов, преимущественно *Ми-28Н*, *Ка-52А* и *Ми-8*⁵².

В 2010 г. были озвучены планы по закупке ударных вертолетов *Ми-35М* и тяжелых транспортных *Ми-26*. В 2010 г. было озвучен заказ на поставку 22 вертолетов *Ми-35М* (поставки данной партии будут осуществляться до 2015 г.)⁵³. Также известно, что до 2015 г. будет выпущено и 30 ударных вертолетов *Ка-52А*⁵⁴. На сегодняшний день с уверенностью можно говорить и о том, что в войска будут массово поступать ударные вертолеты *Ми-28Н*. В рамках ГПВ-2015 предполагалось закупить 67 вертолетов данного типа, к настоящему моменту в войска поступило порядка 20 вертолетов данного типа, а в 2006 г. предполагалось ежегодно закупать 10–15 *Ми-28Н*⁵⁵. Эти планы подтверждаются и более поздними заявлениями Министерства обороны⁵⁶.

Наиболее массовым типом закупаемого вертолета в ГПВ-2020 однозначно станут модификации транспортного вертолета *Ми-8*, как представляется, закупки данного вертолета могут достичь нескольких десятков в год. Судя по тенденциям 2009–2010 гг., можно рассчитывать и на приобретение незначительного количества вертолетов *Ансат-У*, *Ка-60* и *Ка-27* различных модификаций.

С закупками **военно-морской техники** в настоящий момент ясности нет. Даже самый главный проект российского флота – строительство РПКСН пр. 955 и его модификация – в силу неопределенности с будущим основного оружия этих РПКСН (баллистической ракеты *Булава*) остается в подвешенном состоянии. Как уже отмечалось выше, ведется строительство трех подводных лодок этого типа, при этом головная из них – *Юрий Долгорукий* – уже проходит испытания, и в настоящее время необходимо провести испытания БРПЛ *Булава* уже непосредственно с борта ракетносца. Всего в рамках ГПВ-2015 предполагалось строительство пяти таких лодок, а вся серия должна была составить восемь единиц⁵⁷. Исходя из этих данных, можно предположить, что в рамках ГПВ-2020 будет заложено еще как минимум четыре РПКСН пр. 955. Однако даже в случае окончания их строительства принятие этих лодок на вооружение будет зависеть от доведения БРПЛ *Булава*.

Кроме стратегических АПЛ, планируется закупать и многоцелевые АПЛ. В настоящее время к испытаниям готовится головная АПЛ пр. 885 *Северодвинск*, в 2009 г. была заложена первая серийная АПЛ данного типа *Казань*. С учетом того, что предполагается построить шесть АПЛ данного типа в рамках ГПВ, вероятно, будет заложено и построено по данному проекту еще четыре АПЛ⁵⁸.

В то же время активизировалось строительство конвенциональных подводных лодок. Наряду со строящимися двумя ПЛ проекта 677 *Севастополь* и *Кронштадт*, в 2010 г. было объявлено о планах строительства не менее трех ПЛ проекта 6363 для усиления Черноморского флота, одна из которых – *Новороссийск* – была заложена в августе 2010 г.⁵⁹.

Менее ясны планы в области надводного судостроения. Очевидно, что наиболее крупным проектом флота станут закупка и строительство четырех универсальных десантных кораблей французского проекта *Мистраль*. Два корабля предполагается заказать во Франции, а еще два построить в России⁶⁰. Контракт на строительство кораблей предполагается заключить до конца 2010 г.

Отдельно стоит упомянуть планы по капитальному ремонту тяжелого авианесущего крейсера пр. 11435 *Адмирал Кузнецов*. Предполагается провести эти работы в 2012–2017 гг., и с учетом состояния корабля расходы и объем работ по крейсеру будут значительны⁶¹.

Также, видимо, продолжится строительство фрегатов пр. 22350 (к настоящему моменту заложено два, *Адмирал флота Горшков* и *Адмирал флота Касатонов*), пр. 11661 *Дагестан*, не менее трех фрегатов аналогичных экспортному пр. 11356, корветов пр. 20380 (не менее трех единиц – *Бойкий*, *Стойкий*, *Совершенный*), вероятно, корветов нового проекта, потребность в которых составляет несколько десятков единиц⁶². Кроме того, в ГПВ-2020 войдут два уже заказанных больших десантных корабля пр. 11711 (один находится в постройке), пять малых ракетных кораблей пр. 21631 (к настоящему моменту заложен один), два малых артиллерийских корабля пр. 21630 (строятся), специальное судно связи пр. 18280 (строится), спасательное судно пр. 21300 (строится).

Отдельно стоит упомянуть и планы флота по закупке 26 палубных истребителей *МиГ-29К* для оснащения ими тяжелого авианесущего крейсера (ТАВКР) *Адмирал Кузнецов*, которые должны прийти на смену имеющимся сейчас истребителям Су-33. Самолеты должны быть поставлены в 2010–2012 гг.⁶³.

Наименьшая ясность по ГПВ имеется в отношении закупок **новой техники для сухопутных войск**. Вероятно, этот вопрос не решен и на официальном уровне, о чем косвенно свидетельствует известное апрельское интервью заместителя министра обороны В.А. Поповкина⁶⁴. В нем он сообщил о закрытии ряда программ разработки новой техники для сухопутных войск и покритиковал технологический уровень ныне закупаемых образцов ВВТ, включая и те, которые фигурировали в ГПВ-2015 (например, танки *Т-90* и *БМП-3*). Также очевидно, что планы, озвученные в ГПВ-2015 в отношении оснащения частей и подразделений сухопутных войск новой техникой, в настоящее время нерелевантны, хотя бы потому, что изменилась сама структура Вооруженных сил.

ПЕРСПЕКТИВЫ ГПВ-2020

Очевидно, что ГПВ-2020 еще будет корректироваться, хотя общие положения программы уже, скорее всего, утверждены. По аналогии с ГПВ-2015 в нынешней программе будет заложен механизм корректировки показателей программы, и, вероятно, этот срок будет как раз приходиться на 2015 г.

ГПВ-2020 в настоящий момент является проработанной и подкрепленной финансированием. Приведенные в ней показатели представляются выполнимыми в условиях экономического роста в России и увеличения доли военных расходов в ВВП.

И хотя традиционные риски неисполнения новой программы (связанные с неэффективным использованием средств, высокой инфляцией и так далее) остаются, сам факт начала работ над ГПВ-2020 говорит о постепенной выработке у руководства страны и Министерства обороны долгосрочного и системного подхода к развитию Вооруженных сил.

Исходя из анализа имеющейся информации, можно констатировать, что упор в новой ГПВ будет сделан на массовые закупки новой техники, при этом доля затрат на НИОКР и ремонт снизится. Однако данное решение в текущих условиях представляется единственно верным, учитывая неуклонное старение и выработку ресурса ВВТ советского производства. 🐼

Примечания

- ¹ Коптев Ю. Программу развития ОПК надо синхронизировать с программой вооружений. Интервью. *Известия*. 2005, 4 октября; Листовский В. Государственная программа вооружения: четыре триллиона рублей до 2015 года. *Национальная Оборона*. 2007, № 11. С. 30; Никольский А. Как потратить 5 трлн руб. *Ведомости*. 2006, 5 июня.
- ² Там же.
- ³ Иванов С. Госпрограмма по вооружениям на 2012–2020 гг. будет принята в конце 2010 – начале 2011 г. *ИТАР-ТАСС*. 2010, 28 октября.
- ⁴ Московский А. Уверенность в завтрашнем дне. *Военно-Промышленный Курьер*. 2004, 10–16 марта.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Булавинов И., Сафронов И. Президент запрограммировал вооружения. *Коммерсантъ*. 2002, 24 января.
- ⁷ Пименов В. Оборонке нужен лидер. *Независимое Военное Обозрение*. 1998, 13 ноября.
- ⁸ Коротченко И. Проблемы реализации военно-технической политики России. *Военно-Промышленный Курьер*. 2004, 25–31 августа.
- ⁹ Булавинов И., Сафронов И. Цит. соч.
- ¹⁰ Лантратов К. Мирный бюджет военного времени. *Коммерсантъ*. 2004, 24 ноября.
- ¹¹ Булавинов И., Сафронов И. Цит. соч.
- ¹² Министерство обороны. На первом этапе выполнения Государственной программы вооружений приоритет будет отдан финансированию НИОКР. *Интерфакс*. 2002, 29 января.
- ¹³ Московский А. Цит. соч.
- ¹⁴ Коротченко И. Необходима концентрация властных полномочий государства. *Военно-Промышленный Курьер*. 2004, 17–23 марта.
- ¹⁵ Коротченко И. Путин утвердил программу вооружений. *Независимая Газета*. 2002, 24 января.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Московский А. Цит. соч.
- ¹⁸ Путин В.В. Государство будет давать заказы предприятиям ОПК, выпускающим конкурентоспособную продукцию. *ИТАР-ТАСС*. 2010, 17 февраля.
- ¹⁹ Расширенное заседание коллегии Министерства обороны 09.03.2010. *Официальный сайт Президента РФ* www.kremlin.ru (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).
- ²⁰ Бабакин А. Минобороны подготовило четыре варианта программы вооружений. *Независимое Военное Обозрение*. 2005, 25 февраля.
- ²¹ Сафронов И. Совет безопасности одобрил военно-техническую политику государства. *Коммерсантъ*. 2003, 26 февраля.
- ²² Московский А. Цит. соч.
- ²³ Листовский В. Цит. соч.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Новая программа вооружения ориентирована, прежде всего, на перевооружение частей постоянной боевой готовности. *АРМС-ТАСС*. 2006, 12 июля.
- ²⁶ Военно-промышленная комиссия выделила три основных направления модернизации оборонно-промышленного комплекса. *ИТАР-ТАСС*. 2006, 2 июня.
- ²⁷ Никольский А. Цит. соч.
- ²⁸ В проекте новой программы вооружения на период 2007–2015 гг. 75% средств направляется на серийное производство ВВТ. *АРМС-ТАСС*. 2006, 12 июля.

- ²⁹ Листовский В. Цит. соч.
- ³⁰ Граник И., Коновалов И. Армии будущего приказано стать современной. *Коммерсантъ*. 2010, 25 мая.
- ³¹ Россия перевооружится на 13 трлн. *Газета.ру*. 2010, 29 апреля.
- ³² Коновалов И. У Минобороны есть деньги на перевооружение. *Коммерсантъ*. 2010, 22 сентября.
- ³³ Авиапарк ВВС России обновится на треть к 2015 году. *Lenta.ru*. 2010, 16 ноября.
- ³⁴ Минобороны РФ оценивает потребности в реализации госпрограммы вооружения до 2020 года в 36 трлн рублей. *ИТАР-ТАСС*. 2010, 3 июня.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Пересчитано исходя из темпов инфляции по данным Федеральной службы государственной статистики РФ. www.gks.ru (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).
- ³⁷ Никольский А. Цит. соч.
- ³⁸ Никольский А. Бюджет новой техники. *Ведомости*. 2010, 12 октября.
- ³⁹ Еще в 2007 г. предполагалось удвоение выпуска МБР – см.: После 2009 г. темпы постановки на боевое дежурство ракетных комплексов *Тополь-М* удвоятся. *АРМС-ТАСС*. 2007, 17 декабря.
- ⁴⁰ Объем серийного выпуска ракет *Булава* может превысить 150 единиц. *РИА Новости*. 2010, 22 октября.
- ⁴¹ Красноярский губернатор Александр Хлопонин посетил оборонный завод. *REGNUM-Knews*, 24.02.2008.
- ⁴² Никольский А. Разлетелись. *Ведомости*. 2010, 2 марта.
- ⁴³ Кускова С. На очереди – серийное производство. *Военно-Промышленный Курьер*. 2006, 7–13 июня.
- ⁴⁴ Минобороны РФ планирует на первом этапе, начиная с 2016 года, закупить не менее 50 истребителей 5-го поколения. *ИТАР-ТАСС*. 2010, 17 июня.
- ⁴⁵ Министерство обороны РФ и компания *Сухой* подписали три контракта на поставку боевых самолетов. *АРМС-ТАСС*. 2009, 18 августа.
- ⁴⁶ *Сухой* передаст ВВС РФ новую партию бомбардировщиков *Су-34*. *Российская Газета*. 2010, 12 ноября. <http://www.rg.ru/2010/11/12/su-anons.html> (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).
- ⁴⁷ УААЗ возобновил производство самолетов. http://www.infpol.ru/newspaper/number.php?ELEMENT_ID=24043 (последнее посещение – 29 ноября 2010 г.).
- ⁴⁸ ОАК рассчитывает поставить Министерству обороны 20 модернизированных самолетов *Ан-124 Руслан* до 2020 г. *АРМС-ТАСС*. 2009, 28 декабря; Поставки транспортников *Ил-476* заказчикам начнутся в 2012 г. *Avia.ru*. 2010, 2 июля; Проект *Ан-70* войдет в госпрограмму вооружений РФ до 2020 г. *Интерфакс-Украина*. 2010, 12 октября.
- ⁴⁹ Козлов Д. Программа создания *Ил-112В* официально не прекращена. *Авиапорт.ру*. 2010, 12 ноября.
- ⁵⁰ Фомин А. *Президентский* отряд получил первый *Ту-214ПУ*. *Взлет*. 2010, № 11. С. 35.
- ⁵¹ Холдинг *Вертолеты России* получил в этом году от Минобороны рекордный заказ на вертолеты для армейской авиации. *АРМС-ТАСС*. 2010, 12 мая.
- ⁵² Авиапарк ВВС России обновится на треть к 2015 году. *Lenta.ru*. 2010, 16 ноября.
- ⁵³ Росвертол планирует поставить Минобороны 22 вертолета *Ми-35М* на 10–12 млрд руб. *Интерфакс*. 2010, 7 июня.
- ⁵⁴ В России началось серийное производство вертолета *Ка-52*. *Avia.ru*. 2010, 31 августа.
- ⁵⁵ Витковский А. *Ночной охотник* выходит на цель. *Парламентская Газета*. 2006, 7 марта; Минобороны закупит 12 вертолетов *Ка-52* для Главного разведуправления и борьбы с терро-

ризмом. ИТАР-ТАСС. 2006, 12 июля; Два новых вертолета Ми-28Н переданы ВВС РФ. ИТАР-ТАСС. 2008, 22 января; Фролов А. Исполнение государственного оборонного заказа России в 2009 г. *Экспорт Вооружений*. 2010, № 3.

⁵⁶ Удвоить размах винта. *Эксперт Online*. 2010, 8 июня.

⁵⁷ Бабкин С. До 2015 г. комплекты новой техники поступят в 200 соединений и воинских частей. ИТАР-ТАСС. 2006, 2 июня; *Красная звезда*. 2007, 17 апреля.

⁵⁸ Контракты на 2010 год ОАО Армалит-1 предусматривают ряд крупных поставок под заказы для ВМФ РФ. <http://www.armalit1.ru/p2/l40/index.html> (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).

⁵⁹ Фролов Л. К 2014 году в состав Черноморского флота РФ войдут три неатомные подводные лодки проекта 636.3. ИТАР-ТАСС. 2010, 28 августа.

⁶⁰ Никольский А. Купят с моряками. *Ведомости*. 2010, 15 ноября.

⁶¹ Тяжелый авианесущий крейсер *Адмирал флота Советского Союза Кузнецов* пройдет полномасштабную модернизацию. *Lenta.ru*. 2010, 2 апреля.

⁶² Беликов Д., Коновалов И. Минобороны собирает корветы. *Коммерсантъ*. 2010, 23 августа.

⁶³ ВМФ России купит 26 истребителей МиГ-29К. *Lenta.ru*. 2010, 27 апреля.

⁶⁴ Поросков Н. Танк по цене города. *Время Новостей*. 2010, 13 апреля.

Жан Морен

ДВАДЦАТИЛЕТНЫЙ ОПЫТ РЕФОРМ ФРАНЦУЗСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

*«Единственная вещь, которая сложнее,
чем внедрение новой идеи в военное
сознание, – это избавиться от старой идеи».*

Бэзил Генри Лиддел Гарт

Военная реформа во Франции, начатая в 2009 г., нацелена на достижение *нового облика* Вооруженных сил к 2014 г. Предыдущая реформа касалась профессионализации Вооруженных сил и закончилась в 2002 г. Во Франции сейчас больше нет призывников, а служат только профессиональные военнослужащие.

Сокращение личного состава во время предыдущей реформы (1996–2002 гг.) было всеобщим, независимо от рода войск. Таким образом, возникло несколько сложностей. В первую очередь, не хватало пехоты для операций. Во-вторых, актуальность приобрел вопрос приобретения новой, современной техники для замены устаревших образцов – при этом новая техника не просто дорогая сама по себе, ее обслуживание также дорогостояще. Первоочередной задачей в определении *формата* армии стал поиск *баланса* между технической составляющей и потребностями в человеческих ресурсах.

НОВЫЕ УСЛОВИЯ

После терактов 11 сентября 2001 г. была начата работа над Белой книгой обороны и национальной безопасности – концепцией безопасности Франции. Дело в том, что последняя Белая книга была написана в 1994 г. после колоссальных перемен, произошедших в результате распада СССР и после первой войны в Персидском заливе, в течение которой президент Франции отказался использовать призывников, а только контрактников. Новая Белая книга стала необходима для того, чтобы адекватно реагировать на сложные актуальные задачи в новом неустойчивом мире. Франция решила сохранить весь спектр стратегических функций, определенных новой Белой книгой обороны и национальной безопасности для того, чтобы сохранить автономию анализа и независимость в принятии решений. Белая книга в том числе определяет направления реформирования Вооруженных сил Франции.

Параллельно государство обратилось ко всем министерствам с просьбой сократить расходы и оптимизировать организацию. В военной отрасли результат является следующим:

- Численность войск на данный момент составляет 300 000 человек.

- К 2014 г. необходимо сократить личный состав на 54 000 человек, то есть на 18%, в особенности в тылу.
- Необходимо сократить число гарнизонов, упростить военную администрацию и тыловое обеспечение.
- Эти меры позволят высвободить дополнительные средства на приобретение новой техники, а также поспособствуют выполнению целого спектра задач, определенных в Белой книге обороны и национальной безопасности.

Таким образом, самой главной целью всех преобразований является создание новых Вооруженных сил, способных бороться с новыми угрозами, особенно в рамках международных миротворческих или боевых операций, учитывая при этом сокращение бюджета на оборону.

Кроме того, в 2009 г. президент Французской Республики решил вернуться в военные структуры НАТО, но не в группу планирования ядерного оружия. Необходимо учитывать, что положение Франции в НАТО до сих пор было очень часто неправильно понято и не признано. Франция является одним из двенадцати членом-учредителей НАТО. В 1966 г. генерал Де Голль решил выйти из военных структур НАТО по трем следующим основным причинам:

- сохранение политической роли применения вооруженных сил;
- сохранение независимости французской политики ядерного сдерживания;
- утверждение национального взгляда на оборону.

То, что было революционным в 1966 г., является сейчас в НАТО правилом: страны-члены НАТО не хотят передавать свои войска в постоянное распоряжение НАТО.

Например, при создании системы тревоги NRF (NATO response forces) шестимесячное участие должно быть добровольным; для проведения операций также необходимо добровольное участие и точное определение правил применения силы.

В 2009 г. Франция приняла решение вернуться в военные структуры НАТО, в том числе из-за того, что она является четвертой страной по количеству войск, участвующих в операциях НАТО, а также четвертой страной по финансированию деятельности НАТО. Это возвращение в военные структуры НАТО само по себе логично: оно соответствует настоящему месту Франции в деятельности НАТО и позволяет стране иметь больший вес в обсуждениях и в принятии решений в этой международной организации. Таким образом, Франция может лучше выражать свою точку зрения в этой международной организации, которая не является наднациональной организацией. НАТО – это не блок, а объединение суверенных государств, решающих вместе вопросы по принципу консенсуса. При этом Франция сохраняет свою независимость, касающуюся ядерного сдерживания, сама решает, принимать ли участие в операциях НАТО, и не передает свои войска в постоянное распоряжение НАТО.

Отметив некоторые особенности тех условий, в которых проводилась реформа, в этой работе я обращусь непосредственно к *принципам* французской военной реформы.

Несколько месяцев тому назад начальник генерального штаба французских Вооруженных сил заявил: «Конечная цель изменения (трансформации) – операционная... Трансформация должна пониматься как постоянный процесс адаптации средств к обстоятельствам. Трансформация – это адаптация наших оперативных возможностей к вызовам XXI века»¹. Ключевым является слово *трансформация*, во Франции мы предпочитаем говорить о *трансформации* Вооруженных сил, а не просто о *реформе*. Не менее важным моментом являются результаты перехода на профессиональную армию как части процесса трансформации Вооруженных сил. Своей задачей в данной работе я вижу поиск *советов*, основанных на французском опыте, которые могли бы быть полезны и для других армий мира.

РЕФОРМА ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

Что такое трансформация? Трансформация – это не изменение, эволюция или революция. Это скорее генетическая мутация, процесс изменения, чтобы можно было адаптироваться к новой обстановке. Это процесс, и на самом деле самым важным значением трансформации является изменение *восприятия*, а не сами изменения. Расширение восприятия необходимо для того, чтобы оценить меняющуюся обстановку, ее проанализировать и создать военные средства, соответствующие этим изменениям. Трансформация во Франции началась в 1991 г. после первой войны в Персидском заливе. Это был настоящий сигнал тревоги; война обозначила ограниченность наших Вооруженных сил и недостаток возможности совместных действий различных родов войск.

Кроме того, в новых условиях после окончания холодной войны потребовался пересмотр стратегии обороны. После окончания холодной войны мир изменялся так стремительно и таким непредсказуемым образом, что стратегический баланс как таковой стал недостижим. В современных операциях мы сталкиваемся со *смешанными угрозами*, требующими больше квалифицированных кадров, помимо новых технологий. В то же время глобализация отражает всеобщий экономический и ресурсный дисбаланс и усугубляет мировую нестабильность, которая создает широкий спектр угроз от терроризма до войны.

Чтобы быть готовыми противостоять широкому спектру возможных будущих сценариев, французская военная стратегия отражает новые потребности. К сожалению, нынешняя экономическая ситуация требует сокращения бюджета в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В связи с этой стратегической необходимостью Франция проводит *трансформацию, управляемую политическими рычагами*.

Первой реакцией на окончание холодной войны стало решение о сокращении Вооруженных сил в соответствии с *дивидендами мира* (что прежде всего означало сокращение бюджетов) и Белой книгой 1994 г. В 1996 г. президент Жак Ширак приостановил службу по призыву, чтобы создать профессиональную армию.

Судить о стратегическом восприятии угроз Францией на настоящий момент можно по Белой книге обороны и национальной безопасности (2008), а также по Общему обзору государственной политики (RGPP), который был издан по заказу правительства каждым министерством. Следующие изменения произошли в сфере обороны:

- ❑ обслуживание и тыл централизованы на 60 объединенных базах;
- ❑ создана новая карта для системы военного базирования (сокращение и перегруппирование 250 гарнизонов, начиная с 2009 г.);
- ❑ начато сокращение личного состава в обслуживании и администрации;
- ❑ предусмотрена экономия средств за счет сокращения личного состава и перераспределения средств.

В Белой книге обороны и национальной безопасности описано новое стратегическое восприятие и перечислены главные принятые решения. Я бы хотел выделить следующие приоритеты, обозначенные в Белой книге обороны и национальной безопасности:

- ❑ защита территории страны;
- ❑ вклад в международную стабильность, что подразумевает участие в военных операциях (предотвращение, вмешательство, стабилизация);
- ❑ достижение нового *формата* Вооруженных сил к 2015 г.;
- ❑ подготовка Вооруженных сил к столкновению с новыми угрозами по пяти стратегическим направлениям:
 - 1) *осведомленность* и предвосхищение (разведка);
 - 2) *предотвращение* с ориентацией на защиту против распространения оружия массового поражения;

- 3) *сдерживание* (ядерное вооружение);
- 4) *защита* (территория страны);
- 5) *вмешательство*.

В числе преобразований согласно Белой книге обороны и национальной безопасности и Общему обзору государственной политики (RGPP) к 2015 г. предусмотрено сокращение личного состава на 54 000 человек в вооруженных силах; таким образом, численность войск составит 44 000 человек во флоте, 50 000 в ВВС и 131 000 в вооруженных силах.

Организация системы обороны во Франции. Организация Министерства обороны объединяет различные рода войск. На рисунке 1 показана организация Министерства обороны Франции. Как становится понятно из схемы, президент Франции является главнокомандующим Вооруженными силами. Главные решения принимаются в ходе заседаний Совета обороны, в который входят политики и военные самого высокого уровня. Кроме того, для применения Вооруженных сил в операциях существует прямая связь между президентом и начальником Генштаба. Для других организационных мер начальник Генштаба подчиняется правительству и в частности премьер-министру и министру обороны.

Премьер-министр отвечает за весь спектр задач по безопасности и обороне. Что касается министра обороны, он отвечает (будучи подчиненным премьер-министра) за проведение военной политики, организацию и боеготовность Вооруженных сил.

Обратим внимание на организацию Министерства обороны (рис. 2). Отношения подчиненности между начальником Генштаба и главнокомандующими родов войск изменились по сравнению с периодом до 2005 г.: ранее каждый главнокомандующий нес полную ответственность за свой род войск, кроме ситуаций в рамках военных операций. Он отвечал за управление войсками, решая, как использовать бюджет и как организовать личный состав. Кроме того, он отвечал за распределение военной техники. Он отвечал за боевую подготовку, например, за распределение средств и человеческих ресурсов, за обслуживание оборудования и подготовку. Главнокомандующий подчинялся начальнику Генштаба и предоставлял последнему оперативные и готовые средства и силы для участия в операциях.

Начиная с 2005 г., начальник Генштаба отвечает за полную координацию военного потенциала. При этом он не отвечает за боевую готовность войск, определение необходимого потенциала войск, разработку и осуществление совместной (с другими родами войск) доктрины, а также общую боевую подготовку. Штабы родов войск подчиняются Генштабу с 2005 г. как в области операций, так и по организационным вопросам.

Каждый главнокомандующий управляет личным составом (условия, дух, дисциплина), службой занятости и ее доктриной, определением операционных потребностей, подготовкой личного состава, оценкой боевой подготовки.

Новая организация – более централизованная, чем раньше, и обеспечивает повышение координации между родами войск, например, создание в сентябре 2009 г. Объединенного вертолетного командования и в июле 2010 г. – Объединенного космического командования. Кроме того, в результате более централизованного механизма принятия решений обеспечивается повышенная ответная реакция в случае спорных ситуаций, касающихся организации сил.

С целью координации и общего планирования с учетом актуального опыта операций в 2005 г. был создан Объединенный центр разработки концепции доктрины и экспериментальных исследований. Существует три вида планирования – долгосрочное на период до 30 лет, среднесрочное, достигающее 15 лет (является частью Белой книги), и краткосрочное, основанное на актуальном опыте и рассчитанное на срок от 1 до 3 лет. Бюджетное планирование выполняется на шестилетний период и адаптируется ежегодно.

На каждой стадии *трансформации* мы должны достичь баланса, который позволит:

Рис. 1. Организация системы обороны Франции

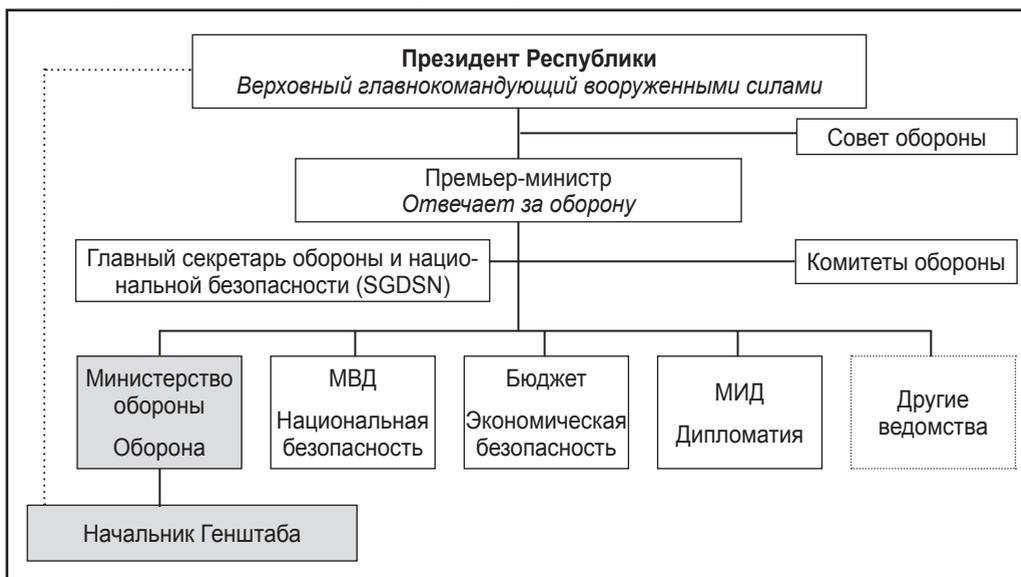
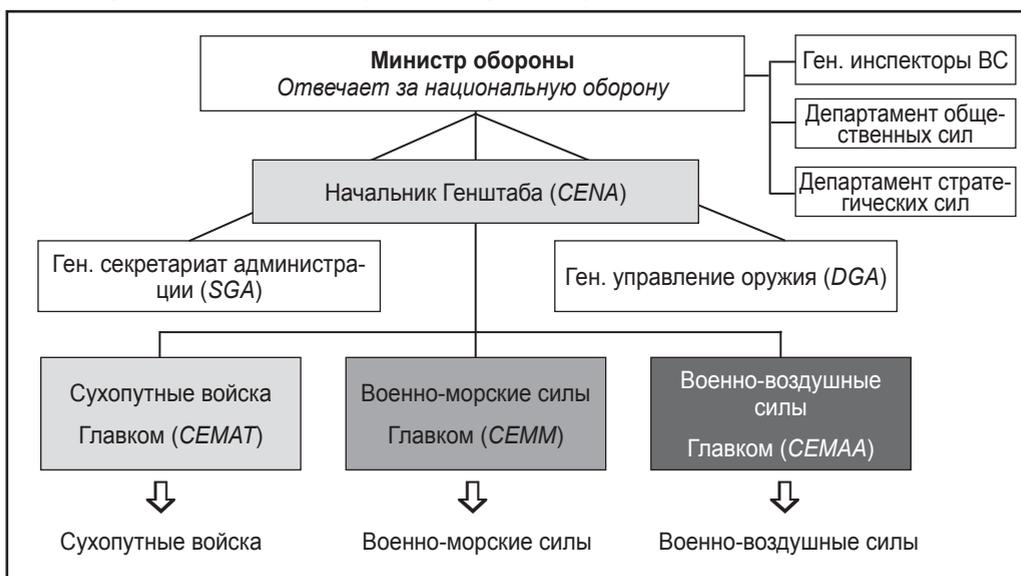

Рис. 2. Организация Министерства обороны Франции

- ❑ бороться и побеждать в текущих операциях, используя глобальный подход;
- ❑ готовиться к будущим возможным военным конфликтам, учитывая среднесрочные и долгосрочные перспективы;
- ❑ быстро адаптироваться к непредсказуемым изменениям или угрозам.

Общий опыт трансформации. Очевидно, что трансформация должна идти в ногу с текущими операциями и изменением мира. Чтобы быть в состоянии противостоять сегодняшним и будущим угрозам, государству необходимо постоянно совершенствовать стратегию и потенциал обороны.

Трансформацию можно интерпретировать как внедрение новых технологий, мощных технических параметров связи и современных систем коммуникации. Однако нельзя сводить трансформацию только к новым технологиям, потому что новые технологии сами по себе не смогут решить настоящие и будущие проблемы. Новые технологии и новое оборудование – важный, но не единственный способ противостояния новым угрозам. Улучшенная и обновленная доктрина, образование и подготовка – эффективный и часто более доступный путь к *трансформации*.

Необходимым инструментом трансформации является бюджет, который, к сожалению, в данный момент сильно ограничен вследствие мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. Финансовый кризис при этом может считаться одним из тех непредвиденных факторов, описанных в Белой книге.

Трансформация является результатом практического применения кропотливого изучения тонкого *баланса* между необходимостью реформировать Вооруженные силы в соответствии с новыми реалиями и теми сдерживающими факторами, которые не позволяют выполнить все необходимые изменения в полной мере.

ПЕРЕХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ: ИТОГИ И ВЫВОДЫ

22 февраля 1996 г. было принято решение полностью перейти с военной службы по призыву к контрактной армии, начиная с 2003 г. Президент Жак Ширак принял жесткие меры, которые положили конец французской традиции *нации с оружием*, существовавшей с 1792 г. после битвы под Вальми. Таким образом, период с 1996 по 2002 г. стал временем реформы перехода от призывной к профессиональной армии. Французский опыт, несомненно, позволяет сделать некоторые выводы.

Успех *профессионализации* можно оценить только в долгосрочной перспективе. Дело в том, что, прежде всего, надо знать, насколько удовлетворяются нужды армии по комплектованию как в количественном, так и в качественном отношении. Вполне очевидно, что страны, которые раньше нас прошли по этому пути, в первую очередь США и Великобритания, столкнулись или еще сталкиваются с серьезными трудностями.

Комплектование личного состава контрактниками. В июле 1997 г., через год после начала процесса перехода на контрактный принцип комплектования армии, штаб сухопутных войск опубликовал исследование о наборе, который должна была осуществлять армия в каждой возрастной группе, чтобы удовлетворить свои нужды по комплектованию с 2002 г. Согласно этому исследованию, демографические ресурсы мужского населения, потенциально пригодного для призыва, насчитывало в среднем 290 000 человек ежегодно на период до 2005 г. Критерий физической формы сократил это количество до 245 000 человек (что означает минус 16%); критерий интеллектуального уровня еще сократил это количество до 205 000 (еще минус 16%). Получается, что одна треть мужского населения неспособна служить в армии. Ежегодная *потребность* набора оценивалась в 35 000 человек для всех родов войск и жандармерии – то есть 17% от числа молодых людей, способных к несению службы. Этот процент превышает процент молодых людей, *готовых* служить (лишь 10% молодых людей заявляют о своей готовности служить в армии), таким образом, необходимо набрать еще 7%.

Обозначенный дефицит в 7% не касался комплектования офицерами и унтер-офицерами, а набор для жандармерии, которая считается более привлекательной, тогда стал избыточным по сравнению с другими видами войск (30% кандидатов для контракта выбрали именно жандармерию).

Для сухопутных войск было найдено несколько решений:

- увеличение процента женщин в личном составе;
- понижение критериев физической и интеллектуальной формы (решение отклонено);
- увеличение срока службы;

- прием на службу бывших служащих по краткосрочному контракту в ВМФ и жандармерии.

Предпочтение было отдано решению увеличивать количество женщин (феминизация) в армии и сохранять контрактников для продолжения контрактов.

Эффективная *политика набора контрактников* должна опираться на точный анализ качественных нужд. Усилия по набору должны быть ориентированы на разные группы. Почти у всех унтер-офицеров есть диплом бакалавра (соответствует среднему образованию в российской системе), и у большого количества среди них есть диплом «бакалавр +2 или больше» (соответствует диплому о среднем образовании и два или более года в вузе). С другой стороны, возможно набирать контрактников с более низким уровнем образования на должности более низкого уровня. На данный момент существует необходимость набирать больше специалистов (особенно юристов и специалистов по информатике).

Чтобы эффективно набирать контрактников, необходимо выработать четкую политику связи с обществом с целью создания максимально позитивного имиджа армии. Эти меры тем более необходимы в условиях, когда армия не может использовать свои связи с бывшими призывниками.

Потеря связи между армией и обществом из-за прекращения обязательной военной службы по призыву компенсируется следующим образом. Считается, что на данный момент в среднем каждый француз знает одного человека, который знает третьего, служащего в армии: эта связь $n+2$ может быть и очень полезной, и очень плохой в зависимости от того опыта, с которым сталкивается военнослужащий. В большинстве случаев связь все же выполняет позитивную функцию. В армии необходимо обращать особое внимание на различные обязанности, которые ставятся перед личным составом, с тем чтобы убрать те, которые не являются полезными или законно обоснованными, а также следить за тем, чтобы необходимые обязанности были бы определены, признаны и тем или иным образом компенсированы (отдыхом, денежным или материальным вознаграждением).

Недостаточно набирать контрактников, надо также сохранять их на разные сроки в зависимости от должности и необходимости. Таким образом, набор и *сохранение контрактников* тесно связаны с *текучкой кадров* (контрактников): слишком большой выход контрактников из рядов армии может создать или усложнить ситуацию с кадрами, но, с другой стороны, недостаточный выход блокирует перспективы развития карьеры и имеет негативное влияние на будущий набор.

Чтобы привлекать и сохранять в рядах армии качественные кадры (контрактников), в которых она нуждается, необходимо им предоставлять достойные материальные условия по сравнению с зарплатами в гражданском секторе. Ясные и привлекательные перспективы развития карьеры с возможностями переподготовки для работы в гражданской сфере и современные и подходящие условия работы также являются немаловажными факторами. В октябре 2010 г. главнокомандующий сухопутными войсками объяснил депутатам, как он рассчитывает действовать, чтобы сохранить контрактников и набирать меньше. Наиболее очевидная мера – это улучшение перспектив карьерного роста рядовых посредством предоставления им возможности стать унтер-офицерами: 70% унтер-офицеров выйдут из бывших рядовых-контрактников (на данный момент таких только 50%).

Чтобы уменьшить потери в начале службы, была реформирована система обучения. Была создана система центров первоначальной подготовки. Эти новые центры подготовки будут действовать под руководством лучших и хорошо подготовленных офицеров и унтер-офицеров.

Главнокомандующий сухопутными войсками осенью 2010 г. сообщил депутатам национальной Ассамблеи: «Моя первая забота – стабилизировать обновление личного состава, которое, я считаю, происходит слишком быстро. Оно отнимает у нас много сил в сфере набора, обучения и особенно сохранения традиционных ресурсов. В 2010 г.

мы набрали 16 300 человек: 437 офицеров, 1250 унтер-офицеров и 14 650 рядовых-контрактников. Это слишком много. Необходимо держать под контролем потери в первые месяцы службы, которые достигают 25–30%, а не 15%, как мы считаем. Также необходимо удержать контрактников в рядах армии после завершения первого контракта. На данный момент это только 30%, а не 40%, как ожидалось»².

Феминизация армии находится в зависимости не только от развития общества в целом, она объясняется необходимостью расширения спектра набора. В сухопутных войсках количество женщин среди контрактников выросло с 5% в 1996 г. до 10% на данный момент. В ВВС этот показатель составляет 12% (25% для рядовых). Несмотря на уменьшение квот и сокращение запрещенных для женщин должностей, количество женщин, служащих в армии, значительно не увеличивается. Социологические исследования показывают, что женщины больше, чем мужчины, оценивают армию как сферу с жесткими обязанностями, особенно это касается семейной жизни или развития личности.

Управление потоками увольняющихся с помощью переподготовки. Проблемы контрактной армии заключаются не только в наборе, но и в увольнении военнослужащих! Для служащих, попадающих под сокращение, предусмотрено несколько вариантов содействия.

Некоторым будет выплачена *материальная помощь*. Для опытных офицеров и унтер-офицеров есть возможность получить годовую или двухгодичную зарплату, учитывая возраст и стаж. Эти меры касаются меньшинства офицеров и унтер-офицеров.

Для большинства же есть возможность пройти *стажировку*, чтобы научиться использовать приобретенный опыт в гражданских профессиях. Хочу подчеркнуть, что 53% военнослужащих служат по контракту. Остальные – это кадровые военные, у которых военная карьера. Длительность этих контрактов составляет 3 года или 5 лет. Есть возможность их продлить, но только для тех, кто хорошо служит.

Чтобы оценить успех *профессионализации*, необходимо обратиться к приоритетам, обозначенным в начале перехода к контрактной армии. Одним из приоритетов было сокращение личного состава. В категории унтер-офицеров их количество сокращено на 15 500 с 1996 до 2002 г., таким образом, данный критерий оказался выполнен. Во-вторых, если говорить о более долгосрочной перспективе, то становится ясно, что невозможно эффективно привлекать молодых людей, не предлагая хорошие условия переподготовки по окончании контракта или карьеры. Вооруженные силы понимают это и создают структуры, помогающие военнослужащим определять их дальнейшие профессиональные перспективы, в том числе и в гражданском обществе, посредством прямых связей с предприятиями и службами занятости. Право на переподготовку в данный момент признано для всех, поэтому можно считать, что и этот критерий успешно выдержан. Стоит отметить, однако, что переподготовка для военнослужащих, которые служат по краткосрочному контракту, проходит сложнее. Очень сложно дать этим людям, часто рано заканчивающим учебу, технические компетенции, которые будут конкурентоспособными на рынке труда. Но надо помнить, что для таких контрактников часто общие или практические навыки (например, получение водительских прав) являются полезными. В целом же возможность переподготовки и дальнейшего трудоустройства позволяет избежать того, что служба по контракту понимается как тупик в карьере.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗАИМСТВОВАНО ИЗ ФРАНЦУЗСКОГО ОПЫТА?

Одной из целей *трансформации* является предоставление военнослужащим возможности заниматься боевой учебой, что позволит в том числе и обеспечить повышение боевой готовности военной техники. Современные Вооруженные силы – это не только современное оружие и эффективные соединения и части, но прежде всего военнослужащие, которые умеют *контролировать* применение силы. Таким образом, важнейшее значение имеет моральная подготовка военнослужащих.

Иностраннный Легион начал осуществлять идею контроля над применением силы в начале 80-х гг. XX в., через 20 лет после окончания войны в Алжире и до увеличения числа

Кодекс чести легионера

1. Легионер, ты доброволец, служащий Франции честью и верностью.
2. Каждый Легионер – твой брат по оружию, каковы бы ни были его гражданство, его раса или его религия. Ты и он – члены одной семьи.
3. Уважающий традиции, преданный своим начальникам, твоей силой являются дисциплина и дух товарищества, твоими добродетелями являются мужество и преданность.
4. Гордый своим званием легионера, ты должен это доказывать всегда: быть всегда опрятно одетым, вести себя всегда достойно и скромно, содержать казарму в чистоте.
5. Солдат элитного подразделения, ты всегда аккуратно занимаешься подготовкой, ты хранишь свое оружие, как твое самое дорогое имущество, ты постоянно поддерживаешь физическую форму.
6. Поставленная задача священна. Ты выполняешь ее до конца, и если надо, в операциях жертвуешь жизнью.
7. В бою ты действуешь бесстрашно и без ненависти. Ты уважаешь побежденного врага, ты не бросаешь ни своих погибших товарищей, ни раненых, ни свое оружие.

миротворческих операций, особенно в Африке. Чтобы дать легионерам четкие правила жизни как в казармах, так и во время боевых действий, командующий *Иностранным Легионом* попросил лейтенантов каждого полка предложить свою версию *почетного кодекса*. Был выбран текст лейтенанта 2-го парашютно-десантного полка *Иностранного Легиона*.

Вторая статья этого кодекса чести заслуживает особого внимания. Это касается не только легионеров, но и каждого военнослужащего. Эта концепция братства по оружию сама по себе является защитой от дедовщины и других неправовых действий командования.

Еще можно вспомнить размышления генерала, командующего *Иностранным Легионом*: **«Кто такой брат по оружию?»** Это тот, с кем рядом я, возможно, буду однажды воевать. Кто-то, кому я должен буду доверить свою безопасность, свою жизнь и успех в выполнении своей задачи. Кто-то, для кого я принимаю решение со своей стороны обеспечить безопасность для того, чтобы он смог выполнить свою задачу в наилучших условиях. Кто-то, с кем я, возможно, разделю угрозы жизни, трудности, успех и иногда неудачи. [...] Нам надо обязательно помнить, что это понимание братства по оружию составляет часть нашей службы; оно является необходимым условием нашего поведения; оно должно присутствовать в каждом нашем действии. Так мы сможем избежать опасностей, в которые нас вовлекают иногда рутинная и простота: несправедливость, дедовщина, ошибки командования, неуважение... и все другие формы такого неприемлемого поведения, которые означают неуважение человеческого достоинства. И тогда мы сможем сохранить то, что составляет величие и силу нашего легиона, – прекрасное чувство единства и эффективность в действии»³.

Эти размышления генерала, командующего *Иностранным Легионом*, подчеркивают необходимость создания единения всех военнослужащих от рядового до генерала для того, чтобы достичь единственной цели – служить вместе и эффективно родине с оружием в руках.

Проблема моральных действий была затронута в ходе реформы 1996–2002 гг., что видно из кодекса солдата в сухопутных войсках⁴.

Этот кодекс солдата, возможно, не так прост, как кодекс чести легионера, однако он выражает ясные правила для всех военнослужащих. Это особенно важно в современном обществе, которое потеряло много ориентиров.

Таким образом, формирование *морального духа военнослужащих как братьев по оружию* является наилучшим средством создать настоящее единение военнослужащих. Когда бой начнется, будет уже слишком поздно для подготовки: солдат смотрит на сержанта, который ждет от офицера ясных приказов, понятных для всех.

КАК ДОСТИЧЬ ПОСТАВЛЕННЫХ ЦЕЛЕЙ?

Мир так быстро изменился за последние 20 лет, что было необходимо адаптировать Вооруженные силы к новым вызовам, касающимся безопасности страны. Эта безопасность не ограничена национальной территорией, а касается также стабильности регионов мира, где у Франции есть свои интересы. Именно поэтому было решено начать процесс реформирования системы обороны, учитывая и возникшие финансовые трудности. *Трансформация* – способ реформирования Вооруженных сил как части системы обороны во Франции – это *исследование* тонкого баланса между необходимостью реформировать Вооруженные силы для того, чтобы их адаптировать к новым угрозам, и сдерживающими факторами, такими, как, например, финансовый кризис, и *применение результатов* такого исследования. Это сложная задача для наших высоких военных лиц из Министерства обороны, потому что они должны убедить политических руководителей, дать процессу реформ достаточное финансирование, несмотря на то, что сиюминутные интересы политических руководителей часто направлены на *успокоение общества*.

Чтобы достичь целей *трансформации*, необходимы политическая воля и достаточные финансовые ресурсы. Надо также, чтобы военнослужащие понимали и принимали *разумность и правомерность реформ*. У высокопоставленных военных лиц Министерства обороны здесь двойная роль: во-первых, предупредить политическую власть о предполагаемых последствиях реформ, и во-вторых, если реформы на правильном пути, объяснить военнослужащим необходимость процесса реформ. Если не получается справиться с этими двумя ролями – тогда отказаться от должности. Как написал сэр Бэзил Генри Лиддел Гарт: «Единственная вещь, которая сложнее, чем внедрение новой идеи в военное сознание, – это избавиться от старой идеи»⁵. Таким образом, нельзя не заботиться о формировании морального духа военнослужащих.

Есть важное средство, которое поможет процессу успешного реформирования: не забывать, что нам понадобились века для создания воинских традиций в каждой стране. Ни трансформация, ни реформа не являются революцией. Необходимо учитывать весь опыт прошлого, чтобы избежать ошибок в будущем. 🐼

Примечания

¹ *Armées d'aujourd'hui*. [Оружие сегодня]. 2010, Octobre. N354.

² Comment fidéliser la ressource? [Как сохранить ресурсы?] 2010, 22 Octobre. <http://lemamouth.blogspot.com/2010/10/comment-fideliser-la-ressource.html> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

³ Chaque légionnaire est ton frère d'armes. [Каждый легионер – твой брат по оружию]. *Éditional Képi blanc*. 2009, Septembre. N714. http://www.legion-etrangere.com/modules/info_seul.php?id=41&page=1 (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

⁴ Perga Hermann. Le code du soldat. [Кодекс солдата]. *Armees.com*. 2003, 21 Janvier. <http://www.armees.com/Le-code-du-soldat.html> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

⁵ Лиддел Гарт сэр Бэзил Генри. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 1999. http://militera.lib.ru/science/liddel_hart1/pre1.html (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

Василий Лата, Владимир Мальцев

ПРО: ИСКУССТВЕННЫЙ ТУПИК ИЛИ ОКНО ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ НАТО–РОССИЯ?

Администрация Барака Обамы приняла решение о временном прекращении работ по развертыванию третьего позиционного района ПРО в Восточной Европе в середине сентября 2009 г.¹. С одной стороны, это преподносится как разумный политический шаг в условиях обеспокоенности России созданием вблизи своих границ стратегического объекта США. А с другой – это решение является одним из элементов глубоко продуманного рефлексивного управления на мировом уровне по продвижению очередного варианта системы стратегической ПРО. Поэтому правомерно утверждать, что временное прекращение работ по развертыванию третьего позиционного района ПРО является *искусственным тупиком*, с одной стороны, и *окном потенциальной возможности* во взаимоотношениях НАТО–Россия на перспективу – с другой.

ОБОРОННАЯ ПОЛИТИКА США

Несмотря на то, что система ПРО сейчас рассматривается под эгидой НАТО, изначально это был американский проект, поэтому начать следует с анализа американской оборонной политики. После выхода из Договора по ПРО-72 США неоднократно дозированно оглашали свое решение относительно перспектив создания национальной системы противоракетной обороны. Менялись масштабы, структура, сроки создания элементов системы, политический аспект, но не менялось и не изменится решение в отношении того, создавать ее или не создавать.

Создание системы ПРО является одной из составляющих деятельности Соединенных Штатов по реализации так называемой стратегии *контрраспространения*, цель которой состоит в противодействии распространению баллистических ракет и оружия массового поражения. Эта стратегия включает три элемента: предотвращение и уменьшение угрозы, устрашение угрозы, отражение угрозы².

В рамках деятельности по *предотвращению и уменьшению угрозы* заключен Договор о нераспространении ядерного оружия, подписано соглашение с Северной Кореей, поддерживается режим контроля над распространением ракетных технологий, контролируется экспорт, заключены договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений, осуществляется программа Нанна–Лугара. *Устрашение угрозы* обеспечивают американские ВС, демонстрируя готовность применить силу. Если сдерживание противника не удалось осуществить за счет первых двух составляющих стратегии контрраспространения, то вступает в действие последний довод – непосредственное *отражение угрозы* путем применения систем ПРО.

Система ПРО, которая должна была быть установлена в Польше и Чехии, будет разделена на несколько компонентов. Предполагается, что ее части появятся в Болгарии, Румынии и Турции. В октябре 2009 г. Польша дала принципиальное согласие на размещение север-

ной наземной базы для ракет *SM-3*, и этот вариант все еще обсуждается с Польшей³. В обнародованном в феврале 2010 г. обзорном докладе Пентагона по ПРО изложены основные цели, задачи и направления в этой сфере на перспективу до 2020 г. Подтверждалось, что элементы системы будут поэтапно развертываться в Европе с учетом свойственных каждому конкретному региону требований в сфере обороны и сдерживания.

Одобренная в конце прошлого года новая архитектура ПРО предполагает размещение к 2011 г. в Южной Европе радиолокационных станций (РЛС), а также корабельных комплексов *Иджис*, оснащенных противоракетами *SM-3 Block IA*. Вторая фаза предполагает развертывание в Европе к 2015 г. усовершенствованных противоракет *SM-3 Block IB* уже наземного базирования, а также дополнительных радаров. Эту задачу на себя частично возьмет Румыния. Морской компонент ПРО в этой стране появится после наземного.

К 2018 г. планируется разместить в Европе вторую базу для ракет *SM-3* наземного базирования, а также модернизированные *SM-3 Block IIA*. Переговоры по этому пункту ведутся с Польшей. Наконец, к 2020 г. на дежурство должна заступить ракета-перехватчик *Block IIB*, которая может быть использована уже для уничтожения межконтинентальных ракет.

Не исключено, что в американскую противоракетную программу может быть вовлечена и Латвия. По имеющимся данным под давлением Вашингтона Рига приняла решение о закупке в США двух бывших в употреблении, но достаточно дорогих радаров производства фирмы *Локхид Мартин*. По сравнению с новыми радаром, которые предлагал Европейский аэрокосмический и оборонный концерн (ЕАДС), американские изделия имеют в два раза большую зону действия. Это позволит контролировать пространство от Стокгольма до юга Швеции, Калининграда, Санкт-Петербурга и даже расширить зону локации вглубь территории России – от ее западных границ до Волги, а также обеспечить возможность управления средствами воздушного нападения.

Это вызывает необходимость проведения углубленного анализа замысла построения нового варианта системы ПРО США. Причем на пересмотр идеологии построения системы ПРО США начали оказывать существенное влияние ряд политических и военно-технических факторов⁴:

- переосмысление военно-политической элитой США роли стратегического ядерного оружия (СЯО) в реализации своих геополитических устремлений: американское СЯО не является эффективным средством политической стратегии США в сфере безопасности, и оно не может защитить Америку от террористических угроз, не служит целям давления на государства-изгои;
- принятие в США на рубеже XX–XXI в. решения о сокращении расходов на содержание и развитие стратегических ядерных сил и увеличении расходов на развитие обычных средств вооруженной борьбы, закрепление этого решения в Концепции быстрого глобального удара, предполагающей нанесение мощного концентрированного удара несколькими тысячами высокоточных ударных средств по государству-цели с уничтожением важнейших объектов инфраструктуры, определяющих его стратегическую устойчивость, и принуждение его к капитуляции;
- разработка департаментом «С» Пентагона перспективных противоракетных комплексов на базе комплексов ионосферного оружия, обеспечивающих формирование и целенаправленное мгновенное перемещение в диапазоне высот 60–600 км (сообразуясь с прохождением трубок траекторий полета российских баллистических ракет) искусственных энергетических образований (*плазмодов, решеток или зеркал*). Зона воздействия подобного оружия (в случае размещения ионосферных комплексов в северных приполярных районах), по некоторым оценкам, будет простирается по долготе от Атлантического до Тихого океана, а по широте – вплоть до 35–40-й параллели Северного полушария;
- возможность реализации в развитии средств вооруженной борьбы стратегического уровня принципиально нового военно-технического прорыва – создания систем абсолютного оружия (САО). Отличительной особенностью данных систем оружия является достижение гарантированного недопущения воздей-

ствия стратегических баллистических средств поражения противника по своей территории вследствие обеспечения комбинированного поражения МБР. При этом в состав САО в качестве принципиально новой подсистемы планируется включить перспективные противоракетные комплексы на базе комплексов ионосферного оружия;

- подписание 8 апреля 2010 г. в Праге президентами США и России Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3);
- поиск путей выхода Североатлантического альянса из глубокого концептуального кризиса, необходимость разработки и принятия новой Стратегической концепции НАТО, краеугольным камнем которой в новых военно-политических условиях будет не стратегия *сдерживания*, а стратегия *вовлечения*. Одним из примеров вовлечения уже сейчас становится идея строительства совместно с Россией единой европейской системы ПРО.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПРО: ПРИНЦИПЫ

Поэтому для более объективного толкования временного прекращения работ по развертыванию третьего позиционного района ПРО в Европе, при рассмотрении аспектов расширения глобальной системы ПРО США, создания эшелонированной системы Евро-ПРО, где американский вариант концепции ее построения рассматривается странами НАТО в качестве основного, необходимо отметить следующее.

Первое. Известно, что США создают противоракетную оборону шестое десятилетие, и разработку противоракетных систем, предназначенных для противодействия советским баллистическим ракетам, они начали в конце 1940-х годов. Этот исторический период характеризуется последовательной реализацией ряда проектов противоракетной обороны, таких как: *Найк-Зевс* (с 1955 г.), *Найк-Икс* (с 1963 г.), *Сентинел* (с 1967 г.), *Сейфгард* (начало 1970-х гг.), программы СОИ (март 1983 г.) и ЕвроСОИ и, наконец, 1996–1999 гг. – принятие решения о создании национальной системы ПРО и начало его реализации объявлением 13 декабря 2001 г. о выходе США из договора по ПРО 1972 г.

Ни один проект до сих пор не увенчался полным успехом.

Второе. В чем же причина нереализованности проектов противоракетной обороны прошлого столетия, и прежде всего самого масштабного из них – программы СОИ – первой попытки США создать *систему абсолютного оружия*, хотя в ней основная ставка делалась на существенное наращивание информационно-ударной мощи в космосе, то есть на широкое использование преимуществ новой сферы вооруженной борьбы?

По нашему мнению, на это были причины, прежде всего, концептуального плана, связанные с неразработанностью в окончательном виде идеологии создания системы ПРО, недостаточной проработанностью вопросов сопряжения ударных средств с информационно-управляющими системами и недостаточной аргументацией перед мировой общественностью необходимости создания систем ПРО.

Третье. Критический учет приведенных причин, последние научно-технические достижения, основанные на решении проблемы повышения эффективности существующих средств поражения на основе их сопряжения с информационными системами, в том числе и космическими, и проверка данной концепции в ходе локальных войн и конфликтов позволили США не только вернуться к идее создания широкомасштабной ПРО, но и пересмотреть замысел ее создания. В соответствии с новыми целями предусматривается решение двух взаимосвязанных задач:

- эффективного слежения и последующего поражения всего спектра носителей тактических, оперативно-тактических и стратегических баллистических средств ведения вооруженной борьбы до проведения ими пусков;
- поражения стартовавших баллистических средств, ушедших из-под удара, на всех участках полета к цели.

Это кардинально видоизменяет взгляды на систему ПРО как чисто оборонительную систему. Противоракетная оборона по существу стала не только системой противоракетной обороны, но и мощным контрсилowym средством, способным нивелировать ракетно-ядерный потенциал РФ. А на эту особенность системы стратегической ПРО США, несущей поистине реальную угрозу, обращается достаточно мало внимания.

Четвертое. Системная взаимоувязка рассмотренных задач замысла производится при формировании нового контрсилowego потенциала США⁵. Его основой должны стать новая стратегическая триада ВС США, системы вооружений передового базирования, космические системы разведки, связи и ретрансляции данных, навигационного обеспечения, формирующие глобальное информационно-управляющее поле, и система стратегической ПРО.

В связи с этим представляется, что основная угроза для баллистических стратегических средств РФ, да и для СЯС в целом исходит от нового контрсилowego потенциала США⁶.

Пятое. В целом, не вдаваясь в подробности, следует отметить, что проведенные выкладки подтверждают всю серьезность складывающейся ситуации вокруг американской ПРО для России. Она определяется тремя положениями.

Во-первых, у границ РФ впервые будет размещен стратегический объект вооруженных сил США, действующий в тесной взаимосвязи с мощными группировками передового базирования, входящими в состав сил нового контрсилowego потенциала США. С учетом имеющихся планов расширения географии данной системы в Израиль, Румынию, Болгарию, Турцию, Саудовскую Аравию, Грузию, Индию, Пакистан, Монголию, Японию, Австралию, вокруг России может быть создано замкнутое противоракетное кольцо со всеми вытекающими из этого последствиями.

Во-вторых, размещение элементов стратегической ПРО США в Восточной Европе обеспечит ускорение процесса создания эффективной системы противоракетной обороны, которая будет способна пройти порог сдерживания. Это приводит одну из сторон к уверенности в своих безграничных возможностях и искушению нанести удар по противнику первой.

В-третьих, с развертыванием эшелонированной системы стратегической ПРО создаются реальные предпосылки для формирования *новой концепции сдерживания*, которая, по мнению военно-политических кругов США, будет основываться не на опасности взаимного уничтожения, а на гарантированном отражении ракетных ударов.

Шестое. Данная система впитала самые последние инновации, как в плане технологий, так и в плане учета передовой военной мысли. Явно просматривается *очередная попытка США создать абсолютное оружие*.

Развертывание работ по созданию широкомасштабной системы ПРО фактически знаменует всеобщий переход к формированию принципиально новой материальной базы для ведения войн нового, *шестого* поколения. Войны будут базироваться теперь уже не на чисто ударной, а на информационно-ударной *техносфере*, которая будет составлять совокупность информационно-ударных систем оружия (ИУСО) *прецизионного наведения*.

Это позволяет представить ПРО как *систему систем* оружия, включающую объединенную информационно-космическую подсистему и совокупность информационно-ударных систем оружия стратегического, оперативного и тактического уровней, решающих разные группы задач.

Детальное рассмотрение процессов функционирования данной *системы систем* показывает, что основным интегрирующим и системообразующим ее элементом является *объединенная информационно-космическая подсистема*.

Благодаря этому целая совокупность проектов противоракетных комплексов, разрабатываемых в настоящее время в США, может быть интегрирована в состав широкомасштабной системы ПРО.

Седьмое. Проведенная декомпозиция системы стратегической ПРО с позиций нового научного направления *системологии* позволяет высказать и ряд суждений о ее эффективности. Построение системы стратегической ПРО как совокупности иерархически свя-

занных ИУСО с вероятностью перехвата каждой не хуже 0,9, образующих несколько рубежей перехвата, с наличием в каждом из них нескольких эшелонов, позволяет говорить гипотетически о стремлении достичь ее абсолютной эффективности, но без учета применения средств противодействия.

Вместе с тем, не зная конкретной конфигурации системы ПРО, когда ее базовые элементы находятся или в стадии разработки, или в стадии испытаний, говорить о ее реальной эффективности преждевременно. Однако средства первого эшелона, которые созданы, развернуты и прошли натурные испытания в ходе локальных войн и конфликтов, уже в настоящее время составляют значительную угрозу.

Особое внимание Пентагон уделяет созданию необходимой инфраструктуры на территориях стран СНГ, а также государств Центральной и Восточной Европы.

В Европе основные усилия Пентагон направляет на модернизацию объектов, необходимых для обеспечения деятельности ВС США и других стран НАТО в период вероятных конфликтов или обострения обстановки. Это главным образом авиационные и военно-морские базы, аэродромы, порты, полигоны и радиолокационные посты ПВО. Особое внимание Пентагон уделяет размещению своих объектов на территориях стран – бывших членов Варшавского договора, успешно перебравшихся в НАТО. Румыния предоставила США право на размещение в районах морского порта Констанца и авиабазы Когэлничану передовых баз. Аналогичные структуры появились на нескольких полигонах. В Болгарии будет также развернуто четыре подобных военных объекта США.

В Азербайджане функционируют две американские радиолокационные станции раннего предупреждения (по одной вблизи границ с Россией и Ираном), а также обслуживаемые американцами же и готовые к немедленному задействованию военные базы по программе *лиловая подушка*. Такая же база есть и в грузинском Марнеули. То есть и Азербайджан, и Грузия фактически давно уже согласились предоставить свою территорию для использования в военных кампаниях США.

Продолжается совершенствование оперативного оборудования территории Польши и стран Балтии в интересах НАТО, приведение их военной инфраструктуры в соответствие со стандартами Альянса.

Некоторые приближенные к границам России авиабазы Польши специалисты Пентагона предполагают использовать в качестве так называемых аэродромов *подскока* (места для промежуточной посадки на маршрутах полета) и баз материально-технического обеспечения.

Американский Комитет начальников штабов приспособливает под свои будущие потребности и военно-морские структуры прибалтийских стран. Два крупных морских порта и когда-то располагавшиеся на них военно-морские базы СССР Клайпеда (Литва) и Лиепая (Латвия) модернизируются для нужд НАТО. Подгоняется под натовские стандарты и порт Мууга (Эстония).

В этих странах достаточно широким фронтом ведутся работы по созданию систем управления воздушным движением и контроля воздушного пространства. Развиваются системы противовоздушной обороны. Большое внимание уделяется и модернизации учебно-тренировочной базы войск НАТО.

Следует отметить, что началось активное освоение кораблями ВМС стран-членов НАТО акватории Балтийского моря. В последнее время в территориальных водах Польши и стран Балтии различные задачи выполняли боевые корабли и гидрографические суда ВМС Великобритании, Нидерландов, США и Франции.

Характерным примером освоения потенциального театра военных действий является миссия НАТО по охране воздушного пространства прибалтийских государств.

Восьмое. Рассмотрение системы ПРО как *системы систем* оружия позволяет определить и ее основную *ахиллесову пята* – информационно-коммуникационную систему, формирующую многослойное глобальное информационно-управляющее поле, обеспечивающее высокую степень синхронизации процессов функционирования всей совокупности ИУСО этой всесферной системы оружия.

Поэтому, с военной точки зрения, в качестве основной асимметричной меры противодействия системе стратегической ПРО США, на наш взгляд, целесообразно рассматривать меры, связанные с нарушением целостности этого поля, изменением его характеристик, а в конечном счете – разрушением этого поля. С политической – поиск направлений и точек соприкосновения.

НАЗНАЧЕНИЕ ЕВРОПРО: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

В этих условиях объективно возникает необходимость оценки целесообразности и степени участия России в реализации натовской стратегии *вовлечения* при строительстве совместно с Россией единой европейской системы ПРО. Необходимо оценить перспективы *окна возможностей* во взаимоотношениях НАТО–Россия, они, несомненно, есть и могут быть достаточно эффективными для стабилизации обстановки и обеспечения безопасности не только в Европе, но и на Ближнем и Среднем Востоке.

Дебаты в странах НАТО о разработке противоракетной обороны для Европы ведутся с начала 80-х гг. Ускорение процесса произошло в 1996 г., когда Клинтон впервые серьезно заявил о намерении создать ПРО национальной территории США. Европейцы дали название своей ПРО – ЕвроПРО, сокращенно ЕПРО. По своей архитектуре она весьма близка к ПРО на театре военных действий (фронтальной ПРО), к созданию которой уже приступили США.

Основная цель разработки, создания и развертывания единой противоракетной обороны Европы заключается в эффективном отражении вероятной атаки МБР, баллистических ракет малой и средней дальности со стороны стран, отличающихся внутренней политической нестабильностью и враждебно относящихся к странам Западной и Центральной Европы, а в конечном итоге и к США.

Инициаторами создания ЕПРО выступили Великобритания и Дания, на территории которых уже имеются РЛС дальнего обнаружения пусков баллистических ракет и слежения за полетами боевых блоков. Суть предложения заключается в интегрировании национальных ПВО/ПРО в единую систему с единым командованием, управлением и связью.

Правительства Франции и Италии, осознавая угрозу со стороны Ливии, одобряют позицию Германии по созданию системы ПРО средней дальности *MEADS* на базе модифицированного комплекса США *Пэтриот PAC-3*. Попытка Греции создать свою собственную ПВО/ПРО на базе российского комплекса *C-300*, способного бороться с крылатыми и баллистическими ракетами малой дальности, была отвергнута НАТО из-за неприимости Турции. Но Турция сама заинтересована в создании фронтальной ПРО с учетом ее отношений с Ираком и Грецией. По существу все европейские страны НАТО заинтересованы в создании единой ПВО/ПРО, так как осилить создание национальных ПРО им не под силу.

НАТО рассматривает возможность развертывания на европейском континенте систем ПРО на базе фронтальной ПРО США *THAAD*, о чем уже имеется договоренность. Поэтому Европа, не желая терять время зря, предполагает разрабатывать свою ПРО, опираясь на научный и промышленный потенциал своих стран. В первую очередь речь идет о консорциуме *Бритиш Аэропейс* и франко-испанско-итальянском консорциуме *EADS*.

Предполагаемая архитектура ЕПРО не может обеспечить полную защиту территории стран, входящих в НАТО. Речь может идти лишь о региональной и объектовой ПРО. Главный вопрос в том, что будут представлять собой баллистические ракеты вражеских государств. Сейчас это одноступенчатые баллистические ракеты малой и средней дальности на жидком топливе (авиационный керосин и концентрированная азотная кислота) с неотделяющейся головной частью массой 750 кг. В ближайшее время ожидается поступление из КНДР двухступенчатых ракет с отделяемой головной частью. Позже, возможно, отделяемая головная часть будет оборудоваться средствами противодействия РЛС систем обнаружения, слежения и наведения. Последнее обстоятельство сильно усложнит работу интегрированных систем ЕПРО, в особенности если боеголовки будут разделяющимися с индивидуальным наведением на цель.

Результаты проведенного анализа состояния и оценки перспектив развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* свидетельствуют о том, что к 2015 г. в Израиле, Иране, Ираке, Индии, Пакистане, Северной Корее и Турции возможно развертывание от 45 до 70 пусковых установок баллистических ракет, в зоне досягаемости которых будут находиться практически все объекты военно-экономического потенциала России.

Однако с точки зрения угрозы безопасности России, даже в условиях крайне трудно прогнозируемого развития военно-политической обстановки в мире, предположить возможность ракетной угрозы со стороны перечисленных выше стран с учетом сложившихся коалиций и традиционных отношений с ними можно только с практически неразличимым уровнем вероятности.

Территории стран Западной Европы к 2015 г. могут достигать иранские баллистические ракеты средней дальности (БРСД) *Шихаб-4* и *Шихаб-5*, БРСД Пакистана *Шахин-2*, а также БРСД *Агни* и МБР *Сурья* Индии. По оценкам в этих странах может быть развернуто 40–50 пусковых установок перечисленных ракет.

Территории Соединенных Штатов Америки к 2015 г. не смогут достигать баллистические ракеты таких *проблемных* стран, как Иран и Ирак, вследствие того, что дальность полета баллистических ракет через Северный полюс до территории США из этих стран составляет более 10 000 км. В случае создания Северной Кореей модернизированной трехступенчатой БРСД *Тэпходон-2* в зоне досягаемости этой ракеты могут находиться Аляска и Гавайские острова⁷.

Однако количество пусковых установок модернизированных БРСД *Тэпходон-2* будет незначительным (до четырех–шести).

При оценке ракетных программ стран *третьего мира* приходится учитывать то обстоятельство, что баллистические ракеты относительно большой дальности и в рассмотренных выше количествах при достигнутых и прогнозируемых точностях попадания с боевым оснащением на основе обычного взрывчатого вещества представляют собой крайне неэффективные системы вооружения с точки зрения наносимого ущерба и потребных затрат. Даже массированное применение баллистических ракет с обычным взрывным веществом Германией во время Второй мировой войны (несколько тысяч ракет) оказалось малоэффективным с точки зрения влияния на результаты военных действий.

Поэтому привлекательность освоения многими странами *третьего мира* ядерных технологий и приобретения способности к производству ядерных боезарядов более чем очевидна. Что касается возможности оснащения баллистических ракет другими видами оружия массового уничтожения (химическое, бактериологическое, радиологическое оружие), то исключать этого полностью нельзя, однако, *во-первых*, эффективность его значительно ниже по сравнению с ядерным, *во-вторых*, полномасштабной экспериментальной отработки этих видов оружия с использованием баллистических ракет не отмечалось даже в высокоразвитых странах, а технологических проблем в этой области более чем достаточно.

До настоящего времени создатели ЕПРО еще не определились с оценкой эффективности системы. Они ограничились лишь общим замечанием, что она должна быть достаточно высокой. Но при этом они настаивают на оказании информационной поддержки себе со стороны США. В частности, предполагается широко использовать РЛС для обнаружения и распознавания баллистических целей с большой пользой для США. Это возможно с учетом того, что Иран и Ирак могут атаковать США только через Северный полюс.

Признавая невозможность создания непроницаемого щита для защиты от баллистических ракет, страны НАТО предполагают архитектуру перехвата на следующих участках траектории: активный и пассивный, заатмосферный и внутриатмосферный, вблизи цели.

На активном участке полета ракеты предполагается использовать боевые лазеры воздушного базирования *ABL* на базе самолетов ВВС США *Боинг-747*. Лазер способен поражать ракету с дальностью до 400 км. Размещение баз самолетов и маршруты их патрулирования должны обеспечить поражение ракет малой дальности на расстоянии до 500–1000 км от места их старта.

Другое направление – применение специальных беспилотных летательных аппаратов, оснащенных ракетами-перехватчиками с инфракрасными головками наведения.

На заатмосферном участке защита возможна лишь от ракет дальностью более 5000 км, когда имеется необходимый запас времени для распознавания целей, запуска ракет-перехватчиков, снабженных головками самонаведения кинетического действия *EKV*. Здесь нужна мощная поддержка со стороны США по поставкам ракет-перехватчиков ГБИ, радиолокаторов *XBR* и информационного обеспечения РЛС системы дальнего обнаружения пусков ракет *БИМЕЮС* на территории Великобритании и Гренландии после их модернизации и создания единой системы *UEWR/XBR*.

На атмосферном участке полета вблизи цели основная защита будет возлагаться на комплекс *Пэтриот PAC-3*, способный перехватывать баллистические ракеты дальностью до 1000–1500 км вблизи цели на высоте 15–20 км. Одна огневая батарея *PAC-3* способна прикрыть зону диаметром до 10 км – это может быть небольшой город, аэродром, порт и так далее. Чем больше дальность полета ракеты, тем меньше радиус зоны прикрытия. Наилучшие результаты получаются, когда дальность полета ракеты меньше 1000 км. Эти жесткие условия объясняются тем, что ракета-перехватчик должна успеть сделать необходимый маневр, чтобы лететь навстречу своей цели по одной прямой, лоб в лоб.

В этом отношении НАТО возлагает большие надежды на фронттовую ПРО США *THAAD*, способную перехватывать боеголовки ракет дальностью до 3500 км как на заатмосферном, так и на атмосферном участках полета ракет. Радиус зоны прикрытия одной огневой батареи *THAAD* достигает 60 км. Это может быть мегаполис или крупный промышленный район либо группировка армейского корпуса.

Кроме наземной и воздушной составляющей, ЕПРО должна включать в себя также и морскую составляющую. В нее входят существующие комплексы ПВО/ПРО кораблей ВМС США и Испании *Иджис* и корабельные системы ПВО *Стандарт*. Эти средства предполагается иметь вблизи побережья Франции, Греции, Турции, Англии. Причем считается более эффективным усилить группировку средств ПВО/ПРО в Средиземном море, а также в проливе Ла-Манш.

НАТО признает, что имеющиеся средства ПВО/ПРО и оснащаемые комплексы ПРО, их информационные составляющие еще далеки от совершенства. Требуются новейшие разработки информационных и ударных систем, способных эффективно бороться с баллистическими ракетами дальностью 4000–8000 км.

Полагая весьма вероятным появление баллистических ракет большой дальности на Ближнем Востоке к 2015 г., НАТО понимает, что защитить Европу с помощью только наземных средств невозможно. Для решения такой задачи наряду с наземными средствами необходимо использовать космические аппараты – аналоги *SBIRS-LOW* и *Бриллиант Пэбблз*, способные перехватывать ракеты на активном заатмосферном участке их полета. При этом наземный эшелон ПРО следует усилить за счет развертывания ПУ ракет-перехватчиков ГБИ дальностью до 2000 км.

Сотрудничество с США позволит разработать новейшие системы ЕПРО не раньше чем через 15 лет.

Целью размещения противоракет в Европе заявляется защита от ракетного нападения не только территории США, но и американских войск, дислоцированных за рубежом, а также союзников. Американцы уверены, что база в Европе позволит отразить ракетный удар со стороны Ближнего Востока, и прежде всего Ирана. При этом особо подчеркивается, что развертывание в Восточной Европе ПРО не направлено против России, так как речь идет всего о десятках ракет, которые не способны нанести существенный урон российскому ракетно-ядерному потенциалу. Способны или не способны – вопрос спорный. Сегодня они не способны, а завтра способности могут радикально измениться.

По этому поводу президент России Д.А. Медведев в интервью телеканалу *ABC News* заявил, что Россия может выйти из нового Договора СНВ, если США будут «радикальным образом наращивать мощь своей противоракетной обороны». Как подчеркнул Медведев, в этом случае американская ПРО будет представлять угрозу национальной безопасности страны.

Президент России заметил, что *радикальное* усиление ПРО делает противоракетную оборону, «по сути, частью стратегических ядерных сил, потому что она способна заблокировать действия другой стороны». В случае если США, по словам Медведева, начнут наращивать мощь своей ПРО, возникнет неравновесие, которое может стать основанием к пересмотру нового Договора СНВ.

Рассматривая приведенные выше концепции построения европейской системы ПРО и намечаемые США практические шаги к реализации ее очередного варианта, необходимо, прежде всего, ответить на следующие вопросы⁸:

- Существуют ли реально угрозы, которые делают необходимым создание европейской системы ПРО при активном участии в ее развертывании США и России?
- Какова степень угрозы со стороны баллистических средств стран третьего мира для России?

Не рассматривая детально угрозы и не анализируя степень агрессивности по отношению к различным европейским странам Азии и Африки, необходимо отметить, что *нестратегическая ПРО* (то есть система, способная бороться с ракетами дальностью не больше 3500 км) может оборонять Европу только от ракет Израиля, Саудовской Аравии, стран Северной Африки и частично Ирана⁹.

Трудно предположить, что ракеты Израиля будут представлять угрозу для Европы. Что касается других азиатских стран (Ирана, Пакистана, Индии и других), то в настоящее время они также не обладают ракетами, способными угрожать Европе. Если такая угроза будет реализована в дальнейшем, а для этого необходимо создание БР с дальностью стрельбы больше 3500 км, то для защиты от нее необходимо создание стратегической, глобальной системы ПРО Европы. Это то, на что в октябре 2010 г. на саммите по европейской безопасности в Довиле было обращено особое внимание.

Самая дальнобойная иранская ракета *Шихаб-3* может поразить цель на расстоянии до 1300 км. То есть максимум – долететь до европейской части Турции, но уж никак не Восточной Европы и тем более США. А вот достигнуть территории Израиля *Шихаб-3* в состоянии. И чтобы защитить турок и израильтян, ракеты-перехватчики надо устанавливать не в Польше или Венгрии, а в Турции и Израиле.

Вместе с тем, с учетом наличия на территории Турции (Диярбакыр) радиолокационного поста контроля космического пространства, а на территории стран СНГ – РЛС предупреждения о ракетном нападении, могут быть реализованы и альтернативные подходы по парированию ракетной угрозы, исходящей от третьих стран. Эти подходы будут основываться на возможности создания системы коллективной защиты, которая не будет вызывать озабоченность со стороны России. Президент России в Довиле в ответ на предложение об участии в ПРО НАТО заявил, что мы оцениваем предложение, но в НАТО должны понимать, что в процессе обсуждения ее облика трудно будет одновременно учесть интересы США, России и Европы.

В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ

Таким образом, при оценке ситуации вокруг ПРО и возможности участия России совместно с НАТО в строительстве глобальной ЕвроПРО необходимо учитывать следующее.

Во-первых, необходимость разработки, создания и развертывания Европейской ПРО страны НАТО объясняют грозящей им угрозой атаки баллистических ракет малой и средней дальности со стороны ряда государств Северной Африки и Ближнего Востока. Реально такая угроза для стран Европы может возникнуть не ранее 2015 г. при условии оснащения БР Ливии, Сирии, Ирана, Пакистана, Индии и других стран ядерными головными частями.

Во-вторых, целью размещения средств ПРО в Европе американцы заявляют защиту от ракетного нападения со стороны стран третьего мира территории США, американских войск, дислоцированных за рубежом, и союзников США. Вместе с тем, территории

США к 2015 г. не смогут достигать баллистические ракеты Ирана и Ирака, а модернизированная БРСД *Тэлхэдон-2* Северной Кореи может достигнуть только районов Аляски и Гавайских островов.

В-третьих, что касается сложившейся паузы в создании ПРО, то она объясняется следующим. Это искусственно созданная видимость тупика, а реально проводится реконфигурация архитектуры средств ПРО, размещаемых в Европе в непосредственной близости от границ России. Если учесть, что Россия и Европа без энтузиазма восприняли планы по строительству объектов ПРО в Европе, США вынуждены были скорректировать некоторые подходы. В результате появилось предложение НАТО о совместной работе над созданием ЕвроПРО.

России в очередной раз предоставлена возможность сотрудничества. С одной стороны, это шанс для России добиться того, чтобы в системе ЕвроПРО были учтены ее интересы, а с другой, это опасность того, что принципиальная позиция России приведет к тому, что точки соприкосновения найдены не будут. Такая ситуация позволит США и НАТО закрыть перед Россией *окно возможностей* во взаимоотношениях и безапелляционно реализовывать свои планы по созданию глобальной ПРО. В складывающейся ситуации Россия вынуждена отстаивать свои интересы при создании ЕвроПРО и сосредоточить основные усилия на ограничении процесса распространения оружия массового поражения и ракетных технологий и обосновании целесообразности создания альтернативной американскому проекту международной мобильной группировки ПРО на базе имеющихся и разрабатываемых комплексов ПВО России и НАТО, обладающих потенциалом нестратегической ПРО, придания им необходимых средств информационного обеспечения и управления – в интересах защиты войск и населения от тактических и оперативно-тактических ракет при проведении миротворческих операций в различных районах мира. 🇷🇺

Примечания

- ¹ Макаров О. Противоракетное принуждение. *Популярная Механика*. 2010. № 11. С. 37–44.
- ² Тищенко Г.Г. Создание систем противоракетной обороны за рубежом и безопасность России. М.: РИСИ, 2005. 416 с.
- ³ Counter measures. A Technical Evaluation of the Operational Effectiveness of the Planned US National Missile Defense System. Union of Concerned Scientists, MIT Security Studies Program. Cambridge, MA, April 2000. 171 p.
- ⁴ *Зонтик* для Брюсселя и Москвы. *Независимое Военное Обозрение*. 2010. № 39. с. 2; Храмчихин А. Что нам все-таки следует делать с НАТО. *Независимое Военное Обозрение*. 2010. № 39. С. 1, 4–5; Ивашов Л. Возвращаясь к Договору СНВ-3. *Независимое Военное Обозрение*. 2010. № 36. С. 1, 6–7; Соколов А., Бурмакин А. Наступила эпоха иных войн. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010. № 39. С. 9; Вильданов М. Белые пятна в новом договоре о СНВ. *Национальная Оборона*. 2010. № 8. С. 16–19.
- ⁵ Ивашов Л. Возвращаясь к Договору СНВ-3. *Независимое Военное Обозрение*. 2010. № 36. С. 1, 6–7.
- ⁶ Рюриков Д. Плюс быстрый глобальный удар. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010. № 10. С. 7.
- ⁷ Дворкин В.З. Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах третьего мира в период до 2015 года. *Ядерный Контроль*. 2002, № 1, с.43–51.
- ⁸ Колесниченко О. *Перезагрузка* цвета хаки. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010. № 38. С. 2–3; *Зонтик* для Брюсселя и Москвы. *Независимое Военное Обозрение*. 2010. № 39. С. 2; Рогозин Д. Россия–НАТО: диалог кота в мешке с ежиком в тумане. *Военно-Промышленный Курьер*. 2010. № 42. С. 1, 3.
- ⁹ Загорка А., Дейнега А. Анализ возможностей нестратегической системы ПРО и ее влияние на стабильность в регионах. *Ракеты и Космос*. 2002, № 1–2. С. 21–24.

Евгений Мясников

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВООРУЖЕНИЯ В НЕЯДЕРНОМ ОСНАЩЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

После интенсивных дебатов, продолжавшихся около восьми месяцев, сенат США 22 декабря 2010 г. проголосовал за новый Договор СНВ, который был подписан американским и российским президентами 8 апреля 2010 г. в Праге. На следующий же день после этого события российская сторона также активизировала процесс ратификации, и уже 24 декабря новый Договор СНВ был одобрен Государственной Думой в первом чтении. Хотя фракции КПРФ и ЛДПР в парламенте выступают против соглашения, тем не менее, эксперты выражают уверенность, что договор получит поддержку уже в самом начале весенней сессии парламента в 2011 г. и вскоре сможет вступить в силу¹.

Официальный Вашингтон еще накануне подписания нового СНВ выразил намерение начать переговоры с Россией по следующему этапу сокращений, которые охватывали бы как развернутые, так и неразвернутые ядерные боезаряды, включая и те, которые предназначены для оснащения нестратегических носителей². Российская сторона до сих пор занимала выжидательную позицию (решение профильных комитетов Государственной Думы РФ вернуться к рассмотрению уже одобренного ими договора объявлялось серьезными сомнениями в поддержке Сенатом Договора в 2010 г.³). Однако можно предположить, что если Россия и сядет вновь за стол переговоров, то со своей стороны попытается включить в повестку дня вопросы, связанные с противоракетной обороной и стратегическими неядерными вооружениями⁴.

Настоящая работа посвящена проблематике стратегических неядерных вооружений. Как показано ниже, Россия и США расходятся в понимании того, как стратегические неядерные вооружения влияют на стратегическую стабильность. У сторон также нет и единого взгляда на то, какие виды неядерных вооружений следует относить к стратегическим. Ниже под **стратегическими неядерными вооружениями** будут пониматься вооружения в неядерном оснащении, которые способны обладать контрсилловым потенциалом, а следовательно – оказывать влияние на стратегический баланс сил США и РФ⁵.

В статье проведен анализ ограничений нового Договора СНВ по отношению к стратегическим неядерным вооружениям, показывающий, что в нем предусмотрены следующие меры:

- ❑ количественные ограничения на межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), пусковые установки (ПУ) МБР и БРПЛ, боезаряды МБР и БРПЛ в неядерном оснащении;
- ❑ меры транспарентности по отношению к стратегическим носителям в неядерном оснащении, для которых существуют носители аналогичного типа в ядерном оснащении (МБР, ПЛАРБ, тяжелые бомбардировщики);

- ограниченные меры транспарентности по отношению к стратегическим носителям в неядерном оснащении (ПЛАРК, ТБ), для которых аналогичные типы носителей в ядерном оснащении ликвидированы или переоборудованы.

Проведенный анализ также показывает, что новый Договор СНВ ограничивает стратегические неядерные вооружения значительно в меньшей степени, чем *старый* Договор. Более того, в новом Договоре отсутствуют запреты на развитие ряда видов стратегических вооружений, которые содержались в прежнем соглашении. В статье также обсуждаются возможные пути решения проблемы стратегических неядерных вооружений.

О ПОЗИЦИЯХ СТОРОН ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАТЕГИЧЕСКИМ НЕЯДЕРНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

В своих выступлениях президент РФ Д.А. Медведев неоднократно выражал обеспокоенность относительно стратегических систем, оснащенных обычным оружием, и высказывался о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях ядерных вооружений⁶. Российские официальные лица также подчеркивали тесную связь развиваемой Пентагоном концепции «Быстрого (молниеносного) глобального удара» (БГУ), в рамках которой разрабатываются стратегические неядерные вооружения, с программами развития ПРО⁷.

В последние годы опасности такого рода стали акцентироваться и в документах, определяющих взгляды военно-политического руководства России. И в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., и в Военной доктрине РФ, принятых соответственно в 2009 и 2010 гг., развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия отнесено к основным внешним военным опасностям для Российской Федерации наряду с созданием и развертыванием стратегической противоракетной обороны и милитаризацией космического пространства.

Тем не менее, необходимо признать, что российская сторона до сих пор явно не артикулировала, какие именно виды вооружений, помимо МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, она относит к стратегическим неядерным. Не исключено, что к числу таковых она причисляет и другие виды стратегических наступательных вооружений в неядерном оснащении – тяжелые бомбардировщики (ТБ), крылатые ракеты воздушного (КРВБ) и морского (КРМБ) базирования большой дальности. По мнению российских военных, эти вооружения также являются существенным дестабилизирующим фактором⁸. Возможно также, что речь может идти и о новых видах вооружений, которые ранее запрещались прежним Договором СНВ, но сейчас разрабатываются в рамках программ БГУ.

Взгляды американской стороны в отношении стратегических неядерных вооружений кардинально отличаются от взглядов России. Хотя, подписывая новый Договор СНВ, США признали влияние МБР и БРПЛ в обычном оснащении на стратегическую стабильность и согласились на ограничения в отношении таких систем, тем не менее, в перспективе они планируют развивать неядерные вооружения, обладающие стратегической дальностью, и, по меньшей мере, не считают необходимым делать их предметом будущих переговоров. Направляя новый Договор СНВ в Конгресс, администрация США заявила, что он не создает никаких препятствий для испытаний, развития и развертывания систем, разрабатываемых в рамках программ БГУ. Кроме того, американская сторона отметила, что не все новые виды вооружений, которые обладают стратегической дальностью, будут ею рассматриваться в качестве *новых видов СНВ*, подлежащих ограничениям нового договора. В частности, было подчеркнуто, что будущие неядерные вооружения, обладающие стратегической дальностью, не будут считаться стратегическими наступательными вооружениями для целей нового Договора СНВ, если таковые не оговорены его определениями⁹. Аналогичное понимание было зафиксировано и в резолюции комитета по международным делам Сената, принятой в отношении нового Договора СНВ¹⁰.

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ВИДЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НЕЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Новый Договор СНВ охватывает мерами транспарентности стратегические атомные подводные лодки (ПЛАРБ) типа *Огайо*, которые были переоборудованы в носители КРМБ большой дальности (ПЛАРК), и ТБ, ядерные задачи с которых были сняты. Кроме ПЛАРК, носителями КРМБ большой дальности являются также многоцелевые атомные подводные лодки (ПЛА) и надводные корабли, но эти виды вооружений не стали предметом нового Договора¹¹.

ПЛАРК с КРМБ большой дальности. Работы по переоборудованию четырех стратегических атомных подводных лодок типа *Огайо* в ПЛАРК были завершены в 2008 г. Каждая ПЛАРК способна нести по 154 КРМБ типа *Томагавк*. По старому Договору СНВ каждая из этих лодок засчитывалась как носитель 24 БРПЛ *Трайидент-1*, поскольку переоборудование лодок производилось без применения процедур ликвидации, предусмотренных прежним Договором.

Когда новый Договор СНВ вступит в силу, за четыремя ПЛАРК будет также засчитываться 96 неразвернутых ПУ БРПЛ *Трайидент-1*. Однако новым Договором предусмотрены упрощенные процедуры с целью выведения из зачета этих ПУ¹²:

Не позднее чем через 3 года после вступления Договора в силу США проводят одноразовый показ каждой из четырех лодок с целью подтверждения, что ПУ на таких лодках не способны произвести пуски БРПЛ.

После показов РФ будет обладать правом убедиться в том, что ПУ на ПЛАРК не подвергались обратному переоборудованию и остаются неспособными произвести пуск БРПЛ. Такого рода проверка возможна лишь в ходе инспекции первого типа на ПЛАРБ при условии, что на этой же базе ПЛАРБ находится и ПЛАРК. В общей сложности в течение всего срока действия договора разрешено не более шести подобных инспекций и не более двух инспекций на каждой ПЛАРК.

Если одна из сторон решит переоборудовать и другие ПЛАРБ в ПЛАРК, то такие лодки также будут подпадать под действие аналогичных мер, а дополнительное количество требуемых инспекций – согласовываться в рамках Двухсторонней консультационной комиссии (ДКК).

ТБ, оснащенные для неядерных вооружений. После вступления нового Договора СНВ в силу за США будет засчитываться менее 206 развернутых и неразвернутых тяжелых бомбардировщиков (47 *Б-1Б*, 18 *Б-2* и 141 *Б-52*), включая и те, которые ранее были выведены из боевого состава и находятся на базах хранения.

В результате выполнения нового Договора СНВ США планируют иметь не более 60 ТБ, оснащенных для ядерных вооружений, включая все 18 ТБ *Б-2* и не более 42 ТБ *Б-52*¹³. Остальные ТБ будут исключены из зачета преимущественно за счет переоборудования в ТБ, оснащенные для неядерных вооружений. На ТБ, оснащенные для неядерных вооружений, ограничения нового Договора СНВ не будут распространяться, однако в их отношении могут осуществляться инспекции второго типа, если такие ТБ находятся на авиабазах, то есть на объектах, на которых базируются развернутые ТБ.

Новый Договор СНВ не требует необратимости, фактически оставляя процедуры переоборудования на усмотрение той стороны, которая осуществляет такое переоборудование. Как известно, в процессе реализации прежнего Договора СНВ уже возникла ситуация, когда американская сторона так и не смогла продемонстрировать российской необратимость переоборудования ТБ *Б-1Б* в ТБ, оснащенные для ядерных вооружений, не являющихся ядерными КРВБ большой дальности¹⁴. Поэтому вполне вероятно, что аналогичная ситуация, но уже в отношении процедур переоборудования *ядерных* ТБ в *неядерные*, возникнет и в будущем. Более того, Договор СНВ предусматривает упрощенную процедуру исключения из зачета ТБ *Б-1Б*¹⁵, ядерные задачи с которых были сняты еще в рамках ядерной доктрины США, принятой в январе 2002 г.

- Не позднее чем через год после вступления договора в силу США проводят одноразовый показ ТБ *Б-1Б*, оснащенного для неядерных вооружений, с целью

демонстрации того, что данный ТБ *Б-1Б* не способен использовать ядерные вооружения. Фиксируются отличительные признаки ТБ *Б-1Б*, оснащенного для неядерных вооружений, от ТБ *Б-1Б*, оснащенного для ядерных вооружений.

- Все ТБ *Б-1Б*, которые были переоборудованы до завершения такого показа и имеют зафиксированные отличительные признаки, включаются в категорию ТБ, оснащенных для неядерных вооружений.

По завершении переоборудования последнего ТБ *Б-1Б* в ТБ, оснащенный для неядерных вооружений, ТБ *Б-1Б* перестанут подпадать под действие Договора¹⁶. С этого момента они могут базироваться за пределами национальных территорий или временно там размещаться без предоставления уведомлений¹⁷. Однако российская сторона будет иметь возможность инспектировать те ТБ *Б-1Б*, которые будут находиться на базах Дайсс и Элсуэрт. Такие инспекции будут проводиться с целью подтверждения того, что ТБ *Б-1Б* остается неспособным использовать ядерные вооружения. В ходе одной инспекции разрешается проинспектировать не более 3 ТБ. В каждый год может проводиться не более одной такой инспекции либо на базе Элсуэрт, либо на базе Дайсс, и они включаются в ежегодную квоту для инспекций второго типа.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВИДЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НЕЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

МБР и БРПЛ в неядерном оснащении. Новый Договор СНВ предусматривает ограничения на МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, на их ПУ и боезаряды:

- Развернутые МБР и БРПЛ в неядерном оснащении засчитываются в суммарный потолок 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых ТБ.
- Фактическое количество боезарядов на МБР и БРПЛ в неядерном оснащении будет засчитываться в суммарный потолок 1550 единиц для боезарядов на развернутых МБР и БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми ТБ.
- Развернутые и неразвернутые ПУ МБР и ПУ БРПЛ в неядерном оснащении также будут засчитываться в суммарный потолок 800 единиц для развернутых и неразвернутых ПУ МБР, развернутых и неразвернутых ПУ БРПЛ, развернутых и неразвернутых ТБ.

В отношении МБР и БРПЛ в неядерном оснащении предусмотрены инспекции первого типа. Договор не налагает каких-либо ограничений на количество боеголовок, с которыми испытывается тот или иной тип МБР и БРПЛ.

Анализ текста договора показывает, что в нем содержится *лазейка*, которая может позволить развертывание МБР в неядерном оснащении без каких либо ограничений. В частности, определение «неразвернутой пусковой установки МБР», принятое в новом договоре, исключает «пусковые установки на незащищенных позициях», каковыми по определению нового договора окажутся любые наземные стационарные пусковые установки МБР, не являющиеся шахтными пусковыми установками¹⁸. В то же время ПУ МБР на незащищенных позициях не относятся и к развернутым ПУ МБР, а потому не подлежат ограничениям договора. Прежний Договор СНВ явно запрещал развертывание МБР на незащищенных позициях, что было одним из препятствий для реализации проектов ВВС США по развертыванию МБР в обычном оснащении. Новый договор открывает такую возможность. Это будет означать, что если США примут решение разместить ПУ МБР на незащищенных позициях (ранее рассматривались такие варианты, как Ванденберг, м. Канаверал), то такие ПУ не будут ими учитываться в общем засчете для развернутых и неразвернутых ПУ МБР в ПУ на незащищенных позициях будут рассматриваться американской стороной как неразвернутые¹⁹, а потому она будет считать, что ни количество таких МБР, ни количество боеголовок на них не ограничивается Договором. В случае размещения, вероятно, США объявят место развертывания ПУ МБР

на незащищенных позициях испытательным полигоном, а потому оно не будет подлежать каким-либо инспекциям.

В рамках нового договора возможно выведение из зачета отдельных ПУ БРПЛ на подводных лодках путем переоборудования, исключающего использование таких ПУ для пуска БРПЛ²⁰. Американская сторона планирует иметь 240 развернутых БРПЛ *Трайден-2* на 12 ПЛАРБ²¹, так что на каждой лодке останется по 20 развернутых ПУ БРПЛ. Пока неизвестно о планах размещения какого-либо вооружения в переоборудованных ПУ БРПЛ. Не исключено, что в таких ПУ БРПЛ будут размещаться КРМБ большой дальности или иные ударные вооружения.

Российская сторона будет обладать правом инспектировать переоборудованные отдельные ПУ БРПЛ в ходе инспекций второго типа в течение всего периода действия договора с целью убедиться в том, что переоборудованные ПУ остаются неспособными производить пуски БРПЛ.

Иные перспективные стратегические неядерные вооружения. Как упоминалось выше, при обсуждении п. 2 ст. V ДСНВ американская сторона заявила, что новые виды неядерных вооружений, обладающие стратегической дальностью, не будут ею рассматриваться в качестве *новых видов СНВ*, подлежащих ограничениям нового договора. Тем самым она дала понять, что программы, развиваемые в рамках концепции БГУ, не будут ограничиваться новым Договором.

К настоящему времени программы БГУ в США находятся на стадии научно-исследовательских разработок, и решение о том, какие именно системы будут развернуты, пока не принято²². Вместе с тем можно предположить, что новый Договор СНВ не будет создавать каких-либо препятствий развитию или ограничений на развертывание в отношении следующих перспективных типов стратегических неядерных вооружений:

- ❑ ударных вооружений, использующих в качестве носителей разгонные ступени стратегических МБР, а в качестве боевой нагрузки – маневрирующие неядерные боеголовки. Если большая часть полета подобного ударного средства будет осуществляться не по баллистической траектории (к примеру, в случае пуска по настильной траектории), оно не будет подпадать под определение баллистических ракет²³, ограничиваемых договором;
- ❑ ТБ, переоборудованных в носители неядерных вооружений, включая неядерные баллистические ракеты *воздух–земля* (БРВЗ) и неядерные КРВБ большой дальности. В частности, Договор не будет запрещать развертывание неядерных КРВБ большой дальности на ТБ *Б-1Б*;
- ❑ новых тяжелых бомбардировщиков, оснащенных для неядерных вооружений, включая неядерные БРВЗ и неядерные КРВБ большой дальности;
- ❑ боевых самолетов, не являющихся ТБ (дальность менее 8000 км), но вооруженных неядерными КРВБ большой дальности;
- ❑ крылатых ракет наземного базирования с дальностью более 5500 км в неядерном оснащении²⁴.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НЕЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ

Несложно увидеть, что в контексте нынешних российско-американских отношений проблема стратегических неядерных вооружений, в некотором смысле, аналогична проблеме ПРО. США обосновывают необходимость развития стратегических неядерных вооружений, так же как и ПРО, целью обеспечить парирование ограниченных угроз *стран-изгоев*. Так же, как и в случае с развитием ПРО, Россия рассматривает эту тенденцию как угрожающую выживаемости перспективных стратегических ядерных сил. Опасения России усиливаются и тем, что зачастую в США стратегические неядерные вооружения рассматриваются в качестве первого рубежа противоракетной обороны, за-

дача которого – превентивно уничтожить угрожающие баллистические ракеты *стран-изгоев* или, во всяком случае, существенно снизить их ударный потенциал, повысив тем самым эффективность последующих эшелонов ПРО.

Проблема стратегических неядерных вооружений способна завести в тупик российско-американские переговоры по следующему этапу сокращений. Во всяком случае, в условиях, когда стороны еще не отказались от концепции взаимного ядерного сдерживания, а потенциал взаимного доверия еще низок, трудно ожидать прорыва в решении указанной проблемы.

Те же самые слова справедливы и в отношении проблемы ПРО. Любопытно, что американская сторона, осознав необходимость найти какое-то взаимоприемлемое решение этой проблемы, пытается инициировать начало совместных с Россией научно-технических программ по сотрудничеству в области ПРО¹⁴. Судя по всему, США рассчитывают на то, что успешное развитие подобных программ позволило бы укрепить доверие между сторонами, и Россия перестала бы видеть для себя угрозу в перспективной ПРО США. По-видимому, США будут рассматривать такой диалог по совместным программам ПРО как альтернативу обсуждению проблематики ПРО в контексте сокращения ядерных вооружений и предпримут попытку вычленить проблематику ПРО из диалога по СНВ.

Поскольку подходы сторон по проблеме ПРО коренным образом отличаются, а предшествующие неоднократные попытки кооперации двух сторон в этой области нельзя назвать удачными, трудно прогнозировать благополучный исход нынешнего диалога. Но даже если предположить, что предлагаемый США подход и позволит устранить проблему ПРО, в решении проблемы стратегических неядерных вооружений аналогичный подход вряд ли окажется применимым. Дело в том, что наряду с очевидными аналогиями есть и существенные отличия между проблематикой стратегических неядерных вооружений и проблематикой ПРО.

Во-первых, в отличие от диалога по ПРО, российско-американский диалог по стратегическим неядерным вооружениям фактически даже не начинался. И пока официальный Вашингтон не видит необходимости в обсуждении с Москвой указанной проблематики.

Во-вторых, как показывает развитие диалога двух сторон по сотрудничеству в области ПРО, чрезвычайно чувствительным является вопрос о направленности такого сотрудничества. Даже с учетом того, что перспективные совместные разработки будут иметь оборонительный характер, стороны пока не в состоянии прийти к консенсусу, какую именно угрозу они собираются парировать. Очевидно, любая попытка определить источник такой угрозы повлечет за собой существенные политические издержки для России, которая не относит какие-либо страны к *изгоям*. Гипотетическое сотрудничество в области наступательных вооружений имело бы еще более далеко идущие политические последствия, и прежде всего – для России.

И наконец, возможно, у Москвы и есть предложения для Вашингтона в области технических разработок для ПРО. Однако в области развития высокоточных вооружений США явно опережают Россию. Этот дисбаланс будет со временем лишь усиливаться, поскольку Россия не способна в развитие этого направления вкладывать средства в тех же масштабах, что и США.

На нынешнем этапе решение проблемы стратегических неядерных вооружений представляется возможным лишь в рамках диалога по сокращению СНВ. И здесь возможен подход, аналогичный применявшемуся в переговорах по новому Договору СНВ. Россия была заинтересована в сокращениях СНВ США, а США – в транспарентности российских стратегических сил. Несмотря на то, что интересы сторон были асимметричны, тем не менее, в результате удалось достичь компромисса. Переговоры по следующему этапу сокращений ядерных вооружений, вероятно, не ограничатся вооружениями, которые явились предметом нового Договора СНВ. Поэтому поле для нахождения потенциально-го компромисса может оказаться более широким. К примеру, не исключено, что Россия могла бы попытаться добиться существенных преимуществ в решении проблем ПРО и стратегических неядерных вооружений, сделав уступки в решении проблематики не-

стратегических ядерных вооружений. Насколько стороны готовы к подобной постановке вопроса – покажет время. 🗨️

Примечания

- ¹ Резчиков Андрей, Госдума пошла на Договор, *Взгляд*, 24 декабря 2010 г., <http://www.vz.ru/politics/2010/12/24/457390.html> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ² Nuclear Posture Review Report. 2010, 6 April. <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20Nuclear%20Posture%20Review%20Report.pdf> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ³ Никольский А., Химшиашвили П. Перезагрузка договора. *Ведомости*. 2010, 8 ноября.
- ⁴ Дьяков А.С., Кадышев Т.Т., Мясников Е.В. К вопросу о дальнейших сокращениях ядерных вооружений. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный, 3 февраля 2010 г. <http://www.armscontrol.ru/pubs/post-start-reductions-ru.pdf> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁵ О влиянии неядерных высокоточных вооружений на стратегический баланс см., например: Мясников Е. Контрсилловой потенциал высокоточного оружия, В кн.: *Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры*, под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 105–128.
- ⁶ См., например: Выступление президента РФ Д.А. Медведева в Университете Хельсинки и ответы на вопросы аудитории. 2009, 20 апреля. <http://news.kremlin.ru/transcripts/3805/print> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.); Выступление президента РФ Д. Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 2009, 24 сентября. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5552> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁷ Тезисы выступления Директора ДВБР МИД России А.И. Антонова на заседании Совета Россия–НАТО, 17 октября 2007 г. http://www.nato-russia-council.info/html/RU/news_32.shtml (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁸ См., например: Волковицкий В.Ю. Прикрытие стратегических ядерных сил – важнейшая задача военно-воздушных сил. *Воздушно-Космическая Оборона*. N 1. 2010, январь–февраль. <http://www.vko.ru/DesktopModules/Articles/ArticlesView.aspx?tabID=320&ItemID=350&mid=2869&wversion=Staging> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.); Волженский М. ПРО: замаскирована под защиту, создана для нападения. *Известия*. 2007, 28 мая. <http://www.izvestia.ru/politic/article3104617/> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁹ Article-by-Article Analysis of New START Treaty Documents. Bureau of Verification, Compliance, and Implementation. 2010, 5 May. Article V. P.13. <http://www.state.gov/t/vci/trty/141829.htm> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ¹⁰ U.S. Congress, Senate Committee on Foreign Relations, Treaty With Russia on Measures for Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (the New START Treaty). 111th Cong., 2nd sess. 2010, 1 October. Exec Rpt. 111–6. P. 92–93.
- ¹¹ В ходе прежних переговоров по СНВ Россия неизменно настаивала на том, чтобы ввести ограничения на ядерные КРМБ большой дальности и их носители, но США категорически возражали против таких ограничений. По словам директора Центра международной безопасности ИМЭМО А.Г. Арбатова, на переговорах по новому Договору СНВ обе стороны кардинально поменяли позиции. США, приняв решение об отказе от ядерных КРМБ большой дальности *Томагавк* в новой ядерной доктрине, поставили вопрос ограничения КРМБ большой дальности, но российская сторона отказалась его рассматривать (ответы А.Г. Арбатова на вопросы в ходе семинара «Оценка нового Договора о СНВ. Перспективы ратификации договора» в Центре Карнеги, 27 мая 2010 г.). <http://www.carnegie.ru/events/?fa=2934> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ¹² Протокол к Договору СНВ. Глава 9, Второе согласованное заявление.
- ¹³ Statement of Secretary of Defense Robert M. Gates before the Senate Foreign Relations Committee May 18, 2010. <http://foreign.senate.gov/imo/media/doc/GatesTestimony100518a.pdf> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ¹⁴ Вильданов М. Камень за пазухой. *Национальная Оборона*. Март 2010. <http://www.oborona.ru/283/308/index.shtml? id=4606> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

З
И
Л
А
Н

- ¹⁵ Протокол к Договору СНВ. Глава 9. Первое согласованное заявление.
- ¹⁶ Договор СНВ. Ст. III, п. 7.
- ¹⁷ Договор СНВ. Ст. IV, п. 11.
- ¹⁸ Протокол к Договору СНВ. Глава 1.
- ¹⁹ Согласно определениям нового Договора СНВ, неразвернутая МБР – это МБР, которая не содержится в развернутой ПУ МБР или на развернутой ПУ МБР.
- ²⁰ Протокол к Договору СНВ. Глава 3, разделы I, IV.
- ²¹ Согласно планам МО США, наряду с 12 ПЛАРБ еще 2 ПЛАРБ будут находиться в плановом ремонте. ПУ БРПЛ, связанные с такими лодками, не будут относиться к развернутым.
- ²² Более подробно о текущем состоянии программ БГУ см., например: Woolf Amy F. Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. *CRS Report*. 2010, 25 October.
- ²³ Протокол к Договору СНВ. Глава 1.
- ²⁴ КРНБ дальностью менее 5500 км запрещены Договором о ракетах средней и меньшей дальности.
- ²⁵ Rose Frank A. Prospects for U.S.-Russia Missile Defense Cooperation. Remarks at the 11th Royal United Services Institute for Defence and Security Studies (RUSI) Missile Defence Conference, London, United Kingdom. 2010, 27 May. <http://www.state.gov/t/vci/rls/142329.htm> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

В чем состоят основные проблемы военного реформирования России? Как был использован иностранный опыт при планировании реформы? Как мировой опыт еще может быть использован для решения задач военного строительства в России?

17 ноября 2010 г. в ПИР-Центре состоялась неофициальная встреча российских и зарубежных военных экспертов, на которой обсуждались эти и другие вопросы. С основным докладом выступил полковник ГРУ в отставке, член Совета по внешней и оборонной политике, член Общественного совета при Министерстве обороны Виталий **Шлыков**. На встрече выступили полковник, атташе по вопросам обороны Швейцарии Урс **Зульзер**; бригадный генерал, атташе по вопросам обороны Посольства Франции Жан **Морен**. В дискуссии также принимали участие: Виктор **Есин**, Марк **Макгеон**, Александр **Радчук**, Александр **Савельев**, Александр **Шаравин** и сотрудники ПИР-Центра.

В.В. ШЛЫКОВ (СВОП, ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПРИ МО РФ). Изучением военного опыта зарубежных стран я начал заниматься больше для удовлетворения собственного любопытства, когда оказался вне военной службы. Надежд на практическое применение своих знаний я не питал, ибо ни российское военное руководство, ни общество в целом интереса к иностранным армиям до последнего времени не проявляли. Просто любознательность присуща разведчикам, а я как-никак 30 лет проработал в ГРУ, в том числе последние 10 лет возглавлял в ГРУ управление исследований и прогнозирования военно-экономического потенциала зарубежных государств.

Интересовало же меня многое, и прежде всего высшие органы военного управления. В частности, я всегда считал, что министром обороны должен быть только гражданский человек и что только он сможет провести необходимую военную реформу российской армии. Поэтому, когда в 1992 г. министром обороны назначили генерала П.С. Грачева, мне стало ясно, что никаких военных реформ в России не предвидится, и я тут же подал в отставку. В том же году я вместе с С.А. Карагановым, А.В. Цалко и В.А. Рубановым учредил независимый Совет по внешней и оборонной политике (СВОП). Я стал много ездить по миру и изучать чужие армии. Побывал в США, Израиле, Германии, Франции, во всех скандинавских странах. Знакомился с учебными заведениями, штабами, центрами военной мысли. Меня поразило, насколько все армии разные, если внимательно к ним приглядеться, и не только в мелочах, но и в принципиальных вопросах. И тогда я стал искать *общие черты* во всех этих армиях и нашел примерно 15–20 таких общих черт, которые присущи всем современным армиям мира без исключения. Естественно, на первом месте там стояло *гражданское министерство обороны*. А дальше все, что сейчас называется или считается реформой – от военной полиции, сержантов до профессионального офицерского образования – все было там перечислено.

Составив такой список, я с ужасом обнаружил, что это как раз те черты, которые *напрочь* отсутствуют в российской армии, отсутствовали в Советской Армии, а большинство из них отсутствовали даже в царской армии. Это побудило меня высказать *крамольную* мысль о том, что *наша армия выпала из мирового развития*. И я предложил просто использовать эти общие черты без долгих раздумий и споров при строительстве российской армии, вернувшись тем самым в русло мировой военной мысли и практики.

Мне было больно видеть, как в новой России оказавшиеся на посту министра обороны генералы под флагом реформы просто оттесняют от *финансового пирога* и высших должностей своих соперников из других видов вооруженных сил в пользу собственного вида войск. Десантники в лице своего министра обороны П.С. Грачева ущемляли пехотинцев, пехотный министр обороны И.Н. Родионов платил им сторицей, ракетчики при И.Д. Сергееве все ассигнования на закупки вооружений тратили на свои *Тополя*, и так далее.

При этом становилось очевидно, что люди в лампасах, как правило, не знают, оказавшись наверху, что делать с армией в целом. Да и откуда генералы, сменявшие друг друга на посту министра обороны, могли взять план реформы? В результате с каждой новой *реформой* происходило разрушение Вооруженных сил. Я понял, что еще *одна-две реформы* – и от Вооруженных сил ничего не останется. Поэтому мое предложение было сформулировано просто – *делайте как все*. При этом я ссылался на Петра Великого – он брал то общее, что было у современных армий своей эпохи, и жестко внедрял у себя.

В 2003 г. СВОП подготовил и направил в Генштаб большой доклад с предложениями по модернизации российских Вооруженных сил. Руководить авторским коллективом (в него вошли А.Г. Арбатов и В.З. Дворкин) было поручено мне. В докладе мы предложили, в частности, сократить численность офицеров до уровня, принятого в современных армиях мира, упразднить институт прапорщиков, создав взамен корпус кадровых сержантов, учредить военную полицию, создать объединенные командования, перейти к территориальному принципу комплектования армии рядовым составом, переподчинить ГРУ министру обороны и, главное, сосредоточить всю власть в руках сильного гражданского Министерства обороны, ограничив полномочия Генштаба функциями планирования, аналитики и доведения до войск указаний министра.

Восемь раз доклад возвращался из Генштаба с самыми оскорбительными замечаниями в наш адрес – «авторы идут на поводу у НАТО, пытаются пристегнуть нашу военную мысль к западным взглядам и даже занимаются провокациями». Тем не менее, мы его опубликовали. Его и сейчас можно найти на сайте СВОП. Думаю, он так и остался бы проигнорированным Генштабом, если бы не пришел новый министр обороны – А.Э. Сердюков. Полноценный, наконец, гражданский министр обороны, сумевший найти и назначить на должность начальника Генштаба и другие высокие посты людей, осознавших необходимость реформ и изучения чужого опыта.

И практически *в одночасье* предложения СВОП стали основой строительства *нового облика Вооруженных сил РФ*. Но Сердюков не ограничился принятием наших продиктованных здравым смыслом и мировым опытом предложений. Он пошел дальше, решительно упразднив предназначенные для мобилизационного развертывания части и соединения неполного состава и резерва. И я был первый, кто сказал, что это самая большая военная реформа за последние 150 лет со времен реформ военного министра Милютина во второй половине XIX в.

Однако на пути строительства Вооруженных сил нового облика еще немало трудностей. Уже четверть века мы никак не можем определиться, например, как же все-таки нам комплектовать армию, по призыву или по контракту? Еще в 1990 г. я написал раздел «Принципы комплектования вооруженных сил мира» для книги «Армия и общество», основная идея которого состояла в том, что есть не два, а три основных принципа комплектования вооруженных сил. И выбор подходящего принципа определяется национальными условиями. Первый – это комплектование по призыву. Второй – по контракту, или на добровольной основе. И есть, наконец, третий – милиционный принцип комплектования.

Милиционный принцип используется в Швейцарии и Израиле, где очень жестко соблюдается всеобщая воинская повинность. Вкратце милиционный принцип комплектования армии – это формирование армии *гражданами в форме*. Он состоит в том, что служба в такой армии проходит без отрыва солдат и офицеров на длительное время от привычной гражданской жизни. При этом данный принцип вполне совместим с комплектованием армии и на контрактной основе.

Изучение швейцарской модели, на мой взгляд, позволило бы нам выйти из тупика, в который нас загнали ведущиеся уже почти 25 лет споры о преимуществах комплектования по контракту и по призыву.

УРС ЗУЛЬЗЕР (ВОЕННЫЙ АТТАШЕ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ ШВЕЙЦАРИИ В РОССИИ): Я хотел бы немного подробнее рассказать о Вооруженных силах Швейцарии, раз мы здесь затрагиваем милиционный принцип комплектования. Вооруженные силы Швейцарии с 1995 г. находятся в процессе постоянного реформирования. Фундаментальные изменения произошли в течение последних 15 лет. В том числе количество военнослужащих было уменьшено с 600 000 до 200 000 человек.

Как и во многих других странах, в рамках реформы необходимо было сокращать военный бюджет. Парламент Швейцарии в течение последних 20 лет (с 1990 г.) уменьшил бюджет Вооруженных сил вдвое (исходя из реальной покупательной способности национальной валюты). Были сокращены расходы на вооружение, используемое для так называемых *традиционных войн*, то есть артиллерию, оборонительные сооружения и воздушный флот. Однако заново были оснащены пехотные соединения и спецподразделения, что связано с необходимостью адекватного ответа на новые угрозы, такие как терроризм, а также необходимостью лучше защитить инфраструктуру Швейцарии в возникающих обстоятельствах. Общая воинская повинность осталась, хотя количество призывников уменьшилось, и теперь у армии есть возможность выбрать самых достойных с помощью разнообразных тестов, как физических, так и психологических. Из всех молодых людей призывного возраста около 65% служат в армии. За последнее время увеличился вклад Швейцарии в международные миротворческие мероприятия.

Можно констатировать, что в целом реформирование прошло удачно. Поручение швейцарского парламента – уменьшить расходы на армию – было выполнено.

Международная тенденция, в том числе в Швейцарии и в России, – снижать расходы в области обороны. Для эффективного контроля расходов необходима прозрачность. Бюджет Вооруженных сил России не должен быть закрытым. Он должен открыто обсуждаться в парламенте и в обществе. Только таким образом возможно обеспечить и гарантировать эффективное использование средств.

Я также считаю, что необходимо сделать службу в российской армии более привлекательной для образованных молодых людей. Российская политическая элита должна стать примером для общества, отправляя своих сыновей служить в армию.

В России в данный момент существует *гибридная* форма комплектования армии. С одной стороны, существует общая воинская повинность и резерв, то есть в какой-то степени *милиционный* способ комплектования уже есть. С другой стороны, в России существует и профессиональная армия, доля которой по отношению к количеству призывников и резервистов больше, чем в швейцарских Вооруженных силах. Конечно, возможно уменьшение данного коэффициента.

ШЛЫКОВ: На самом деле, вопрос комплектования сам по себе – это *третьестепенный* вопрос по сравнению с другими задачами военного строительства. Если есть профессионально подготовленный, полноценный офицерский корпус и кадровый, карьерный сержантский состав, то любая армия будет хорошей и эффективной – и добровольческая, и призывная. Но если этого нет – ни офицерского корпуса, ни сержантов, то, как ни комплектуй армию, полноценной она не будет. И вот сейчас, с сокращением срока призыва с двух лет до одного года, создалась тревожная ситуация, которая может даже повредить *смелой* реформе, которую начал А.Э. Сердюков.

Что же меня беспокоит? Советская армия последних десятилетий и российская армия до 2007 г., конечно же, держались на дедовщине. И это скрепляло ее, потому что в отсутствие сержантов это был единственный способ поддерживать дисциплину в войсках.

Сейчас в армии стало вдвое больше призывников, почти никем не контролируемых, потому что офицеров, особенно воспитателей, сократили. Прапорщиков упразднили. При этом нет гауптвахт – их тоже фактически закрыли еще при С.Б. Иванове. Нет сержантов. Нет военной полиции. Что в этих условиях может сделать офицер? Только мордобоем он может какое-то подобие дисциплины устанавливать. Но тогда он перестает быть офицером. Офицер – это человек, *управляющий насилием, аналитик*, он должен постоянно учиться, он должен думать. Не его дело – проводить время в казарме, следя за дисциплиной. Это *дикость*, которая только в нашей армии существует. Я с 1990 г. не перестаю цитировать Тома Клэнси, который говорит, что «Советская Армия – это первая в современной истории армия, которая пытается жить без сержантов. Все армии, если они чего-либо стоят, держатся на сержантах. Это вам скажет любой профессиональный офицер. Так было во все времена, начиная с галльских походов легионов Цезаря».

Суррогат сержанта был найден в лице дедов. А теперь дедов не стало, и произошла вспышка казарменного насилия. Преступность возросла за первые девять месяцев 2010 г. на 30%. Прокуратура встревожена и указывает на то, что сократили офицеров, особенно офицеров-воспитателей, ликвидировали прапорщиков, то есть прокуратура бьет по Сердюкову, хотя не он сократил срок службы по призыву. Это сделали В.В. Путин и С.Б. Иванов, пообещав компенсировать сокращение срока призыва увеличением числа контрактников, а главное, переводом всех сержантов на контрактную основу.

Положение как-то нужно исправлять. Вот в этом смысле нужно понимать и учреждение с 1 декабря 2010 г. военной полиции. Если ее численность действительно будет 20 000 человек, то это большая сила. В общем, какие-то паллиативные меры предпринимаются (разрешение призывникам иметь мобильники, разрешение покидать казарму в субботу и воскресенье), и, надеюсь, они позволят удержать ситуацию. Но исправить ее радикально невозможно, пока не появится полноценный и многочисленный сержантский корпус.

Те сержанты, которых с большой рекламой сейчас готовят в Рязани 2 года и 10 месяцев, заменой такого корпуса никак быть не могут. В современных армиях в среднем на двух рядовых солдат приходится один сержант. Это означает, что нам понадобятся 200–300 тысяч сержантов. А в Рязани их готовится несколько сотен, и первые выпускники появятся лишь через пару лет.

Сержанты, которых готовят сегодня в Рязани, – это те же прапорщики и мичманы, просто они дольше учатся. И при этом отвыкают от общения с солдатами. А солдаты доверяют сержанту, только если он всегда с ними. Сержант также силен тем, что он образует командную вертикаль, которая пронизывает армию сверху донизу. У сержанта должна быть карьера, желательно на всю жизнь. А сержантам из Рязани расти дальше некуда. Кроме того, кем они будут командовать? Их готовят или как технических специалистов *экстра-класса*, или как заместителей командира взвода. А кто в это время будет жить с солдатами в казарме? Существующий сейчас подход никак не решает проблему. И узкая задача – понять, что такое сержант – тоже никак не решается.

Тип комплектования в любом случае зависит от целей. Если мы хотим иметь компактную контрактную армию, то можно принять американскую систему подготовки резервистов на милиционной основе. Очень быстро укомплектуем, и дешевле получится, чем при нынешней системе набора контрактников. Хотим иметь многочисленную армию? В 1990 г., когда швейцарская армия была на пике, ее численность составляла 650 тыс. человек. И это был не резерв. Мы в Советском Союзе могли бы тогда по такой системе позволить себе набрать 14–15 млн солдат. Сейчас, используя швейцарскую модель, мы можем себе позволить армию в 4,5 млн человек, не удлиняя сроки службы. И при этом Швейцария тратит на очень большую по европейским масштабам армию меньше одного процента ВВП.

И.Ю. МИРОНОВА (ПИР-ЦЕНТР): Заимствование международного опыта может вестись по нескольким направлениям – это и принципы ведения боевых действий, и принципы закупок иностранных вооружений, и принципы оснащения частей этими вооружениями, а также организационно-штатная структура. Как используется международный опыт в нашей реформе в этих областях?

ШЛЫКОВ: Очень важный аспект нынешней реформы – военно-промышленный. Потому что, как ни комплектуй, чем вооружать армию? Вооружать ее особенно нечем, потому что военная промышленность находится в гораздо худшем состоянии по сравнению с Вооруженными силами. Это развалины советской промышленности – не больше. Хотя среди этих развалин есть очень ценные очаги. Но единой системы развития ОПК нет.

Нам нужно знать, во-первых, *какая* будет армия, скажем, в 2020 г., перед тем как решить, чем начать ее перевооружать. Если будет профессиональная армия – одно вооружение будет. Милиционная – другое. Призывная – третье. Это решить нужно заранее.

Еще один сложный вопрос – как построить *отношения* с промышленностью. По моему убеждению, военная промышленность должна находиться в подчинении гражданского Министерства обороны, а сейчас ею никто на самом деле не управляет. Как она работает? Сегодня это сотни разрозненных предприятий, которые как-то выживают, кто за счет экспорта, а кто и за счет воровства. То есть такая промышленность не даст нового вооружения при любом способе комплектования.

То, что делает Сердюков, продиктовано здравым смыслом, но скоро мы подойдем к вопросу, чем вооружать армию и как строить оборонную экономику. И там, я уверен, одного здравого смысла уже не хватит. Нужна будет наука. Но нет у нас ни одного независимого исследовательского научного центра, который бы не просто мнение высказывал и доклады начальству помогал писать, а который занимался бы *независимо от Министерства обороны* этими вопросами.

А.В. РАДЧУК (ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ): Для того чтобы оценить последствия тех шагов, которые мы предпринимаем (в том числе и в ходе реформы), что должно идти первым? Слово или дело? Наверное, все-таки слово. На Ваш взгляд, Виталий Васильевич, можно ли сегодня сформировать *команду специалистов*, которая и займется тем, что проведет анализ ситуации и даст квалифицированные независимые рекомендации реформаторам? Я не говорю, что сама команда будет независимой. Независимой науки нет нигде в мире, потому что одни работают на бюджетные деньги, а другие работают на гранты. Поэтому, на Ваш взгляд, можно ли сегодня из работающих в госструктуре людей сформировать такую команду и кому конкретно она может быть нужна?

ШЛЫКОВ: С чего начал Роберт Макнамара после назначения на пост министра обороны в 1961 г., когда он оказался в таком же положении, как мы сейчас, то есть перед лицом отсутствия у министра серьезных рычагов контроля за оборонным госзаказом? Он начал, прежде всего, с формирования независимых исследовательских центров, важнейшим из которых стал Институт тылового менеджмента (Logistic Management Institute). По поводу его создания Макнамара обратился со специальным письмом к президенту Кеннеди, в котором проинформировал его о трудноразрешимых проблемах в области взаимоотношений с военной промышленностью. В письме он писал, что добиться прорыва в сфере госзакупок, на которые тратится половина оборонного бюджета, можно будет только в том случае, если будет создана особая организация из высокоталантливых специалистов в области бизнес-менеджмента, занятых на постоянной основе. Финансироваться такая организация должна из госбюджета, а ее независимость должна обеспечиваться советом попечителей, составленным, по выражению Макнамары, «из людей с высокой репутацией в национальном масштабе». Сейчас Институт тылового менеджмента – это авторитетнейшая структура в области контрактации и госзаказа с тысячей высококвалифицированных сотрудников, а письмо Макнамары с резолюцией Кеннеди там висит на самом видном месте.

Американское руководство сознательно насаждает и финансирует независимые центры экспертизы в самых различных областях. В настоящее время в США насчитыва-

ется 36 так называемых «финансируемых правительством центров НИОКР» (Federaly funded research and development centers), на которые Конгресс ежегодно выделяет от 7 до 8 млрд долл. В частности, на Пентагон работают такие авторитетные центры, как Институт оборонного анализа, Корпорация *Аэроспейс*, Центр военно-морского анализа и другие.

Сразу после назначения Сердюкова министром обороны я опубликовал в журнале *Россия в глобальной политике* статью «Один в поле не воин», в которой предупреждал, что если он не создаст подобные независимые центры экспертизы – а только он заинтересован, чтобы они появились – у нас все будет по *принципу Питера*. То есть, используя термин Лоуренса Питера, министр останется *вершиной пирамиды без основания (a free-floating apex)*, то есть реформатором-одиночкой. К сожалению, за три года он ничего в этом направлении пока не сделал.

И поэтому мое предложение здесь заключается в том, чтобы обратиться к президенту РФ с предложением создать независимую президентскую комиссию по образцу подобных комиссий, которые создаются по ключевым вопросам не только в США (blue ribbon commissions), но и в других странах, когда решаются принципиальные вопросы обороны. Эти комиссии создаются из независимых людей, ни в коем случае не из политиков и ни в коем случае не из действующих генералов.

ЖАН МОРЕН (АТТАШЕ ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ ПРИ ПОСОЛЬСТВЕ ФРАНЦИИ В РОССИИ):

Я хотел бы рассказать о французском опыте реформирования Вооруженных сил. Реформа Вооруженных сил во Франции начиналась примерно 20 лет назад, после распада СССР и после первой войны в Персидском заливе. Наш президент Франсуа Миттеран отказался направлять призывников на эту войну. После этого президент Жак Ширак решил провести *профессионализацию* Вооруженных сил. Переход на профессиональную армию прошел в период с 1996 по 2002 гг.

В 2008 г. была написана новая Белая книга по вопросам обороны и безопасности. И сейчас снова проходит большая реформа. Ключевой вопрос любой военной реформы заключается в том, чтобы определить число военнослужащих. Обычно заявляется о необходимости сократить личный состав. Но этого недостаточно. Необходимо также покупать или производить современную военную технику.

Что такое военная реформа? Это постоянный баланс между поставкой новых вооружений для Вооруженных сил и эффективным использованием финансовых ресурсов, а также баланс в смысле политической власти. И здесь у каждой страны возникают свои трудности. Когда военные действия проводятся не на территории страны, а далеко, скажем, в Афганистане, гражданин не думает об этом. Последняя огромная война, которую *испытали* французы, – это Первая мировая война. Во время Второй мировой войны, конечно, у нас были потери. Большие потери. Но не такие, как у русских или немцев. И поэтому *смерть* для гражданского сегодня – это нечто далекое и непонятное.

По-моему, самое важное решение последней военной Белой книги – это решение сохранить весь спектр стратегических задач, сохранить независимость разведки и независимость в определении настоящей обстановки. Пока мы справляемся. Думаю, что это хороший путь. Мы справляемся с задачей поиска баланса потребностей и ресурсов.

ШЛЫКОВ: Я подведу итог. Мировой опыт нам очень может пригодиться, особенно прошлый, включая *опыт 50-летней давности (реформы Макнамары)*. Попытки перенести нынешний мировой опыт в современные российские условия – это безнадежные попытки. А вот прошлый опыт, если его правильно истолковать и форсированно применять может быть чрезвычайно полезен. А дальше надо идти *своим умом*. 🇷🇺

Виктор Литовкин

БУЛАВА НАДЕЖДЫ

В пятницу 29 октября 2010 г. в 5.10 утра по московскому времени с борта тяжелого атомного подводного крейсера *Дмитрий Донской* (проект 941УМ класса *Акула*, или *Turpoon* по западной классификации) в очередной раз была запущена межконтинентальная баллистическая твердотопливная ракета *Р30 ЗМ30 (РСМ-56) Булава* (код НАТО – *SS-NX-30*). Пуск осуществлялся из подводного положения из акватории Белого моря и, как заявил официальный представитель ВМФ России, «через 20 минут головные части ракеты в установленные сроки прибыли на полигон Кура, расположенный на Камчатке». «Телеметрическая информация о пуске и полете ракеты еще обрабатывается, – сообщил он в тот же день, – однако уже сейчас можно заключить, что пуск и полет ракеты прошел в штатном режиме»¹, ракета успешно поразила цель.

Это был 14-й испытательный пуск *Булавы* со времени ее создания и второй в 2010 г. Пуск, проведенный за три недели до этого, 7 октября, тоже оказался успешным. Испытания *РСМ-56*, предназначенной для вооружения новых перспективных атомных подводных крейсеров класса *Борей* (проект 955\955А\955У) – первого из них, уже практически закончившего ходовые испытания *Юрия Долгорукого* и строящихся на Северодвинском заводе *Севмашпредприятие*, что расположен в Архангельской области, его собратьев – *Александра Невского*, *Владимира Мономаха* и *Святителя Николая*, – наконец-то начали приобретать устойчивую положительную динамику. И если следующий, 15-й пуск, который запланирован на весну 2011 г., с борта *родного* для *Булавы* корабля – *Юрий Долгорукий* – произойдет так же успешно, как и два последних, можно будет считать, что надежда России, ее политического и военного руководства на обновление морского ядерного щита воплощается в жизнь, несмотря на ряд катастрофических неудач, которые не обошли стороной эту долгожданную ракету на протяжении всего цикла ее создания. Как утверждает вице-премьер правительства С.Б. Иванов, постановка на боевое дежурство может произойти только осенью 2011 г. после 5–6 новых испытаний, которые запланированы на весну и лето того же года.

СИМВОЛ НОВОЙ РОССИИ

Созданию и испытаниям *Булавы*, наверное, не стоило бы уделять столь много внимания, если бы *РСМ-56* волей-неволей не превратилась в своеобразный символ новой, постсоветской России. Если бы в ней, в ее успехе или провале, не видели возможности оборонно-промышленного комплекса страны создавать новое стратегическое оружие, способное обеспечить ее безопасность, независимость и суверенитет, а также сохранить за Кремлем его ведущую роль в мировой политике. И, видимо, поэтому вокруг этого морского ракетного комплекса было так много интриг, скандалов и противоречивых оценок, как на уровне экспертов, так и в правительственных кругах.

И
И
А
Т
Н
Е
М
К
О
М

Дело в том, что создавать новый межконтинентальный ракетный комплекс для заложённой в 1996 г. на стапелях *Севмашпредприятия* атомной подводной лодки класса *Борей* поручили Московскому институту теплотехники (МИТ), известному своими твердотопливными наземными стратегическими ракетными комплексами *РТ-2ПМ Тополь* (*SS-25 Sickle*, как их называют на Западе) и *РТ-2ПМУ Тополь-М* (*SS-27*), грунтового и шахтного базирования. *Тополь-М*, как и вставший на боевое дежурство в начале 2010 г. подвижный грунтовой ракетный комплекс *РС-24 Ярс* с головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), тоже созданный в МИТе, сегодня и в перспективе составляют и должны составить основу отечественных стратегических сил сдерживания. Трехступенчатая, твердотопливная *Булава*, способная нести до десяти гиперзвуковых маневрирующих головных блоков индивидуального наведения, меняющих на траектории полета высоту и курс и поражающих цели на расстоянии в 8 тыс. км, тоже должна стать основой морских стратегических ядерных сил сдерживания. Те ракетные комплексы, которые сегодня стоят на вооружении ВМФ (*Р-29Р* или *3М40*, *РСМ-50 Скиф*, *SS-N-18*, а также *Р-29РМ* или *РСМ-54 Синева*, *SS-N-24*), как и несущие их атомные подводные лодки (АПЛ) *667БДР* и *667БДРМ*, класс *Кальмар* и *Дельфин*, в ближайшие 10–15 лет выработают свой технический ресурс, и их необходимо будет заменить более эффективным и высокоточным оружием. На серию проекта 955 класса *Борей* и на его ракету – вся надежда.

Но ситуация с созданием морской стратегической ракеты осложнялась тем, что МИТ никогда не делал ракет для ВМФ. Этим в стране всегда занималось Миасское КБ имени Макеева, сегодня ГРЦ имени Виктора Макеева. Оно поначалу и разрабатывало для *Юрия Долгорукого* и всей серии проекта 955 новый стратегический ракетный комплекс *Д-19 Барк*. Но ракета, что называется, не пошла. Три ее испытания, проведенные одно за другим, закончились неудачей.

Военные эксперты и сегодня расходятся в определении причин тех неудач. Одни утверждают, что в их основе лежали технологические небрежности, которые допустили специалисты, собиравшие ракету. Другие во всем винят несовершенство конструкции. Третьи *кивают* на то, что во главе Вооруженных сил тогда стоял выходец из ракетных войск стратегического назначения, ныне покойный маршал России И.Д. Сергеев, и разработки Московского института теплотехники ему были ближе, чем изделия морского КБ. И потому при первых же неудачах, а они при испытании такого сложного оружия, как стратегические ракетные комплексы, неизбежны, он принял решение в пользу своих *любимчиков*. Тем более что они ему обещали, что *Булава* будет максимально унифицирована с новым *Тополем-М*, а это экономит огромные деньги, необходимые для разработки морской ракеты.

На самом деле, как утверждает бывший начальник вооружения Вооруженных сил России генерал-полковник А.П. Ситнов, окончательное решение о создании новой ракеты вместо *Барка* было принято после того, как КБ имени Макеева не сумело сделать морской ракетный комплекс массой до 40 т, как это требовалось по тактико-техническому заданию для новой АПЛ класса *Борей*. Макеевцы предлагали ей 100-тонную ракету, которая никак не укладывалась в схему развития морских стратегических ядерных сил. Генерал отметил, что «было принято решение уйти на малогабаритную ракету с учетом перспективного топлива, которое тогда у нас появилось. Тем более, что у МИТа была уже отработана ракета *Курьер* – достаточно продвинутый комплекс с дальностью 9,5 тыс. км и весом 16 т»².

По его словам, эти наработки впоследствии легли в основу проекта *Булавы*. Первоначально планировалось, что новая ракета будет весом 26–28 т, однако впоследствии, когда выяснились проблемы с производством отечественных новых материалов, вес ракеты пришлось несколько увеличить, сказал А.П. Ситнов.

Бывший начальник вооружения отметил, что на конкурс по морской ракете были приглашены ведущие ракетостроительные разработчики, но «конкурс выиграл МИТ, поскольку дал наиболее детально проработанный проект и предложил использовать заделы, полученные при создании комплекса *Тополь-М*, в том числе по третьей ступени и эле-

ментной базе. Было принято также решение информационную среду *Булавы* сделать по схеме, разработанной для *Тополя-М*»³.

Специалисты вспоминают, что примерно такая же история, как с *Барком*, произошла в начале семидесятых годов прошлого века, когда в стране создавался новый атомный подводный крейсер стратегического назначения проекта 941 *Акула*, который разрабатывался в ЦКБ *Рубин*, что возглавлял тогда генеральный конструктор И.Д. Спасский под непосредственным руководством главного конструктора С.Н. Ковалева. Генеральный конструктор Миасского КБ (тогда КБ машиностроения) В.П. Макеев создал для него первую отечественную морскую баллистическую ракету на твердом топливе *P-39* массой в 90 т. Она имела двигатель первой ступени такой же, как у наземной тяжелой ракеты, производства КБ *Южное РТ-23УТТХ Молодец*, или *SS-24 Scalpel*. Это была первая в нашей стране попытка унифицировать морскую и наземную ракету.

Твердотопливная *P-39* считалась в то время очень успешной, потому что, в отличие от жидкостных ракет, значительно сокращала время предстартовой подготовки, имела и другие преимущества. Кроме того, американцы тоже делали морские твердотопливные ракеты, а это для советского политического и военного руководства было очень авторитетным фактом. И конструкторов *Рубина* заставили переделывать корабль в не имеющую аналогов в мировой практике двухкорпусную, самую большую на планете субмарину, достойную книги рекордов Гиннеса, с полным водоизмещением в 33 800 т (для сравнения – самая большая американская АПЛ *Огайо* имеет аналогичное водоизмещение 25 650 т).

В конце девяностых годов прошлого века конструкторам ГРЦ имени Макеева не удалось повторить *подвиг* легендарного основателя собственной фирмы. Может, им не хватило авторитета, который был у В.П. Макеева, дважды Героя Социалистического труда, академика, лауреата Ленинской и трех Государственных премий. Может, сыграло свою роль то, что у страны тогда не было таких экономических и финансовых возможностей, как в семидесятые годы, и она не готова была вкладывать свои последние деньги в создание еще одного подводного рекордсмена, как проект 941. Об этом сегодня говорить трудно.

Известно только, что сторонники ГРЦ не простили МИТу, его директору и генеральному конструктору Ю.С. Соломонову работы над морским ракетным комплексом для *Борея*. Все неудачи *Булавы*, а их было в ходе ее испытаний ровно половина от всех пусков, воспринимались ими так же, как болельщиками той или иной футбольной команды, и сопровождалась резкой критикой соперников.

Тем не менее, факт остается фактом. С 1998 г. созданием ракетного комплекса для серии подводных ракетоносцев класса *Борей* по решению Совета безопасности России и президента страны Б.Н. Ельцина занимался Московский институт теплотехники под руководством генерального конструктора Ю.С. Соломонова. Правда, и при участии специалистов из ГРЦ Макеева, о чем критики МИТа никогда не упоминают.

Но тактико-техническое задание для комплекса осталось прежним. Ракета должна стартовать из-под воды, лететь на дальность до 8 тыс. км, нести до десяти головных частей индивидуального наведения, способных преодолеть любую систему ПРО и с общим забрасываемым весом (полезной нагрузкой) в 1150 кг. При этом быть достаточно легкой для своего класса, общим весом в пределах 30–40 т. *РСМ-56 Булава*, или *P30 ЗМ30 (SS-NX-30)*, как ее называют на Западе, такой и получилась.

НЕУДАЧИ НЕУДАЧАМ – РОЗНЬ

Правда, как я уже отмечал, половина испытательных пусков *Булавы*, которых на момент подготовки этого материала было четырнадцать, закончилась неудачей. С одной стороны, они объяснимы. Ни одна из существующих ракет, что в России, что за рубежом, не полетела с первого раза. Например, из 42 испытательных пусков жидкостной морской ракеты *P-29P* только 31 был успешным, 11, как понятно, были сорваны. В этом ничего удивительного нет – испытания на то и испытания, чтобы проверить какие-то конструк-

тивные новинки и гипотезы, учиться и на ошибках, уметь устранять их. Компьютерное моделирование, которое широко применяется сегодня на всех видах вновь создаваемой техники, все равно не может учесть какие-то тонкости поведения реальной конструкции в природной среде. Тем более такой, какой является морская вода. Она в 800 раз плотнее воздуха, и *пробить* ее толщу ракетой на ходу подводной лодки всегда было очень сложной задачей. По редким телевизионным кадрам испытаний видно – *Булава* из-за давления набегающей волны стартует из-под воды под углом и только потом, уже в атмосфере выравнивается и ложится на баллистическую траекторию, ведущую к цели.

С другой стороны (к сожалению, от этого сегодня никуда не деться), из-за резкого падения квалификации работников оборонной отрасли иногда происходят какие-то сбои в тех конструктивных элементах аппаратуры, которые поставляют на головное предприятие, где собирают *Булаву* – Воткинский машиностроительный завод, предприятия третьего, четвертого и пятого уровня кооперации (а всего в создании *PCM-56* участвуют около 650 фирм с различной формой собственности). Даже при тщательном входном контроле за комплектующими брак иногда *проскакивает*. И это тоже реалии нынешнего состояния отрасли. На эти обстоятельства указывает и тот факт, что причины неудач *Булавы* каждый раз – разные. А значит, конструкция ракеты тут ни при чем, проблемы – в соблюдении дисциплины и технологии ее производства. В интервью автору этих строк и газете *Известия* руководитель работ по созданию *P-30*, в то время директор и генеральный конструктор МИТ, а сейчас только генеральный конструктор Ю.С. Соломонов говорил:

«Проблемы любой ракеты могут иметь две причины: конструкторские и производственно-технологические. Могут абсолютно ответственно заявить: ни одного схемно-конструктивного решения в процессе испытаний *Булавы* не изменено. Вопросы возникают на стыках в цепочке конструкция–технология–производство. В одном случае используются недоброкачественные материалы, в другом – отсутствует необходимое оборудование, позволяющее исключить *человеческий* фактор при изготовлении, в третьем – ненадлежащий контроль за качеством. И вместе с тем было бы неправильно перекладывать всю ответственность на производственно-технологические плечи, снимая ее с конструкторов. Но надо отдавать себе отчет в том, что никакой конструктор, работая 24 ч в сутки, не сможет подменить своим участием функционирующую систему.

Специфика советской и российской, тем более оборонной, промышленности, – подчеркнул Соломонов, – в недостаточности ее технологического оснащения и, как следствие, большом количестве *ручных* операций. В значительной степени этот недостаток компенсировался наличием достаточно совершенного в Советском Союзе института военных представителей, значимость которого трудно переоценить. К сожалению, то, что происходит в современной России [сокращение на предприятиях, особенно негосударственных, числа военпредов. – *В.Л.*], планомерно ведет к деградации, и никакие обращения к руководству военного ведомства и даже к председателю правительства последствий не имеют.

Мы серийно производим *Тополь-М*, *Булаву*, а 50 наименований материалов просто нет в стране, – говорит главный конструктор ракеты. – Мы судорожно ищем замены, но, чтобы ввести их в конструкцию, нужно провести весь комплекс испытаний, в том числе огневые стендовые для двигателей. Это деньги. А их не выделяют. Более того, Министерство обороны говорит: это не наш вопрос, что справедливо только отчасти»⁴.

Тем не менее, *PCM-56* от испытания к испытаниям все больше и больше училась летать туда, куда необходимо. Последний неудачный пуск был у ракеты 9 декабря 2009 г. Сообщалось, что он сорвался «из-за нештатного отделения третьей ступени». После этого начали работу две комиссии по выяснению причин неудачных запусков. «Одна из них (проверочная комиссия) была сформирована в рамках Государственной комиссии по проведению летных испытаний комплекса *Булава*. Она рассматривала технические проблемы и исследовала причины неудачи конкретного пуска, – пояснял заместитель главы *Роскосмоса* В.А. Давыдов. – Причина установлена. Рекомендации по ее исклю-

чению при последующих пусках ракет разработаны и к настоящему времени полностью реализованы»⁵.

Результаты работы этой комиссии были затем озвучены 30 июня 2010 г. «Государственная комиссия, созданная для изучения причин последних неудачных пусков *Булавы*, завершила в июне свою работу и пришла к выводу о необходимости и возможности проведения ее дальнейших испытаний, – отчитался первый замминистра обороны России В.А. Поповкин. – Межведомственная комиссия, работавшая с мая по июль, также пришла к выводу, что испытания надо продолжать».

Главкомандующий ВМФ России адмирал В.С. Высоцкий сообщил, что «госприемка была сильно ужесточена»⁶. По словам министра обороны России А.Э. Сердюкова, над каждым рабочим местом сборщиков ракеты были размещены видеокамеры, которые записывали на компьютер пошагово весь рабочий процесс. Потом он неоднократно просматривался ведущими специалистами предприятия и, если требовалось, в него вносились необходимые поправки. «Если возможные сбои будут одинаковые, – говорил глава военного ведомства во время командировки в США в сентябре 2010 г., – то мы их будем устранять, а если они будут разными, то всю систему придется ломать и выяснять, что происходит с производством и контролем. Тогда станет ясно, что наблюдение за производством неправильное и его надо абсолютно менять»⁷.

Процесс работ над *Булавой* превратился уже из технологического в политический. От того, сумеет Россия создать эту ракету и поставить ее на боевое дежурство или нет, зависел и ход переговоров по заключению нового Договора с США по сокращению СНВ, а сегодня во многом зависит и ратификация этого договора, да и авторитет страны и ее ОПК тоже. Тем более, как еще в 2006 г. подсчитали авторы газеты *Независимое военное обозрение*, новая ракета обошлась военному бюджету страны совсем не дешево. Так, выход АПЛ в море обходится в среднем в сумму около 100 тыс. долл. в сутки, работа систем слежения и телеметрии на территории от Архангельска до Камчатки – еще примерно 500 тыс. Сама ракета в 50 млн долл., ее доставка на корабль и размещение в шахте – еще не одна сотня тысяч долл. Получается, что каждое испытание обходится в 51 млн долл., не меньше. А если учесть все расходы с 1998 г., то сумма наберется далеко за 60 млрд долл. Как признался в конце 2009 г. вице-премьер правительства С.Б. Иванов, 40% военного бюджета уходит сегодня на морскую составляющую⁸. А каждый четвертый рубль – на ракетно-ядерный комплекс. Какая доля в этих расходах принадлежит *Булаве*, можно только догадываться.

НЕПОДВЕДЕННЫЙ ИТОГ

Тем не менее, последние два пуска *Булавы* все же вселяют надежду, что с ракетой будет все в порядке. Правда, предстоит еще один пуск в 2011 г. с борта *родного* для РСМ-56 крейсера *Юрий Долгорукий*, а потом, как сообщил вице-премьер С.Б. Иванов, еще 5–6 пусков, прежде чем ее примут на вооружение, но заключительные на этот год результаты испытаний *P-30 Булавы* все-таки требуют определенных осмыслений и выводов. Не окончательных, но важных.

Конструкция *Булавы*, кто бы и что бы по этому поводу ни говорил, получилась достаточно приемлемой. И коллектив МИТ вместе со своим генеральным конструктором Ю.С. Соломоновым, которым в конце минувшего столетия правительством поручено было ее разработать, с поставленной задачей справился. 50% более или менее успешных пусков из 14 проведенных это доказывают. Если половина ракет долетела до цели, значит, с конструкцией все в порядке. Если другая половина не долетела, и каждый раз по разным причинам, то конструкция тут не при чем. МИТ все-таки сумел решить все свои проблемы, несмотря ни на что – на утерянные за годы развала отечественного ОПК технологии, отсутствие необходимых материалов (в том числе и беленой целлюлозы, которую выпускал, а затем прекратил выпускать Байкальский ЦБК, графитового углеволокна, который выпускал Тверской химкомбинат, и других композитов) и резкое снижение качества работ на предприятиях, поставляющих комплектующие третьего, четвертого и пятого уровней...

История с *Булавой* продемонстрировала полный провал реформы службы военных представителей (попытки сократить ее чуть ли не под ноль), начатой Министерством обороны в 2008 г. Оказалось, что даже наши отечественные высококвалифицированные специалисты – сборщики, монтажники и настройщики такой высокотехнологичной продукции, как стратегические ракеты – не могут работать без придирчиво-въедливого и принципиального контроля со стороны военной приемки. Причем на всех этапах, на входе и выходе продукции. И только после того, как контроль за действиями сборщиков ракеты на каждом этапе работ стал тотальным, брак и халтура стали слегка отступать.

Правда, тут надо сделать оговорку. Они, как видим, отступили в процессе производства последних двух-трех ракет, к которым было предъявлено повышенное внимание. Как будет идти серия, а для каждого подводного крейсера проекта 955/955А и 955У класса *Борей* потребуется 12, 16, 20 ракет, можно будет судить только по прошествии нескольких лет и определенного количества уже не испытательных, а учебно-боевых пусков.

И все же уже сейчас, после 14-го пуска, можно сделать осторожный предварительный вывод – *Булава* состоялась. Конечно, мы еще услышим много критики в ее адрес. Те люди и их *болельщики*, кто проиграл конкурс на оснащение атомных подводных крейсеров нового поколения новой стратегической ракетой и которые слегка приуныли после двух последних успешных пусков *Р-30*, не перестанут ревновать ее, по-своему завидовать МИТу и его коллективу и пытаться добиться реванша, хотя бы в создании новой тяжелой жидкостной ракеты для наземного пуска. Надо понимать, что такая острейшая конкуренция между двумя направлениями развития стратегических ядерных сил (жидкостниками и твердотопливниками), которая не бывает без взаимных обид и претензий, только на руку нашей стране. Она – залог того, что с ядерным щитом России, несмотря на все постсоветские сложности, все будет в порядке. *Булава* все-таки станет основой морских стратегических ядерных сил страны вплоть до 2045–2050 г.

А еще история с *Булавой* показывает, что, несмотря на переживаемые сложности и неимоверные трудности переходного периода, отечественный ОПК скорее жив, чем мертв. И это главный вывод, который можно сделать из судьбы новой российской морской стратегической ракеты.

Примечания

- ¹ Сообщение *ИНТЕРФАКС-АВН*. 2010, 29 октября.
- ² Сообщение *ИНТЕРФАКС-АВН*. 2010, 7 октября.
- ³ Там же.
- ⁴ Литовкин Д. Не сносить *Булавы*. Интервью с Ю.С. Соломоновым. *Известия*. 2010, 13 апреля. <http://www.izvestia.ru/person/article3140744/> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁵ Иванова М. Неподъемная *Булава*. *Взгляд*. 2010, 8 сентября. <http://www.vz.ru/society/2010/9/8/431124.html> (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).
- ⁶ Сообщение *ИТАР-ТАСС*. 2010, 7 октября.
- ⁷ Сообщение *ИНТЕРФАКС*. 2010, 17 сентября.
- ⁸ Сафронов С. Львиная доля бюджета МО идет ВМФ, в основном ядерным силам. *РИА Новости*. 2009, 3 июня. http://rian.ru/defense_safety/20090603/173122482.html (последнее посещение – 20 ноября 2010 г.).

Вадим Козюлин

ОПК: РЕЦЕПТЫ РЕИНКАРНАЦИИ

В середине 2010 г. в российской оборонке случилось знаковое событие, которое заслуживает, чтобы его отметили вехой на пути отечественного ОПК. Если раньше российские официальные лица и СМИ регулярно сетовали по поводу утечки наших технологий за рубеж и появления их на иностранных военных ЭКСПО в виде болгарских (китайских, пакистанских, румынских) клонов, то с лета 2010 г. этот тренд потерял актуальность. Теперь в моде другая тема. И это не просто предмет разговоров за круглым столом, а насущная необходимость: *российская армия нуждается в зарубежных военных технологиях и иностранном вооружении.*

Раньше общественное мнение страны будоражили сообщения о появлении китайской копии нашего родного Су-27. Это очень печалило. Судя по всему, теперь настало время для большей грусти: известно, что наши прославленные самолеты идут на экспорт, начиненные *импортным* бортовым радиоэлектронным оборудованием, спутниковой системой навигации, наשלемой системой *целеуказания* и индикации и многим другим. А чем же будут начиняться новые самолеты для отечественных ВВС? Впору задуматься: не случится ли так, что придется обращаться к китайцам – чтобы поделились тем, что смогли сами разработать (или *срисовать* на тех же ЭКСПО).

Безусловно, оптимисты найдут в этом повод для конструктивной радости: Россия встает на путь цивилизованного развития, ибо большинство государств мира сотрудничают в военных разработках. Аргументов «за» много: военно-промышленные корпорации стали транснациональными, и порой бывает трудно понять, какому государству они принадлежат. Военно-техническое сотрудничество позитивно скажется на политических отношениях с европейскими странами, поможет быстро наверстать технологическое отставание, позволит вооружить российскую армию самым современным оружием, ускорит модернизацию *оборонки.*

ЛЕЧЕНИЕ ПО-АМЕРИКАНСКИ

Здесь будет своевременным вспомнить о еще одном, надеюсь, уходящем в прошлое феномене – санкциях.

С 1992 г. Конгресс США 31 раз вводил санкции против россиян. Сначала санкциям подвергались небольшие институты и фирмы. Затем американцы перешли на крупных производителей вооружений. А в последние годы объектом санкций трижды становился российский единый спецэкспортер *Рособоронэкспорт.* До введения санкций против всего государства оставался один шаг.

Многие в США и сами не понимали, какая им от этих санкций польза. Некоторые отмечали, что санкции (не против россиян, а санкции вообще) контрпродуктивны. Но таковы

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

принципы политики США, и санкции продолжают ежегодно вводиться против замеченных в нарушении американских законов о нераспространении государств.

Какова была российская реакция на введение этих мер?

Генерал армии и депутат российской Госдумы В.И. Варенников комментировал их так: «Администрация Джорджа Буша не может безучастно относиться к тому факту, что Россия поднимается, и ее экономическая мощь постепенно крепнет, – сказал он. – Они будут всячески мешать этому подъему и укреплению нашей страны»¹.

Российские СМИ писали: «Данный демарш американской администрации надо расценивать, прежде всего, как стремление *наказать* Россию за ее независимую внешнюю политику и прорывы на новые рынки вооружений – особенно в Латинской Америке, считаемой в Белом доме своим задним двором»².

Министр обороны С.Б. Иванов пояснял, что российским предприятиям от американских санкций «ни жарко, ни холодно. Они как работали, так и будут работать»³. Он даже в ответ намекал, что у России есть свой черный список зарубежных компаний. Он включает 1152 предприятия из 51 страны, «в отношении которых есть информация об их причастности к военным программам в ядерной и химической промышленности или ракетостроении»⁴.

МИД России назвал санкции попыткой распространения внутреннего американского законодательства на иностранные компании. Дом на Смоленской с сожалением констатировал: «В результате своих политизированных действий американское государство отказывает самому себе и американским компаниям в сотрудничестве с нашими передовыми предприятиями. На деловом языке это называется *упущенными возможностями*»⁵.

К.И. Косачев, председатель комитета Госдумы РФ по международным делам, видел в американских санкциях «попытку вытеснения российских компаний с соответствующих рынков вооружения»⁶.

Представитель ФГУП *Рособоронэкспорт* В.В. Картавцев назвал действия американской администрации проявлением недобросовестной конкуренции «против компании и Российской Федерации в целом»⁷.

Таблица 1. Санкции США в отношении российских юридических и физических лиц

Объект	Год	Повод
Государственная хозрасчетная организация <i>Главкосмос</i>	1992	Контракт на 400 млн долл. о продаже Индии ракетных двигателей ⁸
Академик РАН А.Д. Кунцевич	1995	Сотрудничество со странами, которые пытаются получить ОМУ
Балтийский государственный технический университет Фирма <i>Европалас-2000</i> Государственная хозрасчетная организация <i>Главкосмос</i> НИИ <i>Графит</i> Научно-производственная ассоциация <i>Полюс</i> Научно-производственный центр <i>ИНОР</i> Фирма <i>Мосо</i> Московский авиационный институт Российский химико-технологический университет им. Менделеева	1998	Сотрудничество с Ираном в области ракетных и ядерных технологий

Объект	Год	Повод
Научно-исследовательский и конструкторский институт энерготехники	1999	Сотрудничество с Ираном в области ракетных и ядерных технологий
ЦНИИ Точмаш Вольский механический завод		Поставка противотанковых ракет Сирии
Тульское КБ приборостроения		Передача военного оборудования стране-спонсору государственного терроризма ⁹
Тульское КБ приборостроения Государственное научно-производственное предприятие <i>Базальт</i> Авиационное предприятие номер 168 (ОАО <i>Роствертол</i>)	2002	Поставка военных технологий странам, поддерживающим международный терроризм (Ливии, Судану и Сирии)
Тульское КБ приборостроения	2003	Оружейные поставки в Иран, Ирак (через Сирию) ¹⁰
Омский машиностроительный завод им. Баранова Российский гражданин В.В. Воробей Омское моторостроительное предприятие им. Баранова	2004	Нарушение режима нераспространения в отношении Ирана
Федеральный научно-производственный центр <i>Алтай</i>		Предприятие участвует в «действиях по распространению ракетных технологий»
Компания <i>Хазра Трейддинг</i>		На основании закона «О нераспространении в отношении Ирана»
ФГУП <i>Рособоронэкспорт</i> ОАО Компания <i>Сухой</i>	2006	На основании закона «О нераспространении в отношении Ирана»
ФГУП <i>Рособоронэкспорт</i> Тульское КБ приборостроения Коломенское КБ машиностроения Гражданин Алексей Сафонов (Alexi Safonov)	2007	Акт о нераспространении в отношении Ирана, Северной Кореи и Сирии
ФГУП <i>Рособоронэкспорт</i>	2008	На основании закона «О нераспространении в отношении Ирана»

ПРОФИЛАКТИКА ПО-ИЗРАИЛЬСКИ

Нетрудно догадаться, что с началом закупок импортных вооружений ситуация переменится. Американские санкции, наконец, наполнятся недостающим им смыслом. Теперь они смогут больно ранить и действительно влиять на политику государства-нарушителя.

Как именно? Недавно это стало понятно на маленьком примере. Россия подписала с Израилем контракт на совместное производство БПЛА. Событие широко освещалось. Но стоило России предложить Сирии ракеты *Яхонт*, и Израиль немедленно заявил об отказе от договоренностей по беспилотникам. Очень болезненный момент. В такие минуты хочется порвать все пахнущие дорогим шампанским соглашения и наговорить партнерам чего-нибудь вроде: «В ближайшие два-три года будет прорыв на отечественном рынке этой техники вне зависимости от позиции израильских компаний по этому вопросу»¹¹. Можно заключить, что эта сложность – далеко не последняя, так как формируются отношения *по новым правилам*.

Впереди ждут разочарования. Заявывая партнерские отношения с *Israel Aerospace Industries*, заместитель министра обороны В.А. Поповкин пояснял, что если израильские БПЛА «окажутся приемлемыми для нашей армии, то отечественные конструкторы разберут их, что называется, по косточкам, сфотографируют, а затем постараются воспроизвести на предприятиях родного ОПК»¹². Однако эта логика не учитывает международного законодательства в области интеллектуальной собственности, и поэтому реализация ее в такой форме представляется крайне сомнительной.

Чтобы стать полноценным партнером, от России потребуют доказательств лояльности. России не единожды понадобится сделать выбор. Любимый российский трюк – дружить и с Западом, и с теми, кого на Западе считают *странами-изгоями* – больше не пройдет. Придется ограничить оружейные поставки ряду традиционных, но подозрительных с точки зрения Евросоюза или США партнеров.

Иначе не избежать санкций из-за формулировки «за сотрудничество в области ракетных и ядерных технологий». В устных заявлениях такие выражения, как «недобросовестная конкуренция», «попытка вытеснения российских компаний с рынков», «ни жарко, ни холодно», похоже, тоже придется перенести в пассивный словарь. Россию могут попросить последить и за поведением – вежливее относиться к *маленьким*, да и к небольшим странам (размером с Грузию). России придется прислушиваться.

ДИАГНОСТИКА ПО ГЛОБУСУ

Оружие нынче сильно подорожало. Даже для самых незначительных военных маневров на Земле нужна солидная группировка спутников в космосе. При этом из всех государств мира сегодня только США, да еще КНДР могут самостоятельно обеспечить себя вооружением собственного производства. Американский военный бюджет – крупнейший в мире – составляет 50% совокупных мировых военных расходов. Российский – в 15 раз меньше.

В условиях ограниченных бюджетов страны начинают вооружаться *вскладчину*. Размеры совместных проектов сильно зависят от финансовых возможностей сторон. Англия и Франция *скидываются* на общую ядерную бомбу и совместную авианесущую группу. Азербайджан создает с Украиной вертолет, а с Турцией – гранатомет. Казахстан заключил договор с Южной Кореей о создании самоходной гаубицы. Индонезия строит по голландской лицензии военные фрегаты. Индия собирает на своих предприятиях франко-испанские дизель-электрические подлодки, российские танки и самолеты. А Китай благодаря российским лицензиям сумел наладить производство почти всего спектра вооружений.

В каком-то смысле новая Россия возвратилась к дореволюционному состоянию. Подобно царской России, она располагает хорошими военными инженерами и крупной оборонной промышленностью, но при этом хронически отстает от европейских оружейников по качеству. Три четверти станков морально устарели, а половина – физически изношены¹³. Наверстать упущенное за 20 лет самостоятельно уже не по силам.

Сегодня российская армия менее чем на 10% вооружена современным оружием. Вертолеты устарели на 90%¹⁴, средства связи – на 85%¹⁵. Количество исчерпавшего все положенные сроки вооружения достигло в сухопутных войсках 50%, в ВВС-ПВО – 40%, в ВМФ – 60%¹⁶. Значительная часть новейших разработок российской *оборонки* устарела еще до начала серийного выпуска, поскольку разрабатывалась при Советском Союзе.

Импортовое оборудование можно найти на лучших российских боевых самолетах и на авианосце *Адмирал Горшков*. Россия уже много лет покупает за рубежом танковые ночные прицелы, снайперские винтовки, двигатели для кораблей, авионику для боевых самолетов и многие комплектующие, которых на российских предприятиях просто не делают. Это вошло в жизнь российской *оборонки*, превратившись в часть производственной цепочки.

Совместная разработка вооружений также стала постоянной практикой и не вызывает отторжения.

Иное дело – приобретение лицензий на производство иностранного оружия. Чисто психологически это удар по самолюбию: мощная оборонная отрасль, способная производить больше всех в мире танков и снарядов, считалась основным достижением советской экономики. Однако той отрасли уже нет. И в прежнем виде она уже не будет востребована. Фактически, сегодня нужна *другая* техника для *другой* армии, произвести которую сможет лишь *другая* промышленность. Из ныне существующих лишь немногие предприятия смогут перестроиться настолько, чтобы стать пригодными для выпуска современных вооружений.

Приобретение лицензии – это способ ускоренного получения знаний, опыта и технического инструментария. Это значительно эффективнее уже проводимой закупки иностранных комплектующих, незаметно набирающей обороты в недрах *обороны*. Но для того, чтобы подобное новшество нашло понимание в государстве, где лучшие технические умы посвящали жизнь изготовлению орудий уничтожения, нужны веские аргументы. Идея с приобретением прав на производство броневика от компании *Ivesco* в этом смысле выглядит антирекламой.

В ближайшие годы мы, вероятно, увидим попытки давления на Россию с использованием ее возрастающей зависимости от иностранных поставщиков. Санкции могут оказаться болезненными. На этот случай в мире придуман *тендер*: если европейские партнеры введут запрет на продажу необходимого российской армии вооружения, это может оказаться неожиданным подарком для поставщиков из другой части света. Однако едва ли следует ожидать, что иностранные партнеры выложат на стол свои самые передовые технологии. Скорее Россия получит *новинки* вчерашнего дня. Но они позволят российской *оборонке* проявить свои забытые таланты в совершенствовании приобретенного.

БУДУЩЕЕ РОССИЙСКОГО ОПК

Европейские страны, ослабленные кризисом и опасениями перед лицом грядущих геополитических перемен, будут нуждаться в союзничестве России: российских ресурсах, финансах, технологиях. Россия, в свою очередь, будет видеть мир с таких же позиций – европейского государства, ставшего свидетелем глобальных и пугающих перемен. Это обстоятельство, еще слабо осязаемое сегодня, может приблизить Россию к Европе неожиданно скоро. Собственно, Россия со всеми *евразийскими причудами* всегда оставалась частью Европы. Совместные проекты и общие опасения, вероятно, свяжут Россию и Евросоюз надежнее, чем пресловутая кнопка *Reset*. С этой точки зрения предложение НАТО о создании совместной системы ПРО выглядит органично.

Между тем, для России наступает реальная потребность усилить национальную безопасность. Безмятежные годы, когда политики искали потенциальную угрозу, но обнаруживали со всех сторон потенциальных друзей, могут скоро закончиться. Понемногу в мире завязывается новая партия геополитического преферанса. Игроки вроде все знакомые. И игра стара, как этот мир. Было время, Советский Союз не просто играл – устанавливал правила. Увы, современная Россия входит в игру даже без больших козырей. Уповать на снисходительность партнеров не стоит. Чтобы добиться успеха, понадобится усвоить новые правила и научиться играть по ним не хуже других.

Превращение Китая в мировую державу сулит миру возрождение биполярной модели мира. Каким станет этот мир, сегодня не знает никто. Будущее варится в Китае под плотно прикрытой крышкой. Трудно предсказать, каким окажется это блюдо. Но соседи Поднебесной уже энергично вооружаются. В Юго-Восточной Азии растет напряжение. Китай, по причине эмбарго лишенный возможности приобретать оружие на Западе, но уже отказывающийся покупать его в России, трансформируется в самодостаточную военную державу.

На другом боку планеты Соединенные Штаты заливают экономический кризис долларами. Технологии и суперкорпорации, пока не ставшие товаром, суперсовременная армия,

ведущая две войны, и доллар, заменяющий миру глобальный эквивалент стоимости, – эти три кита пока прочно держат супердержаву. Но море под ними колыхается. Самая развитая в технологическом и военном отношении страна мира с мощнейшей армией превращается в безнадежного должника.

Между этими полюсами Россия выбирает свой путь, на котором неизбежны интеграция и совместное производство. Страны НАТО здесь – не единственный свет в окошке. России следует тратить валюту на импортные вооружения *лишь при условии получения соответствующих технологий*. Развитие собственной оборонной промышленности не менее важно, чем качественная экипировка Вооруженных сил.

Примечания

- ¹ Варенников: Санкции США против Рособоронэкспорта – реакция на растущую мощь России. *Грани.ру*. 2007, 8 января. <http://grani.ru/Economy/m.116651.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ² Невский Н. США стукнули себя молотком по пальцу и обиделись на Россию. *KMnews*. 2006, 8 августа. <http://student.km.ru/view.asp?id=99857ED3C2DC4EFE8C77409AA7A9B318> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ³ Поросков Н. Ни жарко ни холодно. *Время Новостей*. 2007, 10 января. <http://nuclearno.ru/text.asp?11468> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ⁴ Там же.
- ⁵ МИД России: обвинения США в адрес российских компаний необоснованны. *РИА-Новости*. 2007, 6 января. <http://www.rian.ru/world/20070106/58550311.html> (последнее посещение – 15 ноября 2010 г.).
- ⁶ США вытесняют российские компании с рынков вооружений. *Телепередача Сегодня, НТВ*. 2007, 5 января. <http://www.ntv.ru/novosti/101009/> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ⁷ США ввели санкции против трех российских компаний. *NewsRu.com*. 2007, 5 января. <http://www.newsru.com/russia/05jan2007/sanczii.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ⁸ Невский Н. Цит. соч.
- ⁹ Imposition of Lethal Military Equipment Sanctions Against the Government of Russia and Partial Waiver of These Sanctions. *Bureau of Nonproliferation, Department of State*, 1999, 29 April. [http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=1999_register&docid=\[DOCID:fr29ap99-123\]](http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=1999_register&docid=[DOCID:fr29ap99-123]) (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹⁰ США ввели санкции против тульского Конструкторского бюро приборостроения, обвиняемого в продаже оружия Ирану. *NEWSru.com*. 2003, 16 сентября. <http://www.derrick.ru/?f=n&id=1126> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹¹ Россия обойдется без израильских беспилотников. *Коммерсантъ*. 2010, 23 сентября. <http://www.kommersant.ru/doc-y.aspx?DocsID=1509243> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹² Россия скопирует израильские беспилотники, чтобы их не покупать. *IZRUS*. 2009, 13 апреля. <http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2009-04-13/4273.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹³ Оборонная промышленность России морально устарела на 75 процентов. *Грани.ру*, 2006, 3 ноября. <http://grani.ru/Economy/m.113912.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹⁴ Аксенова Ю., Владимир П. В Российских вооруженных силах сложилась критическая ситуация с винтокрылыми машинами. *RNNS.ru*. 2009, 6 ноября. <http://rnns.ru/weapon/95735-90-percentov-vertoletov-nashej-armii-beznadezhno.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹⁵ Кузьмин В. Цифра на взводе. *Российская Газета*. 2010, 24 мая. <http://www.rg.ru/2010/05/24/medvedev-svjaz.html> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).
- ¹⁶ Литвинович Д. Развал российской армии. Грустные мысли накануне праздника. *Правда*. 2002, 8 мая. <http://www.pravda.ru/politics/08-05-2002/825743-0/> (последнее посещение – 8 ноября 2010 г.).

Альберт Зильхарнеев

КАДРОВЫЙ РЕЗЕРВ ДЛЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО МИНИСТРА

«Коренные преобразования в устройстве наших сил, начатые с 1862 г., приводились в исполнение с настойчивой последовательностью в течение ряда лет и привели всю нашу армию и всю нашу военную систему на такую ступень силы и стройности, которая вполне соответствовала высшим государственным задачам», – писал в 1874 г. военный министр-реформатор Дмитрий Алексеевич Милютин¹. Как это, к сожалению, и бывает, настоящим критерием успешности переустройства вооруженных сил стала война, для реформ Милютина – русско-турецкая 1877–1878 гг., которая и выявила достижения и промахи программы либерального министра.

Историк Джон Бушнелл, соавтор ставшего классическим российско-американского издания, посвященного великим реформам, отмечает, что мобилизация и доставка войск к театру военных действий по новым железным дорогам прошли хорошо, в срок и без потерь – военная администрация показала, что ее работа отлажена лучше, чем в любой другой имперской системе. Тем не менее, этого оказалось недостаточно. Разработанный Н.Н. Обручевым стратегический план не был осуществлен; несмотря на численное превосходство и лучшую подготовку, российской армии пришлось вести войну дольше и с большими потерями. Бушнелл считает, что реформы Милютина существенно «не изменили образа действий русской армии в бою, они не вели к пересмотру устаревшей тактики»², а причинами этого, по мнению историка, стали: приверженность идее национальной исключительности в ее военном варианте, недостаток средств и, главное, практика назначения полевого командования, когда с министром не очень-то советовались, самодержец назначал генералов самостоятельно, отнюдь не всегда исходя из их профессиональных качеств.

Реформа военного образования, проведенная Милютиным, позволила хорошо подготовить солдат и офицеров младшего и среднего уровней, но высших генералов она не успела коснуться. «Основные политические, интеллектуальные и социальные особенности императорской России обусловили серьезные недостатки в действии военного механизма», – заключает Бушнелл³. Вопрос об отношениях между государством и армией становится одним из основных и при проведении современной реформы Вооруженных сил России.

ВОЕННЫЕ ГОТОВЯТ **НОВОГО ОФИЦЕРА** – ГОТОВЫ ЛИ ОТВЕТИТЬ **ГРАЖДАНСКИЕ**?

Если исключить как очевидную константу всех реформ вопрос о недостатке средств, то министр обороны А.Э. Сердюков, который сейчас проводит реформы, находится в относительно лучшем положении: идея *национальной исключительности* выходит из моды, а на решение кадровых вопросов у министра фактически имеется *карт-бланш*. Обретение *нового облика* Вооруженных сил осуществляется по всем направлениям,

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О

и одно из главных – военное образование. Перестройка системы происходит на всех уровнях – от подготовки солдат до внедрения новых программ в Военной академии Генерального штаба. В статье *Военная школа России: состояние и перспективы развития* министр обозначает пять направлений работы, среди которых присутствует «интеграция с гражданской высшей школой». Главная задача состоит в «переходе от массового обучения к подготовке *штучного* специалиста. При этом основной упор будет направлен на формирование у слушателей и курсантов общекультурных, психологических, управленческих, общевоенных и военно-профессиональных компетенций с акцентом на предстоящую профессиональную деятельность выпускников»⁴.

При успешной реализации задач, поставленных министром, российское государство и общество получат нового офицера и армию, которые будут не только соответствовать уровню развития других институтов, но и превосходить их, являться двигателями модернизации страны. Однако представляется, что для реформы армии и ее последующего динамичного развития недостаточно военного кадрового резерва, нужен и *гражданский*. Общество требует от армии соответствовать его потребностям в обороне и безопасности и, более того, предоставлять *комфортные* условия для службы.

Однако будет ли готово само общество, формирующее власть, – прежде всего политическая, интеллектуальная и бизнес-элита – отвечать на справедливые запросы армии, ставить перед ней новые задачи, своевременно подсказывать направления развития и предоставлять необходимые для этого ресурсы, да и вообще интересоваться ее жизнью тогда, когда количество удручающих известий о разных *чз-лэ* значительно снизится? Смею предположить, что сегодня общество, особенно его *элитная* составляющая, к этому не готово, отчасти из-за отсутствия интереса, но больше от недостатка необходимых знаний и навыков взаимодействия с армией, характерных для развитых демократических стран.

Соответствие размера и качества вооруженных сил задачам и возможностям страны зависит от того, насколько гармонично выстроены отношения между, как минимум, тремя элементами: военной структурой, оборонно-промышленным комплексом и всей социально-экономической и политической системой. Ключевой вопрос на сегодня и завтра – как выстроить это взаимодействие? Однако для того, чтобы ответить на него, мало быть даже самым искусным политиком и мало одного гражданского министра обороны.

Поступательному и устойчивому развитию армии нужна постоянная общественная и экспертная поддержка. И речь, конечно, идет не о безоговорочном согласии со всеми шагами министра, *патриотическом воспитании* школьников или спонсорских подарках воинским частям. Отношениям армии и общества и, особенно, армии и экономики нужны *интеллектуальная подпитка* и место для профессионального диалога гражданских и военных экспертов. Сегодня у наших Вооруженных сил такой поддержки нет, и людей, которые ее могут осуществить, исключительно мало.

Военный министр Д.А. Милютин находился под огнем не меньшей критики и злословия, чем министр обороны А.Э. Сердюков. 1860-е гг. – время общественного подъема и *гласности*, оппоненты не жалели друг друга в *информационной войне*. Атака консерваторов на Милютина была мощной и всесторонней, поскольку военные реформы затрагивали основы социальной организации России. Против были и многие прославленные военачальники, среди которых и поборник *исторических* основ и *дворянской идеи* генерал Р.А. Фадеев, сам усмиритель Кавказа, взявший в плен Шамиля, друг императора князь А.И. Барятинский, покоритель Ташкента М.Г. Черняев и *освободитель Болгарии*, генерал, шедший впереди войска на белом коне и в белом мундире, легендарный М.Д. Скобелев.

Несмотря на все это сопротивление, Д.А. Милютину и его сподвижникам удалось построить систему, существовавшую до 1917 г. Даже в период контрреформ 1880-х гг. военная сфера *пострадала* менее всех других (были сокращены льготы для призывников по образованию, а военные гимназии вновь преобразованы в кадетские корпуса), более того, на базе созданной системы происходило укрепление и перевооружение и флота,

и сухопутных сил. Правда, самому министру пришлось уйти сразу после восшествия на престол Александра III.

Можно отметить лишь два фактора, способствовавших успеху Милютина в борьбе с *консерваторами* и устойчивости его достижений. Первый – взаимодействие военных с другими *группировками* во власти и обществе. В период царствования Александра II впервые в истории самодержавия на политической арене появляются группировки, представляющие определенные, достаточно широкие интересы. Историк Альфред Рибер, который и сделал это открытие, считает, что «политические группировки, продолжая оставаться принадлежностью правящей элиты, формировались из представителей высшего и среднего слоев общества, стремящихся защищать и отстаивать те направления в общественной и политической жизни, которые соответствовали их идеологическим убеждениям»⁵. Рибер в середине 1860-х гг. выделяет четыре такие партии, группирующиеся вокруг своих неформальных лидеров: *экономистов*, контролирующих финансовую сферу, *инженеров*, возглавлявших Министерство путей сообщения и отвечавших за железнодорожное строительство, *военных* во главе с Д.А. Милютиным и *фракцию П.А. Шувалова*, по сути – противников значительных реформ, стремившихся сохранить устаревшую социальную систему. Все эти группы боролись за государственные ресурсы, а особенно за влияние на государя. Тем не менее, они имели интересы не только конфликтующие, но и общие.

В союзе с *инженерами военным* удалось отстоять строительство железных дорог, имеющих не только экономическое, но и стратегическое значение, а в сотрудничестве с *экономистами* выиграть схватку с *консерваторами* за реформу образования, в том числе военного. То есть Д.А. Милютин в борьбе за осуществление своих главных целей действовал не один, не только при поддержке своих соратников в военном министерстве, но мог опираться на представителей экономической и политической элиты, принадлежащих к другим *профессиональным* сферам, и подпитываемых ими *представителей общественности*.

Проблема управления в пореформенной России заключалась в том, что не было органа, ни государственного, ни общественного, ни экспертно-аналитического, который бы мог гармонизировать интересы всех групп. Комитет министров и Совет министров этой роли не выполняли, а император уже был не в силах контролировать всю бюрократию огромной империи. Тем не менее, даже в *маневрах под ковром* Милютину удавалось находить союзников и проводить необходимые решения.

Второй фактор, способствовавший устойчивости преобразований – формирование бюрократии, которая сначала поддерживала реформы, а потом, не желая ничего менять, закрепила их результаты. Александр III мог в первые месяцы своего правления убрать реформаторов со всех высших постов, но он не мог заменить всех чиновников, иначе бы парализовал работу всего государственного механизма. «Чиновники среднего звена слишком глубоко внедрили в аппарат Государственного совета, министерств, в университеты, земства и редакции газет и журналов. Заняв эти плацдармы, они сопротивлялись, уклонялись от проведения контрреформ, тормозили этот процесс, точно так же, как их противники двадцатью годами раньше пытались противостоять реформам»⁶.

В России 1990-х гг. *военным, экономистам и инженерам* так и не удалось найти ни общие сферы интересов (не говорим о том, где они смыкались ради доказанных и недоказанных хищений), ни осуществить совместные проекты. Победив самых бескомпромиссных *консерваторов – партократов*, без всякой общей пользы они боролись за фактически неконтролируемые государственные ресурсы и влияние на *президента всея Руси*. Бывшие *красные директора*, командовавшие *оборонкой*, и генералы, прошедшие через Афганистан и Чечню, имели опыт и заслуженный авторитет, но не очень-то прислушивались к советам, а те, кого они пренебрежительно именовали *мальчиками в розовых штанишках*, молодые *экономисты*, имели идеи, но не владели техникой бюрократической работы, да и, скорее всего, не испытывали особого интереса и пиетета к делам армейским и флотским, распознав совсем другие опоры *российского могущества*. Иных уж нет, другие, побывав в политике, вернулись кто к военной службе, а кто к бизнесу в государственных или частных корпорациях. Министерство обороны не смогло само

себя реформировать, межведомственные комиссии при отсутствии интереса к их работе не приносили серьезных результатов⁷, предложения Совета безопасности носили ограниченный характер. Между тем, российская армия прошла через две тяжелейшие войны на своей территории и множество локальных конфликтов за рубежом, а общество относилось к вооруженным силам то с жалостью, то с пренебрежением, то со страхом попасть в их ряды. Лишь после новой войны в августе 2008 г., победа в которой досталась скорее *характером*, чем искусством и технологиями, власти приступили к настоящим реформам.

Россия сегодня – не самодержавная страна, и на дворе не *лихие девяностые*. Имеются, хотя и ограниченные, ресурсы, существует, хотя и несовершенная, политическая система, позволяющая проводить реформы, есть, хотя и уязвимые и хрупкие, стремление и воля прийти к *новому облику Вооруженных сил*. Но нет механизма, который бы превратил реформу из разового, пусть и масштабного, проекта в постоянную работу по совершенствованию вооруженных сил.

Можно согласиться с В.В. Шлыковым в том, что армию делают профессиональной либо *война и подвиг*, но с большими потерями, либо образование⁸ и, можно еще добавить, наука. Сегодня в армии не хватает офицеров, готовых воспринять изменения и не только работать в новых условиях, но и создавать их. У Министерства обороны есть план подготовки таких офицеров, возможно, несовершенный и вызывающий критику, но есть, и он четко изложен.

У общества плана подготовки специалистов, готовых работать с армией, нет. Развитие армии, гармонично сочетающееся с развитием всей страны, невозможно без гражданских специалистов, которые бы оценивали состояние вооруженных сил, определяли цели, ресурсы и перспективы их развития, задачи, которые перед ними должны ставиться политической властью. Сегодня стоит вопрос об использовании мирового опыта в реформировании вооруженных сил, но только единицы отставных офицеров занимаются этим вопросом, и некому внести конструктивные предложения министру или своевременно и аргументированно, показав ошибки других, предостеречь его от того или иного решения. На еще более острый вопрос о том, каким должен быть оборонно-промышленный комплекс для того, чтобы соответствовать и военным, и экономическим интересам страны, тоже нет ответа, и требуются большие исследования. В общем, необходимы *гражданские специалисты*, которые смогут продуцировать идеи для оборонной политики и обеспечить профессиональный диалог с армией. И эти люди не могут работать в одиночку, масштаб необходимой экспертизы и квалифицированного общественного контроля требует создания исследовательских центров и общественных институтов, однако прежде необходимо вырастить специалистов, которые смогут в них работать.

Откуда же могут появиться эти гражданские молодые специалисты с глубокими знаниями и широким кругозором? Вузы Министерства обороны, даже после завершения преобразований и внедрения новых программ, продолжают выпускать прежде всего военных, офицеров, которые направляются в части или продолжают исследования в своей сфере. Военные кафедры и военные учебные центры ведущих гражданских вузов также готовят военных специалистов, которые уйдут в запас или на действующую службу и будут владеть тактическими знаниями, оружием, строевыми приемами и специализироваться в более узких областях. В некоторых университетах открыта специальность «Военная экономика», но речь скорее идет об экономике воинской части, чем о военном строительстве в национальном масштабе. Сегодня только один курс «Экономические аспекты строительства вооруженных сил зарубежных стран» читается на кафедре мировой политики ГУ ВШЭ профессором В.В. Шлыковым. Кроме того, есть несколько курсов по вопросам военной стратегии, управления и политики на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Но этого, очевидно, недостаточно для того, чтобы появились группы молодых ученых и *общественников*, которые смогут создать центры, влияющие на оборонную политику страны.

Что делать, что у нас для этого есть и чего нет?

ФОРМИРОВАНИИ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ – РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНЧЕСКОГО ОПЫТА

Более 15 лет назад на постсоветском пространстве стояла чуть менее масштабная проблема, требующая, однако, решения в интересах стратегической стабильности и ядерной безопасности – не существовало современной системы подготовки специалистов и экспертов в сфере ядерного нераспространения, как не было и квалифицированной информационной работы по этой теме. Казалось бы, ключевая для страны область – в ней работают тысячи специалистов крупных министерств, вузы готовят инженеров, военных, дипломатов, существуют академические институты, работающие по теме, сотрудники которых вскоре составят костяк неправительственного экспертного сообщества (в области военного строительства таких ученых гораздо меньше) – но нет независимой площадки для совместной работы ведущих специалистов каждого из этих направлений, и нет механизма того, как привлекать молодых экспертов, а значит, производить и отбирать новые идеи.

Сегодня такая динамичная система есть, существуют авторитетные издания, проводятся образовательные программы, позволяющие не только повышать квалификацию, но и отбирать молодые таланты, мотивировать их и предоставлять возможности для роста. Ключевую роль в создании такой системы сыграли неправительственные организации, наиболее известную из которых, ПИР-Центр, имею честь представлять. Однако появление таких организаций было бы невозможно без тесного взаимодействия их создателей с ведущими вузами и научными центрами и поддержки наиболее *прогрессивных* представителей политического, военного и дипломатического истеблишмента.

Итак, каковы составляющие того, что в новой России появилось и сегодня плодотворно работает и пополняется молодыми кадрами профессиональное экспертное сообщество в сфере ядерного нераспространения и контроля над вооружениями?

Первое – это появление российских (ПИР-Центр, Ассоциация содействия нераспространению и др.) и представительств зарубежных независимых неправительственных организаций (Московский центр Карнеги и др.).

Второе – тесное взаимодействие этих НПО с ведущими научными центрами (ИМЭМО, ИСК РАН и др.), вузами (МГИМО, МИФИ, ГУ ВШЭ, региональные университеты).

Третье – инициирование и участие в широком международном сотрудничестве, тесное взаимодействие с зарубежными научными и образовательными центрами (Центр исследования проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Женевский центр политики безопасности и др.), фондами (Макартуров, Форда, Сокращения ядерной угрозы, Плаушерс, Корпорацией Карнеги в Нью-Йорке и др.), иностранными правительствами и международными организациями (ООН, МАГАТЭ, МНТЦ и др.).

Четвертое – развитие образовательных программ с целью формирования нового поколения специалистов и экспертов, направленных на вовлечение в научную и учебную работу молодых людей со всей России.

Пятое, результирующее, – формирование региональных, национальной и международной *сетей* специалистов в области ядерного нераспространения, объединяющих опытных и молодых дипломатов, офицеров, исследователей, готовых предложить совместно выработанные идеи и подходы и донести эту информацию до политического и военного сообществ.

Большинство молодых людей, окончив вуз, аспирантуру или пройдя стажировку, отходят от темы и продолжают работать в других сферах государственной службы, бизнеса или науки. Они остаются грамотными, критически мыслящими *пользователями* информации, активными членами общества, осмысленно выбирающими власть. Меньшинство, но как раз те, кто необходимы, остаются в *сети* и продолжают работать на профессиональном уровне, как в сфере ядерной политики, так и в других областях международной безопасности.

Можно ли применить этот опыт для формирования кадрового резерва, появления творческих групп и отечественных научных центров, поддерживающих государственное военное строительство? Полагаю, что можно, и более того, при небольших усилиях результаты могут дать знать о себе достаточно скоро.

В сфере военно-экономического и военно-политического анализа для этого есть практически все составляющие.

Первая и главная – есть молодые люди, которые хотят и могут работать в этом направлении, но пока не знают, куда обратиться, особенно те, кто обучаются в российских регионах. *Нераспространенческая образовательная сеть* отчасти оттого так популярна среди молодых международников по всей стране, что она является одной из немногих *открытых возможностей* для подключения к *взрослому* экспертному сообществу и самореализации в интересной им сфере международной безопасности.

Военное строительство – тема не менее захватывающая, при этом доступная студентам и аспирантам, проходящим обучение по гораздо большему числу специальностей, так как затрагивает все сферы жизни от финансов и медицины до физики и политики. Военная реформа – это колоссальный проект, который вдохновляет, а отнюдь не только разочаровывает. Грамотные молодые люди, имеющие здоровые амбиции и стремящиеся реализовать себя в государственной, общественной или научной жизни, найдут здесь массу возможностей для самореализации. И не надо полагать, что *государственное мышление* свойственно только отставным генералам или марширующим по улицам активистам какого-нибудь движения. Причастность к большим государственным делам, важность и значение которых очевидны, для многих является стимулом отнюдь не меньшим, чем зарплаты в бизнесе. Остается лишь не потерять энергию и интеллект этих молодых людей.

Вторая составляющая – в России существуют несколько гражданских академических институтов, ведущих исследования в близких к военным областях, и независимые частные или общественные аналитические центры, к которым можно отнести менее активный, чем раньше, Совет по внешней и оборонной политике, Институт военного и политического анализа, Лабораторию военной экономики Института Гайдара и др. Потенциал этих центров до последнего времени не был востребован военными, а сегодня оказалось, что его уже недостаточно для аналитической поддержки и продвижения реформы. Тем не менее, общение с экспертами, которые здесь работают было бы весьма полезным для широкого круга начинающих специалистов, тем более что образовательно-просветительская деятельность этих институтов весьма ограничена и почти не выходит за пределы Москвы.

Третья часть – в России есть сильные региональные университеты, многие студенты которых по уровню подготовки не уступают учащимся столичных вузов. Это Санкт-Петербургский, Томский, Уральский, Нижегородский, Дальневосточный, Южный и другие государственные и федеральные университеты. Региональные высшие учебные заведения давно привыкли жить самостоятельно, там работают активные люди, разрабатывающие оригинальные методики преподавания. Если говорить об образовании в области международной безопасности, то эти вузы имели две проблемы – ограниченные ресурсы (в сравнении с московскими университетами) и отсутствие постоянного прямого доступа к тем, кто занимается прикладными исследованиями и консультирует органы власти или раньше работал в них. Здесь может быть сильная историческая, языковая, теоретическая подготовка, но в силу удаленности от столицы – мало *практики*. Сегодня появляются возможности для решения этих вопросов. Во-первых, сегодня новые вузы, федеральные и исследовательские университеты начинают получать значительные государственные гранты, в частности, на привлечение ведущих российских и иностранных ученых⁹. Поскольку изучение иностранного опыта военного строительства остается одним из слабых мест, то вузы и московские аналитические центры могут вместе привлекать и вести совместную научно-образовательную работу с иностранными экспертами. Во-вторых, развитие интернета и других технологий коммуникации, при наличии должного финансирования, позволяет вузам вести совместные исследовательские и образовательные проекты с московскими аналитическими центрами. Необходимо отметить,

что выход на региональные университеты отнюдь не закрывает дорогу к сотрудничеству с московскими вузами.

Таким образом, предпосылки для развития образования и появления исследовательских центров в области военной экономики и военного строительства существуют. Для того чтобы они появились, необходимо вести системную работу, вводить учебные программы, создавать сообщества молодых ученых, которые завтра превратятся в научные школы и влиятельные общественные институты. Однако есть вопрос о том, *кто* будет вести эту системную работу? Конечно, можно найти самые разные ответы на эти вопросы, одним из оптимальных вариантов является деятельность неправительственных организаций.

NON MULTA, SED MULTUM И LIBERUM ARBITRIUM¹⁰

Стоит обратить отдельное внимание на то, почему именно неправительственные организации стали наиболее активными, *системообразующими* элементами образовательной и научной *сети* в сфере ядерного нераспространения и международной безопасности. Кратко ответ сформулирован в девизах двух основных отечественных неправительственных организаций, ведущих образовательную деятельность в сфере международных отношений, – ПИР-Центра и Научно-образовательного форума по международным отношениям: *Non multa, sed multum* – «не много, но многое» и *Liberum arbitrium* – «свобода воли». То есть небольшие по штату и ресурсам, а поэтому выстраивающие работу таким образом, чтобы достичь максимальных результатов при минимальных издержках, что невозможно без творческого решения любой задачи, независимые, а значит, свободные в определении программ и подходов и готовые предложить взвешенную профессиональную аналитику.

Здесь как нигде достигается эффект от синергии научной, образовательной, информационной работы, творческой энергии молодых людей и опыта старших коллег. Открытость, мобильность, эффективность затрат являются чертами, без которых образовательная НПО не сможет существовать. Прозрачность системы отбора слушателей и высокий конкурс на участие в программах, возможность для общения с представителями государственных ведомств и ведущими экспертами, коллегами из стран СНГ, уникальная среда для обмена опытом и идеями, широкие международные связи, возможность получить первый опыт профессиональной ответственной аналитической работы – вот то, что привлекает к сотрудничеству с НПО и талантливых амбициозных молодых людей, и экспертов, и высоких представителей власти. Безусловно, ресурсы НПО ограничены, и вряд ли западные грантодатели станут финансировать исследования и образование в области российского военного строительства. Но растут возможности российских государственных, общественных и частных фондов. Поддержка формирования нового, первого поколения гражданских экспертов и других специалистов, занимающихся вопросами военного строительства, станет их реальным вкладом в модернизацию страны.

Военной реформе, а точнее, развитию военной организации страны нужны новаторские идеи и союзники – в экспертном сообществе, бизнесе, науке, политике. Не нужны крикуны и глашатаи, необходимы грамотные специалисты, готовые построить сбалансированные отношения между военной и гражданской составляющими общества. Такие люди в России есть. Сегодня это студенты и аспиранты, *кочующие* по научно-практическим конференциям, летним школам и стажировкам. Если построить с ними работу, то завтра они не пополнят ряды *работающих не по специальности*, а станут надежной опорой динамичного развития страны и ее Вооруженных сил.

Примечания

¹ Цит. по: Бушнелл Джон. Д. Милютин и Балканская война: испытание военной реформы. *Великие реформы в России. 1856–1874*. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 252.

² Там же. С. 252.

³ Там же.

⁴ Сердюков А.Э. Военная школа России: состояние и перспективы развития. Сайт Министерства обороны РФ. 17 ноября 2010 г. http://www.mil.ru/847/851/publications_1/12671/index.shtml?id=76658 (последнее посещение – 21 ноября 2010 г.).

⁵ Рибер Альфред Дж. Групповые интересы вокруг великих реформ. *Великие реформы в России. 1856–1874*. М.: Издательство Московского университета, 1992. С. 44–73. Тема получила развитие в новой книге российского историка А.В. Ремнева, см.: Ремнев А.В.. Самодержавное правительство. Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010.

⁶ Рибер Альфред Дж. Цит. соч. С. 68–70.

⁷ Выступление генерал-полковника в отставке В.И. Есина, секретаря правительственной комиссии по военной реформе 1997–1999 гг., на семинаре цикла «Научные среды» «Мировой опыт и военная реформа в России» 17 ноября 2010 г. Москва, ПИР-Центр.

⁸ Профессионал в армии – это человек, управляющий насилием. Интервью с В.В. Шлыковым. *Русский Репортер*. 2010, 23 сентября. № 37 (165) <http://www.rusrep.ru/article/2010/09/25/10military> (последнее посещение – 21 ноября 2010 г.).

⁹ Постановление Правительства РФ № 220 от 9 апреля 2010 г. «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования».

¹⁰ *Non multa, sed multum* – не много, но многое, *Liberum arbitrium* – свобода воли.

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в 2010 г.

↳ **Галия Ибрагимова. ИНДЕКС *iSi* 2010: ИТОГИ ГОДА**

↳ **Евгений Бужинский, Дайан Джаятиллека, Пал Дунай, Андрей Картунов, Антонио Рамальо, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Константин фон Эггерт. КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

В конце 2010 г. ПИР-Центр и члены Международной экспертной группы в очередной раз оценили изменение уровня военных, политических, террористических, экономических, техногенных и природных угроз за прошедшие 12 месяцев и установили новое базовое значение Индекса *iSi* на 2011 г. При определении базового показателя *iSi* научные сотрудники ПИР-Центра вместе с другими экспертами рассматривают вероятность возникновения таких угроз, как всеобщая ядерная война, широкомасштабный военный конфликт между ядерными государствами, резкое обострение отношений между мировыми державами, осуществление крупного террористического акта и др. Учитываются также экономические, экологические, техногенные факторы безопасности. В пересмотре базового значения Индекса в декабре 2010 г. участвовали научные сотрудники ПИР-Центра и члены Международной экспертной группы: И. Аргуэльо, Д. Джаятиллека, А.В. Кортунов, Н.В. Перфильев, Е.Н. Петелин, А.Х. Рамальо, А. Сагер, Е.Я. Сатановский, Ф.Ф. Толипов, Н. Унникришнан, К. фон Эггерт, В.А. Орлов.

В течение 2010 г. Индекс международной безопасности рассчитывался не только ежемесячно, но и еженедельно. Каждый вторник новый показатель *iSi* публикуется в газете *Коммерсантъ*.

Индекс *iSi* – это интегрированный показатель, который фиксирует уровень угроз безопасности и благополучия. Расчет Индекса происходит в два этапа. Первый – определение базового значения Индекса – происходит раз в год: эксперты оценивают изменение уровня той или иной угрозы и вероятность ее воплощения. На втором этапе расчета *iSi* ежемесячно и еженедельно оцениваются события, которые произошли в мире и вызвали отклонение Индекса от идеального состояния. *Идеальный* уровень международной безопасности равен 4210 пунктам. Соответственно, чем ближе значение Индекса к этому уровню, тем безопаснее мир, и наоборот. В 2008 г. базовое значение *iSi* составляло 3209 пунктов, в 2009 г. 3195, в 2010 г. – 3228 пунктов. Новое базовое значение, устанавливаемое на 2011 г., равно **3284 пунктам**.

 Все факторы глобального и регионального масштаба, которые рассматриваются при определении базового значения, обозначены в методологии расчета Индекса, приведенной на сайте интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://isi.pircenter.org>. Здесь же представлены результаты ежемесячных измерений *iSi* и комментарии экспертов.

Дата	Общее значение	Базовое значение	Ежемесячный показатель
1 сентября 2008 г.	2832	3209	-377
1 января 2009 г.	2911	3195	-284
1 декабря 2009 г.	2930	3228	-298
1 января 2010 г.	2912	3228	-316
1 февраля 2010 г.	2908	3228	-320
1 марта 2010 г.	2914	3228	-314
1 апреля 2010 г.	2901	3228	-327
1 мая 2010 г.	2891	3228	-337
1 июня 2010 г.	2878	3228	-350
1 июля 2010 г.	2886	3228	-342
1 августа 2010 г.	2920	3228	-308
1 сентября 2010 г.	2908	3228	-320

1 октября 2010 г.	2918	3228	-310
1 ноября 2010 г.	2954	3228	-274
1 декабря 2010 г.	2910	3228	-318
1 января 2011 г.	2945	3284	-339

Рост годового значения Индекса – результат двух ожидаемых событий: подписание Россией и США в апреле нового Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений и относительно успешные итоги обзорной конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия в мае в Нью-Йорке. Позитивное влияние этих событий на глобальную безопасность обусловлено тем, что они подтвердили приверженность мирового сообщества укреплению режима ядерного нераспространения. Отсутствие серьезного ухудшения в основных конфликтных зонах и наличие намерений сдвинуть решение этих проблем с мертвой точки на протяжении года также определяли положительную динамику Индекса. Тем не менее, от деклараций к делу часто не переходили.

Евгений Бужинский (Россия), генерал-лейтенант – по телефону из Москвы: Важным событием 2010 г. стал саммит НАТО в Лиссабоне. Новая стратегическая концепция, одобренная на саммите, является наиболее революционной среди принятых Альянсом после окончания холодной войны. Показательным является сам процесс формирования – никогда ранее он не был настолько открытым и прозрачным. В документе впервые зафиксировано, что НАТО никого не считает больше своим противником в евроатлантическом регионе. Приоритетной целью Альянса становится достижение мира без ядерного оружия. Тем не менее, НАТО будет оставаться ядерной до тех пор, пока в мире будет существовать ядерное оружие. В частях концепции, которые касаются отношений с Россией, прописаны наиболее перспективные области сотрудничества – ПРО, борьба с терроризмом, распространением наркотиков, пиратством. Особое внимание следует обратить на то, что в совместном заявлении Россия–НАТО наша страна подтвердила свою заинтересованность в возобновлении участия в операциях *Активные усилия* в Средиземном море. Это операция проводится в рамках статьи 5 Вашингтонского договора. В свое время приглашение к участию в ней России было по-своему революционным, так как повлекло за собой решение чисто технических задач взаимодействия кораблей в море, что вторгалось уже в очень чувствительные сферы военно-технического сотрудничества. В заявлении отражена совместная заинтересованность в восстановлении и модернизации режима контроля над обычными вооружениями. Но здесь заложена конструктивная неопределенность, потому что мы и наши партнеры слово *модернизация* понимаем по-разному. Остается надеяться, что прописанная в Совместном заявлении цель к достижению подлинного стратегического сотрудничества между Россией и НАТО в 2011 г. начнет реализовываться.

Не произошло кардинальных сдвигов в решении ключевых политических проблем международной безопасности. Иран приступил к работам по производству ядерного топлива. Летом Совет Безопасности ООН ужесточил санкции против Тегерана. Обстановка на Корейском полуострове накалилась до предела. В ноябре в Желтом море произошел вооруженный инцидент между КНДР и Южной Кореей. Надежды, возлагаемые мировым сообществом на палестино-израильские мирные переговоры, не оправдались, Ближний Восток вновь оказался в тупиковой ситуации. Нежелание Китая укреплять курс юаня ухудшило его отношения с США и Европой. Но осенние саммиты G20 и АТЭС позволили перейти к более конструктивному диалогу. Наиболее негативным событием на постсо-

Ъ
В
Р
О
С
С
И
Е
Ф
Е
Д
Е
Р
А
Ц
И
И
С
О
В
М
Е
Ш
Т
В
О
Р
Я
М

ветском пространстве стал государственный переворот в Киргизии, переросший в столкновения на этнической почве между узбекской и киргизской диаспорами. Временному правительству с трудом удалось остановить кровопролитие.

Афганистан–Пакистан. В 2010 г. не снижался уровень военно-политических угроз в Афганистане. Силы международной коалиции провели в стране несколько боевых операций с целью выбить талибов из основных районов и поставить их под контроль официального афганского правительства. Решающую роль в этом процессе сыграла военная операция *Моштарак* на юге Афганистана. Интенсивные боевые действия велись и на территории Северо-западной пограничной провинции Пакистана. Американские беспилотные летательные аппараты наносили здесь удары, правительственные войска Пакистана вели наступление. В результате удалось взять под контроль районы, ранее контролировавшиеся талибами, уничтожить влиятельных командиров отрядов движения. Но авиаудары беспилотников привели к большим жертвам среди мирного населения, что несколько осложнило отношения Пакистана с США. В конце года официальный Исламабад запретил США наносить авиаудары по провинции Белуджистан. В то же время уровень террористических угроз на территории Афганистана и Пакистана остается одним из самых высоких в мире. В течение года кабинет Карзая не терял надежды выйти на переговоры с так называемыми *умеренными* талибами. Большие надежды летом возлагались на *Лойя Джиргу* – всеафганский сход граждан. Но в отсутствие делегатов от оппозиции *Джирга* не стала площадкой для отработки инициатив по национальному примирению. Осенью в Афганистане прошли парламентские выборы, которые, несмотря на многочисленные нарушения, были признаны состоявшимися.

Фарход Толипов (Узбекистан), независимый политолог – по электронной почте из Ташкента: Уровень безопасности в мире в 2010 г. снизился. Сохраняющаяся военная напряженность в зоне Афганистан–Пакистан в течение года определяла состояние безопасности в Азии. Визит осенью 2010 г. президента США Барака Обамы в Индию и признание ее позитивной роли в развитии Южной Азии привнесли позитивный импульс в дела региона. Но в целом ситуация оставалась сложной. В Центральной Азии уровень безопасности за прошедший год заметно снизился. Трагические события на юге Киргизии в июне 2010 г. привели к ухудшению взаимоотношений между узбекской и киргизской диаспорами. Если в ближайшей перспективе не будут выработаны новые механизмы предупреждения подобных событий, это может негативно повлиять на взаимоотношения всех государств региона. Обострились водные споры между Узбекистаном и Таджикистаном, которые не могут пока выйти из узконациональных рамок восприятия водной проблемы, подняться выше слишком узко понимаемых национальных интересов в этом вопросе. Это в свою очередь ставит весь регион в конфликтогенную плоскость и увеличивает степень недоверия между государствами региона.

Позитивно на безопасность Центральной Азии повлияло ослабление Исламского движения Узбекистана (ИДУ) в связи с гибелью его лидера. Состоявшийся в Астане в начале декабря саммит ОБСЕ повысил внимание мирового сообщества к региону. В перспективе ОБСЕ может способствовать более активному проведению стратегии ЕС в Центральной Азии и стать важным этапом на пути разработки новых форм международного сотрудничества в регионе. В 2011 г., если вывод войск НАТО все же состоится, то это приведет к росту региональных вызовов и угроз в Центральной Азии.

Вопросы афганского урегулирования находились в центре внимания саммита НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. Страны Североатлантического альянса одобрили начало процесса передачи афганцам ответственности за безопасность в стране: его запустят в начале 2011 г., а завершить планируется к концу 2014 г.

Дайан Джаятиллека (Шри-Ланка), посол, профессор университета Коломбо – по электронной почте из Коломбо: Прошедший 2010 г. определяли разнонаправленные тенденции. В начале года администрация США объявила о намерении вывести основной контингент из Афганистана к 2011 г. Завершился вывод американских войск из Ирака. Осенью правительству Карзая удалось выйти на переговоры с талибами. Страны Североатлантического альянса на протяжении года вели конструктивные переговоры по новой стратегической концепции, которую благополучно приняли в ноябре на саммите НАТО в Лиссабоне. Немаловажно, что в новой стратегии НАТО миссия организации адаптирована к современным реалиям. Эти события позитивно повлияли на состояние международной безопасности.

Большую тревогу мирового сообщества в течение года вызывали события на Корейском полуострове. При этом крупные мировые державы заняты в основном своими внутренними делами, и потому Южной и Северной Корее не следует рассчитывать на существенную помощь по выходу из кризиса. Бескомпромиссность Ирана по ядерной программе также негативно влияет на климат международной безопасности.

Ближний Восток. На протяжении 2010 г. ситуация на Ближнем Востоке оставалась изменчивой и нестабильной. Возможности для начала переговоров между Палестинской национальной администрацией и Израилем не реализовались из-за планов Тель-Авива начать строительство в Восточном Иерусалиме. Взаимодействие между сторонами возобновилось лишь в конце весны. Но инцидент в Средиземном море с гуманитарной флотилией, направлявшейся в сектор Газа, резко обострил отношения Израиля и ПНА. Действия израильского спецназа, захватившего флотилию, вызвали критику США, Турции, ЕС, России и других стран. Совет Безопасности ООН осудил Израиль и призвал к тщательному расследованию обстоятельств случившегося. В середине июня Израиль согласился пойти на облегченный режим блокады сектора Газа и расширил список товаров для ввоза в анклав. Вновь призвать главу ПНА Махмуда **Аббаса** и премьер-министра Израиля Биньямина **Нетаньяху** к прямому диалогу удалось лишь осенью. За столом переговоров стороны согласовали начало выработки рамочного соглашения по мирному урегулированию. Но окончание моратория на строительство Израилем поселений на Западном берегу реки Иордан и нежелание кабинета Нетаньяху продлить его в очередной раз привело к срыву переговорного процесса.

В течение года напряженной оставалась ситуация на границе Израиля и сектора Газа. Израильская авиация продолжала наносить удары по отдельным объектам анклава, откуда происходили обстрелы израильской территории. Возобновились переговоры между оспаривающими власть палестинскими группировками **ФАТХ** и **ХАМАС** при посредничестве Египта и Саудовской Аравии. Готовность возобновить мирные переговоры с Сирией выразил и Израиль. Сложными и напряженными оставались отношения Израиля и Ливана.

Корейский полуостров. В 2010 г. уровень военно-политической напряженности на Корейском полуострове стремительно возрастал. Принятие Южной Кореей плана действий в случае нестабильности в КНДР стало причиной отказа последнего вести переговоры. 26 марта в Желтом море затонул южнокорейский корвет **Чхонан**. После расследования причин инцидента РК опубликовала доклад, в котором указывалось, что корвет был уничтожен торпедой, выпущенной с подводной лодки Северной Кореи. Эти заявления вызвали резкую критику северян. КНДР разорвала все связи с Южной Кореей и привела войска в повышенную боевую готовность. В середине лета США и РК приступили к совместным военно-морским учениям в Желтом море, что еще больше усугубило положение дел на Корейском полуострове. Север выступил с предупреждением, что будут предприняты жесткие меры, если маневры будут угрожать безопасности и территориальной целост-

Ы
В
Р
О
С
С
З
С
Б
Е
О
Д
О
А
П
Х
З
В
О
А
И
И

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока – по электронной почте из Москвы: Состояние международной безопасности в прошедшем 2010 г. было весьма неустойчивым. Некоторое потепление отношений России и США снизило риск возникновения войны между государствами, обладающими ядерным оружием, но угроза региональных конфликтов с использованием ядерного оружия осталась крайне высокой. Начало работ по обогащению урана в Иране поставило под сомнения эффективность деятельности МАГАТЭ. В арабском мире, Турции, Латинской Америке, Африке, Юго-Восточной Азии развивается процесс нуклеаризации, который на определенном этапе может пойти по северокорейскому пути: выход на определенный уровень в рамках МАГАТЭ, затем – выход из этих рамок. Международная система ядерного контроля *трещит по швам*. Итоги обзорной конференции по рассмотрению ДНЯО продемонстрировали, что договор *де-факто* изжил себя и движется к распаду; открытым остается вопрос, кто первым его покинет. Кризис в экономике, внешней политике ослабил претензии *мирового жандарма* США на мировую гегемонию и снизил желание ввязываться в военные авантюры; Белый дом сворачивает присутствие в *третьем* мире. В 2011 г. следует ожидать обострения противоречий США и Китая не только из-за неустойчивости национальных валют, но из-за проблемы Тайваня.

ности КНДР. В сентябре ситуация немного разрядилась, и КНДР объявила о готовности возобновить двусторонние переговоры с США, а также с *шестеркой* международных переговорщиков по вопросам денуклеаризации Корейского полуострова. В конце осени взаимоотношения между Северной и Южной Кореями достигли наивысшего пика напряженности. 23 ноября 2010 г. остров Ёнпхёндо, где проходит спорная линия раздела между Севером и Югом, был обстрелян со стороны КНДР; Южная Корея открыла ответный огонь. Причиной артобстрела стали южнокорейские военные учения, проводившиеся в районе острова. Мировое сообщество осудило инцидент и призвало стороны к сдержанности. 27 ноября 2010 г. Южная Корея и США приступили к крупномасштабным военным маневрам в Желтом море, южнее того места, где произошел военный инцидент.

Антонио Рамальо (Бразилия), профессор Института международных отношений Национального университета Бразилии – по электронной почте из Бразилии: В 2010 г. увеличилась угроза передачи критических технологий и оружия агрессивным режимам и организациям в обход существующих режимов нераспространения. Неубедительные итоги Обзорной конференции по ДНЯО означали, что эти нелегальные структуры получили возможность укрепить свою криминальную деятельность.

В Латинской Америке в 2010 г. обеспокоенность вызывали резкие темпы снижения экономического развития в Венесуэле; разгул городской преступности в Бразилии и Аргентине, неспособность правительства своевременно решать острые социально-политические проблемы чреватые серьезными последствиями для всего региона. Заметен определенный прогресс в Колумбии. Снижение активности ФАРК позитивно повлияло на состояние безопасности в регионе. США и Бразилия в 2010 г. заключили первое за 30 лет военное соглашение, что свидетельствует о взятом курсе региональных правительств проводить политику контролируемого вовлечения США в процессы региональной безопасности.

В сентябре на съезде Трудовой партии Кореи младший сын главы Северной Кореи – **Ким Чен Ын** – объявлен официальным преемником отца на посту лидера КНДР.

Иран. В марте Иран приступил к обогащению урана до 20% и заявил о намерении построить 10 новых заводов по обогащению урана. Нежелание Ирана идти на необходимое прояснение ситуации вокруг своей ядерной программы привело к введению новых санкций Советом Безопасности ООН. Санкции усилили давление на страну в военной, экономической, финансовой, энергетической и технической областях. Такие крупные компании, как *Shell, Trafigura, Glencore International AG* и *Vitol*, прекратили поставки бензина в Иран. ЕС и США ввели также односторонние санкции против ИРИ. Тегеран назвал эти действия ошибочными и заявил о намерении продолжить развитие своей ядерной программы.

В августе была запущена Бушерская АЭС. Россия и другие страны, поддерживающие развитие мирной ядерной программы, стремились показать Тегерану преимущества следования гарантиям МАГАТЭ и сотрудничества с мировым сообществом. В соответствии с новым докладом МАГАТЭ, опубликованным 6 сентября 2010 г., Иран продолжает обогащение урана вопреки резолюциям Совбеза ООН. Россия, ссылаясь на решение Совета Безопасности от 9 июня 2010 г., отказалась поставлять в Иран зенитно-ракетные системы С-300. Осенью в виртуальном пространстве Ирана был обнаружен вредоносный компьютерный вирус *Стакнет*, который, по мнению иранской стороны, угрожает работе АЭС в Бушере. В конце ноября из-за технических проблем была временно приостановлена работа нескольких тысяч иранских центрифуг, используемых для обогащения урана. По мнению Тегерана, это беспрецедентное явление могло произойти из-за вирусной атаки в системе иранских заводов по обогащению урана.

Ирак. В течение 2010 г. Ирак пребывал в состоянии затяжного внутривнутриполитического кризиса. 7 марта в стране прошли парламентские выборы. По их итогам ни одна из коалиций не смогла сформировать правительство самостоятельно. Политические силы требовали пересчета голосов и отказывались вступать в переговоры по созданию правительства, что грозило дестабилизацией ситуации. В конце лета возглавляемый премьер-министром Ирака Нури аль-Малики блок *Государство закона* и *Иракский национальный альянс шиитских религиозных партий* объявили о формировании крупнейшей парламентской коалиции, а осенью между политическими блоками была достигнута договоренность о создании коалиционного правительства.

Ъ
В
Р
О
С
С
Б
Е
О
Д
Р
П
Х
Ы
В
О
Р
И
М

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива – по электронной почте из Дубая: 2010 г. еще раз подтвердил, что привычная парадигма глобальной безопасности трансформируется. Мировая экономика далека от выздоровления, США не могут единолично управлять всеми военными операциями в конфликтных регионах и одновременно принимать стабилизационные меры для выхода экономики из кризиса. На протяжении года в центре внимания мировой общественности находилась валютная война между США, Европой и Китаем и нежелание сторон идти на компромиссы. Выйти на конструктивный диалог удалось лишь в конце 2010 г. на саммитах G20, где стороны решили воздержаться от девальвации валют для обеспечения национальной конкурентоспособности, развивать систему финансового регулирования и предоставить нуждающимся странам беспопылинный доступ на рынки стран *двадцатки*.

Негативное влияние на безопасность государств Залива в течение 2010 г. оказывал политический кризис в Ираке из-за неспособности политических сил сформировать правительство. Лишь в конце года партиям удалось достичь договоренности о создании коалиционного правительства. Угроза терроризма на Ближнем Востоке и в Южной Азии является одной из самых высоких в мире. Большую озабоченность государств Залива в 2010 г. вызывали события в Центральной Азии. Межэтнические столкновения между узбекской и киргизской диаспорами резко снизили уровень региональной безопасности.

В начале сентября президент США Барак Обама объявил о завершении боевой операции *Иракская свобода* и переходе ответственности за безопасность в Ираке на национальные силы страны. Это решение подвело итог активной фазы военной операции США. Между тем, в стране остается около 50 тыс. американских военнослужащих, которые должны обеспечить боевую поддержку и подготовку иракской армии. Из-за непрекращающихся терактов в Ираке был введен высший уровень террористической угрозы.

Постсоветское пространство. Государственный переворот в Киргизии, переросший в столкновения на этнической почве между узбекской и киргизской диаспорами, в 2010 г. серьезно обострил ситуацию в Центральной Азии и на всем постсоветском пространстве. Жертвами столкновений, по официальным данным, стали более 250 человек, но власти признали, что их реальное количество может превышать несколько тысяч. Для стабилизации ситуации временное правительство заявило о намерении превратить Киргизию в государство с парламентской формой правления и получило для этого вотум доверия граждан. 10 октября в Киргизии состоялись парламентские выборы. По итогам голосования пять партий набрали необходимо количество голосов избирателей и прошли в парламент страны, но неспособность партий договориться и создать коалиционное правительство не снизила уровень внутривнутриполитической напряженности в Киргизии.

В течение года росло напряжение в отношениях между Казахстаном и Узбекистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Киргизией, с другой, в связи с планами последних по строительству новых крупных ГЭС.

Противоречия между Беларуссией и Россией, возникшие летом из-за долга белорусской стороны перед российским *Газпромом*, привели к сокращению поставок газа на территорию Беларуссии. Минск начал несанкционированный отбор газа из транзитного трубопровода. В преддверии президентских выборов в Беларуссии президент России подверг жесткой критике антироссийскую риторику в белорусских СМИ. Отношения двух стран заметно похолодели.

Вступление в должность нового президента Украины Виктора **Януковича** привело к улучшению российско-украинских отношений. Весной 2010 г. Россия и Украина подписали соглашение по продолжению базирования Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 г.

Таможенный союз между Россией, Казахстаном и Беларуссией в июле 2010 г. был введен в действие.

Андрей Кортунов (Россия), президент фонда Новая Евразия – по телефону из Москвы: В 2010 г. уровень безопасности в России и на постсоветском пространстве повышался. Позитивно на климат безопасности в регионе повлияла нормализация российско-украинских отношений и подписание соглашения по продолжению базирования Черноморского флота РФ в Крыму после 2017 г. Подписание нового договора СНВ между Россией и США – первый практический результат *перезагрузки* отношений двух стран. Негативно на состояние региональной безопасности повлияло обострение российско-белорусских отношений. Рост военно-политической напряженности на Корейском полуострове осенью 2010 г. привел к обострению ситуации вокруг пространства СНГ, включая Россию. Представляется, что следующий 2011 г. будет достаточно сложным и в то же время активным периодом для глобальной безопасности. Для России и США – это последний год перед выборами президентов в 2012 г. Осложнение ситуации вокруг ратификации договора СНВ может определить ход американской предвыборной кампании. Следует ожидать увеличения числа очагов нестабильности в Азии. Остается надеяться, что острые вопросы, стоящие на повестке дня мирового сообщества, все же будут смягчены.

Европа. Экономика стран еврозоны в 2010 г. была под воздействием разнонаправленных тенденций. Обвальное падение индексов на фондовых биржах весной привело к резкому падению курса евро по отношению к доллару. Несмотря на некоторую финансовую стабилизацию в конце лета, экономика многих европейских стран находилась в тяжелом состоянии. Наиболее серьезные экономические сложности постигли Грецию. Реформы, направленные на преодоление финансового кризиса и сокращение дефицитов бюджетов, вызвали волну возмущения во многих странах Европы. Наиболее масштабными демонстрациями была охвачена Франция из-за пенсионной реформы Николая **Саркози**.

Среди политических событий Европы следует выделить поражение на парламентских выборах в Великобритании лейбористской партии Гордона **Брауна** и победу консерваторов. Новым премьер-министром Великобритании стал лидер консервативной партии Дэвид **Кэмерон**. 10 апреля под Смоленском потерпел крушение самолет, в результате чего погибли президент Польши Лех **Качиньский**, многие представители польского военного командования и видные общественные деятели страны. На состоявшихся досрочных президентских выборах победу одержал председатель сейма Бронислав **Коморовский**. Первые прямые переговоры между Сербией и Косово, намеченные на октябрь 2010 г., были отложены на 2011 г. Причина тому – отставка президента Косово и как следствие возникший в крае вакуум власти.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности – по электронной почте из Будапешта: Безопасность Восточной и Центральной Европы в 2010 г. в целом не была подвержена влиянию событий, которые определяли мировую повестку дня. Спала некоторая напряженность в отношениях между Сербией и Косово, улучшились российско-польские отношения. На саммите НАТО в Лиссабоне была принята новая стратегическая концепция Альянса. Для Восточной и Центральной Европы это событие значимо тем, что в новой концепции подтверждена приверженность членов блока Статье 5. Среди негативных событий региона следует отметить отсутствие консенсуса в Боснии и Герцеговине, что вызывает большую озабоченность у соседних стран. Высокой останется угроза терроризма и других транснациональных проблем.

Африка. Во многих государствах Африки сохранялась внутривнутриполитическая напряженность. В **Сомали** рос уровень военных угроз. В течение года здесь проходили бои между правительственными силами и исламистскими группировками. Чрезвычайно высоким оставался уровень активности сомалийских пиратов. В **Судане**, где в 2011 г. пройдет референдум по самоопределению юга, усилились межэтнические противоречия. Столкновения между повстанцами и правительственными войсками проходили в западной провинции Судана – Дарфуре. В **Алжире, Мавритании, Нигере** высоким сохранялся уровень террористических угроз. Положительным фактором стало начало перехода к гражданской форме правления в **Гвинее**.

Стратегическая стабильность и ядерная безопасность. Принятие в мае заключительного документа по итогам Обзорной конференции ДНЯО 2010 подтвердило общую приверженность 189 стран-участниц Договора укреплению международного режима нераспространения.

Значимым событием 2010 г. стало подписание президентами России и США нового Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Документ призван обеспечить прозрачность и предсказуемость в отношениях двух крупнейших ядерных держав и создать основу для дальнейшего прогресса реализации положений ДНЯО. В американском Сенате ратификация нового СНВ вызвала большие споры. Основные опасения противников договора были связаны

Ы
В
Р
О
С
С
И
И
И
Н
Т
Е
Л
Л
О
В
О
Р
А
М

с тем, что вступление в силу нового ДСНВ наложит ограничения на создание американской национальной противоракетной обороны, а также заблокирует создание единого противоракетного щита НАТО в Европе. По итогам прошедших в США 2 ноября промежуточных выборов в Конгресс США республиканцы укрепили свои позиции. Договор был ратифицирован 22 декабря 2010 г. В то же время Сенат принял резолюцию о том, что договор не накладывает ограничений на создание ПРО.

В ноябре 2010 г. состоялся саммит НАТО в Лиссабоне, где была принята новая стратегическая концепция Альянса. Значимое место в документе отводится сотрудничеству с Россией. 20 ноября на саммите Россия–НАТО президент РФ Дмитрий Медведев и лидеры 28 стран Альянса обменялись предложениями о совместной работе по ПРО. Стороны договорились об обратном транзите из Афганистана в Европу через Россию.

ISI **Константин фон Эггерт (Россия)**, член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра – по электронной почте из Москвы: В прошедшем 2010 г. в мире стало тревожнее, но в России и на постсоветском пространстве состояние безопасности несколько улучшилось. *Переагрузка* российско-американских отношений и саммит Россия–НАТО в Лиссабоне, где стороны обсудили перспективы сотрудничества, а также обменялись предложениями о совместной работе по ПРО, наиболее позитивно отразились на безопасности региона. Военные столкновения на Корейском полуострове и усиление конфронтации вокруг иранской ядерной программы оказали наиболее негативное влияние на безопасность в мире.

Природные катастрофы и техногенные аварии. Землетрясение на Гаити, в Китае, Чили, авария на нефтяной скважине в Мексиканском заливе, наводнение в Пакистане, извержение вулкана в Исландии – в числе негативных событий года. Рекордно высокая температура и засуха в России стали причиной крупных лесных пожаров в густонаселенных районах Центральной России и Поволжья.

Галия Ибрагимова

Виталий Шлыков

КАК ЭТО БЫЛО В АМЕРИКЕ

Требованиям перевода сначала советской, а затем российской армии на контрактную (*профессиональную*) основу уже более 20 лет. При этом никто, насколько я могу судить, не обратил внимания на следующую парадоксальную закономерность: чем громче звучали подобные требования и чем решительнее руководители страны обещали добиться подобного перевода, тем меньше становилось в армии этих самых контрактников. В 1995 г. в российской армии насчитывалось 380 тыс. рядовых и сержантов контрактной службы. 16 мая 1996 г. президент Б.Н. Ельцин подписал указ № 722 «О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных сил Российской Федерации на профессиональной основе» к 2000 г. И сразу же после подписания указа численность контрактников стала таять, как снег весной. Уже в 1996 г. их осталось 240 тыс., а к 2003 г. 135 тыс.

Ответом на фактическое исчезновение института контрактников стало Постановление Правительства РФ № 523 от 25 августа 2003 г. об утверждении Федеральной целевой программы (ФЦП) «Переход к комплектованию военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, ряда соединений и воинских частей на 2004–2007 годы». ФЦП предусматривала рост числа контрактников к 2008 г. до 400 тыс., в том числе 147,6 тыс. в частях постоянной готовности. Программа получила полную поддержку президента РФ. Выступая перед армейским руководством на совещании в Минобороны 2 октября 2003 г., Владимир Путин сказал: «Еще раз обозначу приоритетные направления военного строительства. Первое – это совершенствование принципов комплектования. Здесь надо четко выдержать все установленные параметры и сроки. И к 2007 г. формирование профессиональных частей постоянной готовности должно быть завершено. При этом должен быть сокращен срок службы по призыву».

Сейчас уже никто не отрицает, что ФЦП реализована не была. Министр обороны А.Э. Сердюков недавно объявил, что ввиду бюджетных ограничений его ведомство может позволить себе иметь не более 90 или 100 тыс. контрактников.

А между тем многочисленные сторонники строительства Вооруженных сил на контрактной основе, несмотря на опыт последних 20 лет, не намерены, похоже, отступить. Об этом свидетельствуют, в частности, данные опросов населения, показывающие, что 60% опрошенных россиян выступают за контрактную армию.

Не исключено, что политики, как не раз бывало в прошлом, могут *пообещать* создать подобную армию. В связи с этим уместен вопрос, *возможно ли появление в России контрактной армии в обозримом будущем, скажем, в течение ближайших 10–15 лет?* Ответить на него может помочь знакомство с почти 40-летним опытом строительства такой армии в Америке.

Ы
Ц
И
Н
О
Р
Т
С
Н
А
П
Р

18 октября 1968 г. Ричард Никсон, тогда еще кандидат в президенты, пообещал в одном из выступлений по радио отказаться от призыва на военную службу после окончания войны во Вьетнаме. 27 марта 1969 г. уже в качестве президента Никсон объявил о создании Консультативной президентской комиссии по так называемой Вседобровольческой силе (ВДС), по-английски All-Volunteer Force (AVF), как американские вооруженные силы официально назывались с 1973 по 1983 г. Замена традиционного названия американской армии US Armed Forces на новое должна была показать, что речь идет о создании принципиально новой армии. При этом президент подчеркнул, что отдал указание комиссии подготовить *исчерпывающий план упразднения призыва и перехода к добровольческим вооруженным силам*.

Председателем комиссии был назначен бывший министр обороны Томас Гейтс. Всего комиссия состояла из 15 человек. Военных в ней было двое, отставные генералы Альфред Грюнтер и Лорис Норстед, в прошлом главнокомандующие объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. Наиболее внушительно была представлена сфера науки и образования (шесть человек). Это были Теодор Хезбург, ректор университета Нотр Дам; Джером Холланд, ректор Хэмптонского института; Джон Кэмпер, директор академии Филлипса; У. Аллен Уоллис, ректор университета Рочестер; Милтон Фридман, профессор экономики Чикагского университета; Жанна Нобль, профессор Нью-Йоркского университета.

Деловое и финансовое сообщество представляли четыре человека: Кроуфорд Гринволт, председатель финансового комитета корпорации *Дюпон де Немур*; Томас Кертис, вице-президент издательства *Британская энциклопедия*, в прошлом член Конгресса США; Алан Гринспен, председатель правления компании *Таусенд-Гринспен*; Фредерик Дент, президент компании *Мэйфер Миллз*.

Комиссия Гейтса провела свое первое заседание в мае 1969 г. и закончила составление доклада президенту Никсону 9 января 1970 г. В нем члены комиссии единогласно высказались за отмену призыва в пользу добровольного принципа комплектования.

Сжатые сроки перехода от призыва к контрактному способу комплектования (ровно два года, с 1 июля 1971 г. по 1 июля 1973 г.) не должны вводить в заблуждение. Обманчивыми оказались и первоначальные успехи при наборе добровольцев в новую армию. Когда спустя год, в июне 1974 г., все виды вооруженных сил доложили о достижении стопроцентной укомплектованности своих штатов добровольцами, мало кто мог предположить, что в следующий раз о подобном успехе они смогут отрапортовать лишь 35 лет спустя, в 2009 г. На самом деле при строительстве ВДС американцы столкнулись с огромными трудностями и не раз рассматривали вопрос о возврате к призыву. Сам инициатор создания добровольной армии, бывший президент Никсон говорил в начале 80-х гг., что совершил большую ошибку, когда отменил призыв. Влиятельный журнал *US News and World Report* также писал 17 мая 1982 г., что «когда Рейган пришел к власти 16 месяцев назад, многие аналитики списали добровольную армию как неосуществимую затею».

На российско-американском семинаре «Переход к комплектованию вооруженных сил на добровольческой основе: опыт России и США», состоявшемся в Москве 15–16 января 1998 г. по инициативе Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), один из видных теоретиков и практиков создания ДВС Кертис Гилрой заявил: «Процесс становления ВДС был отнюдь не легок, мы делали ошибки на нашем пути, и весь этот период занял 20 лет. ...Даже 10 лет спустя после того, как мы перешли к ВДС, находились люди, в том числе на ключевых политических постах, которые выступали за призывную армию. И я думаю, что на протяжении первых 20 лет после отказа от призыва мы не могли еще назвать систему ВДС успешной».

Семинар, проходивший под эгидой заместителя начальника Генштаба генерал-полковника В.Л. Манилова, дал 93 российским участникам (в основном генералам и старшим офицерам из различных силовых структур) возможность реалистично оценить сложность проблем, связанных с комплектованием армии на добровольной основе. Это объяснялось исключительно высокой квалификацией американских участников семинара (из США их прибыло 10 человек) в рассматриваемой области. Возглавлял

их Бернард Росткер, в то время заместитель министра ВМС по личному составу и резервам. Уволившись в 1970 г. из сухопутных войск в звании майора, он все последующие годы посвятил вопросам комплектования вооруженных сил – сначала в РЭНД¹, где он со временем возглавил Центр исследования проблем личного состава, а затем на различных административных должностях в Пентагоне. Вскоре после возвращения из Москвы он стал заместителем министра армии (1998–2000 гг.), а затем заместителем уже министра обороны США по личному составу. Позже он вернулся в РЭНД, где подготовил и издал в 2006 г. детальнейшую (объемом в 800 страниц) историю создания ВДС «Мне нужен Ты! Эволюция Вседобровольческой Силы» («I want YOU! The Evolution of the All-Volunteer Force»).

Строительство ВДС можно разбить на четыре этапа, которые настолько отличны друг от друга, что это позволяет рассматривать их как строительство по сути четырех отдельных армий, соответственно ВДС-1, ВДС-2, ВДС-3 и ВДС-4.

ВДС-1 (1973–1976 гг.) считается наиболее благополучной из всех четырех с точки зрения укомплектованности. Благодаря повышению Конгрессом в 1972 г. денежного содержания контрактников на 60% уровень их оплаты оказался заметно выше, чем у ровесников в гражданском секторе. Притоку добровольцев способствовал и начавшийся экономический спад, в результате которого уровень безработицы среди молодых людей в возрасте 17–21 года возрос вдвое.

Строительство **ВДС-2** (1977–1979 гг.) характеризуется американскими исследователями добровольческой армии как *катастрофа семидесятых*. В 1979 г. некомплект личного состава армии (то есть сухопутных войск) достиг 17%, и начальник штаба армии генерал Эдвард Мейер сделал ставшее знаменитым заявление, что он командует *пустой армией* (*hollow army*). В еще худшем состоянии находились резервные компоненты вооруженных сил. Так, численность индивидуального подготовленного резерва упала на 70%, в связи с чем главнокомандующий союзными силами в Европе генерал Бернард Роджерс потребовал введения обязательного призыва для этой категории резервистов.

Однако катастрофическим положение в войсках называлось не только вследствие провалов в их комплектовании. В еще большей степени столь драматичное описание положения дел вызывалось обвальным ухудшением качества нового пополнения. Об этом свидетельствовали проведенные тесты на общую пригодность к военной службе и уровень интеллекта. Введенная в 1968 г. балльная система тестов делит кандидатов в контрактники на пять категорий. В категорию I (высшую) входят кандидаты, набравшие 93–99 баллов, в категорию II – 65–92 балла. Для категории IIIA необходимо набрать 50–64 балла, IIIB – от 31 до 49 баллов. Далее следуют категории IVA (21–30 баллов), IVB (16–20), IVC (10–15) и V (0–9 баллов). Категория V призыву не подлежит. Так вот, если в наборе 1973 г. контрактники высших категорий (I, II, IIIA) составляли 49%, то в 1979 г. их доля упала до 25%. При этом доля низшей (IV) категории достигла 57%.

Падение качественных характеристик рекрутируемого контингента объяснялось снижением требований к новобранцам, вызванным неспособностью армии привлечь молодежь из средних слоев общества. В результате в армии заметно увеличилось число чернокожих американцев, представителей меньшинств и выходцев из бедных семей, для которых военная служба представлялась единственно возможным способом решения их материальных проблем. Не удивительно, что образовательный уровень новобранцев был невысок. Среди набора 1979 г. обладателей диплома об окончании средней школы оказалось всего 51% – меньше, чем в любой год с момента создания ВДС. Рухнула и дисциплина. В конце 1970-х гг. 40% солдат и сержантов имели взыскания в связи с нарушениями дисциплины и правопорядка.

Почему же успешно начатая программа строительства добровольной армии оказалась на грани провала всего три года спустя? Причин оказалось несколько. Основной оказались недальновидность и элементарная жадность политиков, решивших в эйфории от успехов при комплектовании ВДС-1, что контрактники получают слишком много. Сделав такой вывод, Конгресс и президентская администрация существенно урезали денежное довольствие военнослужащих. Если в 1973 г. оно составляло 950 долл. в месяц,

Ы
Ц
И
Н
О
Р
А
Т
С
Н
С

то к 1980 г. оно упало до 700 долл. (в долларах 1987 г.). При этом не было учтено состояние американской экономики, вступившей во второй половине 70-х гг. в фазу ускоренного роста, что привело к падению безработицы (в полтора раза к 1973–1976 гг.) и росту зарплат в гражданской экономике. В результате начинающий контрактник стал получать на 20% меньше средней заработной платы по стране. Одновременно были сокращены (с 700 до 400 млн долл. в год) ассигнования на службу рекрутирования.

Заметно снизилась привлекательность контрактной службы и в результате отмены в 1976 г. знаменитого *Солдатского закона* (G.I. Bill), принятого в 1944 г. и предусматривавшего обширные льготы для военнослужащих при увольнении с военной службы. Одной из таких льгот было право на получение бесплатного образования, включая высшее.

Считается, что семена острого кризиса при комплектовании армии (ВВС и ВМС были затронуты им в меньшей степени) были посеяны еще комиссией Гейтса. Озабоченная в первую очередь упразднением призыва, она сочла достаточным установить единый высокий уровень окладов для всех контрактников и не задумалась над тем, что привлекательность как отдельных видов вооруженных сил и родов войск, так и различных специальностей внутри них может для потенциальных добровольцев резко различаться. Жертвой такой *стрижки под одну гребенку* и стала армия.

По мнению некоторых экспертов, от полного краха контрактную армию в этот период спас неожиданно высокий приток женщин, достигший 15% в год. Неожиданным он стал потому, что комиссия Гейтса считала, что их численность среди контрактников не превысит 1%.

Строительство **ВДС-3** (1980–1982 гг.) можно охарактеризовать как *работу над ошибками*, допущенными в 70-х гг. Прежде всего, было увеличено денежное содержание контрактников (на 11,3% в 1981 г. и на 14,3% в 1982 г.). Были также ужесточены требования к образовательному и интеллектуальному уровню рекрутов. При этом в качестве главного инструмента повышения качества личного состава было избрано повышение привлекательности армии для молодежи, стремящейся к получению высшего образования.

Надо сказать, что комиссия Гейтса не отводила сколько-нибудь заметной роли образовательным льготам как средству стимулирования набора в армию. Задававшие в ней тон экономисты-монетаристы (Милтон Фридман и Алан Гринспен) считали подобные льготы проявлением патернализма и возвратом к натуральным формам оплаты, отдавая предпочтение прямым денежным выплатам, ориентированным на рынок труда.

Однако военное руководство пришло к выводу, что простое увеличение денежного содержания, привлекая в армию молодежь, стремящуюся иметь надежное место заработка, оставляет за армейскими воротами ту ее часть, которая стремится к высшему образованию. Для привлечения в армию ориентирующейся на учебу в колледже молодежи, для которой денежные стимулы имели второстепенное значение по сравнению с традиционным контингентом контрактников, в 1981 г. был учрежден *Армейский фонд оплаты образования в колледже* (Army College Fund) с целью сделать армию конкурентоспособной на рынке молодежи, стремящейся к высшему образованию. Выплаты из данного фонда предполагают подписание рекрутом отдельного контракта с указанием специальности (как правило, той, в которой армия особенно нуждается), которую ему предстоит освоить.

В качестве дополнительного стимула привлечения на военную службу стремящейся к образованию молодежи командованию вооруженных сил было предоставлено право в случае необходимости ограничивать срок службы по контракту тремя или даже двумя годами вместо полагающихся по закону четырех лет.

Результатом всех этих мер стало резкое улучшение качественного состава рекрутского контингента. Доля рекрутов с полным школьным образованием в 1983 г. по сравнению с 1980 г. возросла с 54% до 88%, высших (I–IIIА) категорий пригодности к военной службе соответственно с 25% до 54%, а доля низшей категории IV снизилась с 57% до 15%. Четвертый этап строительства добровольной армии в 1983–2009 гг. считается периодом стабилизации количественного и качественного состава вооруженных сил США.

И, тем не менее, лишь спустя почти 40 лет, в 2009 г., США впервые после 1973 г. удалось полностью укомплектовать свои вооруженные силы. ВВС, ВМС и корпус морской пехоты в 2009 г. выполнили план комплектования на 100%, а армия даже на 108%. Перевыполнен также план по *качеству* вновь набранных рекрутов. Число выпускников с дипломом об окончании средней школы достигло 96% при плане в 90%.

История строительства американской контрактной армии поразительно напоминает *американские горки*: за каждым взлетом следует падение. Не успели ее сторонники отпраздновать долгожданное достижение армией полной укомплектованности, как вновь забрезжили признаки *катастрофы семидесятых*. Становится ясно, что денег не хватает не только на повышение расходов на личный состав темпами, взятыми после 2001 г., но и, возможно, даже на простое поддержание их на нынешнем уровне. Выступая в Дьюкском университете 29 сентября 2010 г., министр обороны Роберт Гейтс сказал: «Перед нами также стоит неудобный и политически опасный вопрос финансовых затрат на содержание вседобровольческой силы. Только в течение истекшего десятилетия, вследствие растущих расходов на ее содержание, увеличения денежного довольствия и вызванного войной роста затрат на рекрутирование и выплаты бонусов, расходы на личный состав и льготы почти удвоились, с 90 млрд долл. в 2001 г. до 170 млрд в нынешнем году при оборонном бюджете в 534 млрд долл. Еще более быстрыми темпами возросли расходы на медицинское обслуживание, с 19 млрд долл. 10 лет назад до более чем 50 млрд в нынешнем году. [...] Учитывая огромные трудности, с которыми сталкивается страна, нынешнему правительству, да и стране в целом не уйти от поиска справедливой и посильной системы военных выплат и льгот, отражающей реальности XXI в. Нам нужна система, достаточно щедрая для того, чтобы мы могли рекрутировать и удерживать тех, кто нам нужен, и в то же время позволяющая министерству обороны избежать судьбы других организаций индустриального века, которые пошли на дно под тяжестью расходов на свой персонал».

Для меня нет сомнений, что 20 лет безуспешных попыток создания контрактной армии оказались просто потерянными для России, которая могла бы потратить бессмысленно израсходованные в этих попытках ресурсы на реформирование в соответствии с мировыми стандартами доставшейся ей от СССР призывной армии.

Примечание

¹ Research and Development, RAND – первый в мире центр, занимающийся стратегическими политическими исследованиями, который стали называть *think-tank*.

Ы
Ц
И
Н
О
Т
Р
А
С
Т
И
С

АБОНЕМЕНТна газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

количество
комплектов:

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на газету
журнал

80666

(индекс издания)

Индекс Безопасности

(наименование издания)

Стои- мость	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов:

на 2011 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
						X	X	X	X	X	X

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Dima Adamsky. The Culture of Military Innovation: The Impact of the Cultural Factors on the Revolution in Military Affairs in Russia, the US, and Israel. Stanford: Stanford University Press, 2010. 231 p.

Рецензия – Павел Лузин

Когда в 1346 г. английские войска под командованием Эдуарда Черного Принца в битве при Креси разбили французов, Филипп VI и его окружение не извлекли из этого события никаких уроков. Десятилетие спустя, в 1356 г., французы дорого за это заплатились – при Пуатье все так же от рук англичан погибли их лучшие рыцари, а король Иоанн II (по прозвищу Добрый) был пленен. Эти события времен Столетней войны ознаменовали собой конец эпохи славных сражений, когда бароны, виконты, графы, маркизы и герцоги надевали тяжелеющие век от века доспехи, взбирались в седло и выходили в составе рыцарской армии на поле боя, выискивая в рядах неприятеля равного себе по статусу противника. Все дело было в том, что Англия к середине XIV в. обзавелась войсками, имеющими в своем составе хорошо обученные регулярные соединения арбалетчиков. Французские закованные в дорогую броню всадники, напротив, предпочитали изрубить в куски собственных ополченцев, лишь бы приблизить миг *благородной* рукопашной схватки... В истории это не первый и далеко не единственный случай, когда нововведения в вооружении и оснащении войск, равно как и в тактике ведения боя существенным образом меняли характер войн. В свою очередь эти перемены влияли на распределение власти в мире и даже на политическое устройство самих государств.

Вот и сегодня мы наблюдаем, как использование новых технологий в войне меняет ее картину: боем управляют сразу в трех измерениях, уплотняется его время, происходит перерасчет численности операбельной группировки войск, размывается понятие тыла – уничтожение объектов гражданской инфраструктуры на всей территории противника так же важно, как и уничтожение очередного танка. Более того, правительство проигрывающей стороны почти не имеет шансов заключить мир или объявить капитуляцию, поскольку ликвидация членов правительства и дезорганизация социума в ходе боевых действий – это одни из основных условий победы.

Однако не следует поддаваться распространенному представлению: приобретение передового оружия (*умных ракет и бомб, дронов, истребителей N-go поколения, спутников навигации, разведки, связи и проч.*) – для современной армии это едва ли полдела. Все упирается в создание информационных и организационных алгоритмов, позволяющих интегрировать боевые системы в единое и гибкое целое, а также эффективно управлять такими сверхсложными силами и побеждать с их помощью. И здесь мы подходим к главному: *информация – это язык, а язык – это культура.*

Сегодня можно купить (или украсть) военные технологии, приобрести готовые высокотехнологичные системы оружия или промышленные линии для их производства, но при всем желании невозможно купить инструкцию по их успешному применению, потому что мало понимать чужой текст и уметь нажимать кнопки, нужно думать на языке страны-разработчика такого оружия, быть носителем ее культуры. Применяя язык метафоры, Гудвин дал Страшиле разум, но какой разум и как он это сделал – известно только самому Гудвину. Поэтому важно понять: что влияет на то, какие возможности приобретают

сегодня армии ведущих держав? Что же собой представляет тот Гудвин, без которого Страшила останется всего лишь соломенным пугалом?

Монография «Культура военных инноваций: влияние культурных факторов на революцию в военном деле в России, США и Израиле», изданная в Стэнфорде в январе 2010 г., посвящена сравнительному анализу разработки и воплощения концепций современной высокотехнологической войны в трех совершенно разных державах, чьи вооруженные силы являются одними из сильнейших в мире.

Автор исследования – израильский ученый, доктор Д. Адамский, занимающийся изучением проблем международной безопасности, до недавнего времени работал в Гарвардском университете. В его активе это вторая крупная работа, первая была издана двумя годами ранее и посвящалась только американской культуре стратегического военного мышления. Тем интереснее свежий, методологически выверенный взгляд на, казалось бы, исхоженную за последние 15 лет вдоль и поперек тему *революции в военном деле (РВД)*.

С точки зрения теоретического подхода, Д. Адамского можно отнести к социальным конструктивистам, ведь в основу своей работы он положил изучение культурных *паттернов*, определяющих воззрения, реакцию на изменяющуюся внешнюю среду, а главное, действия военно-политических элит трех держав в области военного планирования и строительства.

Любая национальная культура военных инноваций базируется на *стиле познания* (cognitive style) – этот термин вводит Адамский, чтобы объяснить фундаментальные различия между СССР/Россией, Соединенными Штатами и Израилем в выработке национальных стратегий применительно к трансформации военной сферы. Понятно, что в столь различных по географическим, историческим, политическим, экономическим, социальным условиям и процессам странах реакция на *РВД* должна быть тоже разной. Однако *стиль познания* – результат рефлексии накопленного обществом многогранного опыта и продукт синтеза индивидуальной психологии на микроуровне и антропологии на макроуровне – по сути, определяет характер коммуникативных связей внутри общества в целом и его элиты в частности и то, как генерируется, преобразуется, передается и фильтруется значимая для этого общества информация. Если совсем углубиться в концепцию, применяемую Адамским, *стиль познания* формируется во взаимодействии двух полюсов – целостно-диалектической и логико-аналитической моделей мышления.

В связи с этим *РВД* рассматривается не как явление само по себе, а как парадигма (здесь Д. Адамский ссылается на Т. Куна, ставшего классиком философии науки). Эта парадигма представляет собой концептуальный набор гипотез о реальности, который позволяет обрабатывать данные, создавать теории и решать конкретные проблемы. Другими словами, национальный *стиль познания* непосредственно определяет, как и что думает элита об изменяющейся реальности ведения войны и какой смысл она вкладывает в интеллектуальную конструкцию *РВД*.

Что касается конкретных государств, то Д. Адамский называет пионерами в разработке проблематики *РВД* именно советских военных теоретиков, поскольку они подступились к ней еще в конце 1970-х гг. под руководством начальника Генштаба маршала Огаркова. В СССР господствовал технократический подход, не случайно советская концепция получила название *военно-технической революции*.

Адамский считает, что данная концепция родилась как реакция на появление в США и НАТО доктрин глубокого удара по наступающим эшелонам советских войск в случае большого вооруженного конфликта в Европе. При этом на ее характер повлияло и представление советского руководства о крайней нежелательности эскалации подобного конфликта до глобальной войны. В конечном итоге в советском и российском стратегическом планировании это, с точки зрения Адамского, привело к стиранию граней между оборонительной, оборонительно-наступательной и наступательной войной. Но при этом автор отмечает, что концептуализация военно-технической революции в Советском Союзе не сочеталась с практическим внедрением информационных систем и высокоточного оружия. Все это Адамский объясняет господством в русской культуре

целостно-диалектического *стиля познания*, стремящегося к созданию интеллектуальных *синтетических метасистем*, части которых находятся в сложной взаимосвязи друг с другом.

В отличие от СССР и России, стратегическая мысль Соединенных Штатов тяготела к логико-аналитическому *стилю познания* и, следовательно, ориентировалась, в первую очередь, на практическую деятельность, но в теоретической плоскости оказалась слабо подготовлена к концептуализации *РВД*. Именно этим объясняется, что американские вооруженные силы стали оснащаться передовым оружием и автоматизированными системами сопровождения боя с рубежа 1970–1980-х гг., однако осмысление происходящих процессов началось на десятилетие позднее, нежели в СССР, и при этом основывалось на знакомстве с советскими научными разработками в этой сфере. Таким образом, «с помощью анализа того, какой американская военная мощь была в советских глазах в начале 1980-х гг., американские стратеги в начале 1990-х гг. оказались способными применить в полной мере военно-техническое богатство, находящееся в их руках» (с. 92).

Израильская военная культура являет собой смешанный стиль познания, однако в силу своей прагматичности больше характеризуется логико-аналитическим, нежели целостно-диалектическим мышлением, Адамский даже говорит о слабой способности израильских военных критически и конструктивно обратиться к новым идеям мировой военной мысли, поскольку они «думают тактическими категориями» (с. 127). В то же время военная трансформация, начавшаяся в Израиле позднее, чем в СССР и США, породила когнитивный диссонанс внутри армии, что летом 2006 г. даже привело к неудачной кампании в Ливане. И это на фоне в целом эффективного использования современной военной техники, закупаемой преимущественно в США, и производства отдельных видов передовых вооружений внутри страны. Все это привело Адамского к выводу (и тут он вновь обращается к Т. Куну), что Израиль находится в переходном периоде между *кризисом знания* и *возникновением новой парадигмы*.

Разумеется, с Д. Адамским можно и нужно спорить. В частности, применительно к России все же нельзя говорить, что советская теория *РВД* не привела к практическому внедрению и использованию высокоточного оружия и автоматизированных систем управления. Например, к началу 1980-х гг. в СССР на вооружении стояли самолеты дальнего радиолокационного обнаружения *А-50*, тогда же начались работы по развертыванию спутниковой системы навигации (ныне *ГЛОНАСС*), а в Афганистане применялись *умные* ракеты и бомбы. Также нельзя сказать, что идея стирания граници между оборонительными и наступательными операциями в советской военной мысли родилась только в конце 1970-х гг. Здесь уместно вспомнить доктрину оборонительного контрудара с последующей войной на чужой территории, господствовавшую в Советском Союзе в конце 1920-х – 1930-е гг. (о ней, в частности, в своих мемуарах писал маршал А.М. Василевский). Таким образом, нельзя говорить, что тот или иной стиль познания предпочтительнее, с точки зрения успешности военных преобразований в рамках *РВД*.

В чем же тогда проблема? Почему в России сегодня реформа Вооруженных сил проходит с такими колоссальными трудностями и, увы, пока не блестяще, ровно столько же лет, сколько в мире идет дискуссия вокруг *революции в военном деле*? Судя по всему, это происходит по той причине, что в последние десятилетия в бывших советских, а теперь российских элитах (политической, военной, экономической) *вымывались* люди, способные мыслить системно и в масштабах, соответствующих масштабам страны и стоящим перед ней проблемам (используя терминологию Д. Адамского – люди с целостно-диалектическим *стилем познания*).

Показательно, что этот процесс происходил одновременно с падением качества российского образования и общей подготовки граждан, в том числе носящих офицерские погоны. В связи с этим можно выразить надежду, что проводимая сейчас трансформация военного образования позволит изменить ситуацию к лучшему, тем более, что декларируемая Министерством обороны ставка на изучение офицерами языков – шаг в верном направлении при подготовке людей, способных разрабатывать стратегию и воевать в информационно насыщенной среде.

А
К
Е
О
Т
И
Л
Б
И

Тем не менее, важно понимать, что *РВД* еще далека от завершения даже в США. Свидетельство тому – тот тупик, в который пока заходит высокотехнологичная армия, когда сталкивается с партизанскими формированиями и необходимостью контролировать вражескую территорию. То есть враг, казалось бы, вот-вот должен быть повержен, но сапог *победителя* как-то неуверенно шагает по его земле. А это говорит о том, что у любого государства нет иного пути, кроме как строить армию XXI в. на основе собственного опыта и собственных интеллектуальных усилий. Простое, *механическое* введение *полков иноземного строя* не даст должного результата. Плюс такой ситуации в том, что отставание России в военном деле может быть нивелировано (пусть и не в одно мгновение), если повышение качества человеческого капитала в армии будет проводиться системно.

И хотя Д. Адамский не слишком акцентирует внимание на современных тенденциях стратегического военного планирования в рамках парадигмы *РВД*, думается, что сегодня все крупные в военном плане государства, а не только один Израиль, находятся в состоянии некоего *когнитивного диссонанса*, который потребует от них серьезных (если не сказать мучительных) политических решений. А степень готовности к принятию таких решений не зависит от *стиля познания* и в целом культуры того или иного социума. Другими словами, здесь мы вынуждены выходить за рамки исследования доминирующих в обществе и элите культурных установок, помня, что Д. Адамский говорит о влиянии культуры как об *одном из* факторов *РВД*, а не абсолютном факторе, изучив который мы получим ответы на ключевые вопросы. 🐢

Сенор Д., Сингер С. Нация умных людей. История израильского экономического чуда. Пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера пресс, 2011. – 336 с.

«История израильского экономического чуда» – книгу с таким подзаголовком я не мог не купить после того, как в московском супермаркете увидел картофель из Израиля. «Сухой ветер, пустыня, Мертвое море, кажется, там мало воды и кругом враги... такая маленькая страна и экспортирует *картошку* в такую большую Россию – как такое возможно?» – задался я почти недетским вопросом. Но более того: вторая страна в мире по количеству вновь образуемых компаний, рост сельскохозяйственного производства в 17 раз за 25 лет, наибольшее представительство в списке американского рынка высокотехнологичных компаний NASDAQ... К Израилю можно относиться по-разному, но в момент, когда из отстающих нужно выйти в лидеры, к его опыту невозможно не обратиться. И главное, представляется, в этой истории то, что инновационное развитие – это не разовый проект, а система отношений в обществе. Характер и устройство общества создают условия для реализации творческой энергии всех граждан, и в особенности – военных.

Именно анализ роли армии и военнослужащих в развитии экономики Израиля является одной из наиболее сильных частей книги, подготовленной сотрудником американского Совета по международным отношениям Дэном Сенором и журналистом газеты *Jerusalem Post* Солом Сингером.

Армия – не бремя, а главный двигатель модернизации, но не в том смысле, что ВПК становится основой экономики, хотя, действительно является ее существенной частью, а в том, что способствует развитию предпринимательства, особенно в высокотехнологичных отраслях. Каким образом? Отмечу лишь несколько факторов, о которых говорят авторы.

Первый – большая, по сравнению с другими армиями, свобода младших офицеров в принятии решений. В этом факте отражается свойственная, по мнению авторов, всему израильскому обществу антииерархичность, но кроме того, делегирование ответственности происходит сверху вниз часто по необходимости – лейтенанту на поле боя приходится действовать самостоятельно и эффективно, то есть достигать результата при минимальных потерях. «Если террорист проникнет на территорию, то ответственность за это несет командир роты. Скажите, кто еще в мире в 23 года может жить под таким грузом ответственности?» – цитируют авторы одного из командиров. А через такую школу проходит большая часть населения страны. Помимо прочего, это означает, что в армии меньше старших офицеров, а значит, больше инициативы и ответственности внизу.

Ч З
Ы К
И И
Ж Н
В В
И О
К И

Второй – система резервистов, которая, по мнению авторов, «не только пример инновативности целой страны... это также ее катализатор», именно в силу того, что еще более укрепляет «хаотичный и антииерархический характер, который можно обнаружить в каждом аспекте израильского общества», настроенного более на результат, «нежели на звание». Оспаривать решение командира – на грани преступления в большинстве армий, вести открытые обсуждения после боя и требовать смены начальника – также вряд ли допустимо где бы то ни было. Но в Армии обороны Израиля это возможно, и считается, что так укрепляются доверие и уверенность солдата в том, что и как он делает, а значит, еще выше его настрой на результат. Более того, такое положение солдата лишь подчеркивает, что армия является народной не по закону, а по духу, и солдат здесь борется «за существование своей страны», а не за выживание в казарме.

Третий – военное образование. Авторы утверждают, что «трудно попасть в элитные израильские университеты, но национальным эквивалентом Гарварда, Принстона и Йеля являются элитные части» израильской армии, а название подразделения, в котором служил соискатель, говорит работодателям в Израиле не меньше, чем название университета в других странах. Подразделение 8 200, программа *Тальпиот*, другие элитные части – здесь появляются многие организаторы *стартапов*.

Четвертый – отношение к ветеранам. «Опыт военных действий формирует предпринимательскую жилку» – это то, что является одной из основ организации высоких технологий в Израиле. «Что касается службы в вооруженных силах США, – цитируют авторы слова израильского предпринимателя Джонатана Медведа, – Силиконовая долина просто безграмотна в данном вопросе... Какая бесполезная трата талантов лидеров, которые возвращаются из Ирака и Афганистана. Американский деловой мир попросту недостаточно хорошо понимает, что с ними делать». Поставим вместо «Силиконовой долины» слово «Россия», заменим Ирак на Чечню, оставим Афганистан, произнесем все в прошедшем времени... и вспомним о том, сколько сильных людей ушли в мир криминала, а в иных условиях могли бы стать предпринимателями, пусть и не в сфере высоких технологий. «Слишком мало молодых американцев [*читаю – россия*н] чувствуют связь со своими сверстниками в армии», – и это главная причина, почему не используются их качества. А между тем именно ветераны имеют то, что очень сложно приобрести в мирной жизни. Они умеют отличить главное от второстепенного, знают цену риску и успеху, могут мотивировать и достигать консенсуса в сложных условиях. Конечно, те, кто прошли через боевые действия, не *вписываются* в рамки привычной жизни, есть и проблемы в коммуникации – но разве эти вопросы невозможно решить? Реабилитация и хорошая переподготовка – это отнюдь не большая цена для того, чтобы превратить сильных людей не в обузу общества, а в его лидеров.

Дэн Сенор и Сол Сингер справедливо отмечают, что в основе экономического чуда лежат многие уникальные национальные черты Израиля и его народа, далеко не все из опыта Израиля можно применить в других регионах. В качестве примеров рассматриваются отношения армии и общества в двух странах с высокой долей высокотехнологичных компаний в экономике – Сингапуре и Южной Корее.

Сама книга не представляет собой фундаментального исследования, здесь нет большой теоретической базы, но приводится объемный список источников, в том числе интервью. Книга не претендует на то, чтобы стать примером, по которому могут быть изучены другие инновационные экономики, но хорошо выделяет и освещает те факторы, которые позволили состояться Израилю.

Авторы отмечают, что этой стране не хватает четырех генералов – «генерала Территория», «генерала Человеческие ресурсы», «генерала Время» и «генерала Бюджет». Кроме первого, у России тоже вопросы с оставшимися тремя *военачальниками*. Но если учиться и быть смелее, что возможно в обществе, где творчество и предпринимательство поощряются, то эти проблемы превращаются в факторы лидерства, а опыт для обучения есть. 🐼

Альберт Зулхарнеев

Печуров С.Л. Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: история и современность. – М: ЛЕНАНД, 2010. – 176 с.

Вопрос о том, в какой степени при проведении нынешней реформы Вооруженных сил России используется зарубежный опыт военного строительства, до сих пор не прояснен. Зачастую специалисты отказываются говорить о конкретных странах, стремясь избежать обвинений в отсутствии патриотизма и даже *предательстве*. А между тем ответ на этот вопрос позволил бы обществу лучше понять цели и задачи проводимой реформы и, следовательно, более осознанно оценивать ход ее реализации.

Такому пониманию наверняка будет способствовать работа С.Л. Печурова «Военные профессионалы в англо-саксонской модели управления вооруженными силами: история и современность». Сергей Леонидович – генерал-майор, действующий заместитель командира одной из воинских частей российской армии, действительный член Академии военных наук и член научного совета при Совете безопасности России – является типичным представителем той категории военных профессионалов, которых принято называть *интеллектуалами* (в противовес *практикам*). После прочтения этой его книги почти не остается сомнений в том, опыт каких государств пытаются использовать сегодня при реформировании структуры управления Вооруженными силами России.

Название работы не вполне точно отражает ее реальное содержание. Ведь, во-первых, речь в книге идет не столько об особенностях англо-саксонского офицерства, сколько о *системе отношений*, которая сложилась между гражданским обществом и военными профессионалами. А во-вторых, большая часть работы посвящена анализу именно американской модели управления вооруженными силами, на фоне которой британская модель выглядит достаточно тускло.

Книга разделена на шесть глав и позволяет читателю получить представление о многих аспектах функционирования американской военной машины.

В первой главе автор рассматривает место и роль военных профессионалов в американском обществе, характеризует личные и профессиональные качества наиболее известных представителей американского офицерства. Вторая глава подробно описывает структуру и механизмы функционирования оборонного ведомства США. В третьей проведен анализ современного состояния гражданско-военных отношений в США. В четвертой рассматривается законодательная база реформ, регулярно проводящихся в американских вооруженных силах. Пятая глава описывает проблемы межведомственного взаимодействия внутри руководства американскими вооруженными силами. Наконец, в шестой части книги автор рассказывает, что делается в США для повышения эффективности работы командиров среднего и низшего звена.

Основная мысль автора заключается в необходимости установления гражданского контроля над деятельностью военных. Причем контроля именно в той форме, которая существует в американской модели. В ней, по словам С.Л. Печурова, «доминирует наличие ярко выраженной системы гражданского управления вооруженными силами как в мирное, так и в военное время». В США руководитель Министерства обороны и видовые министры традиционно являются гражданскими лицами. Автор приводит показательную статистику – общая численность аппарата министра обороны США на начало 2007 г. составляла 2016 человек, из которых только 437 являлись военнослужащими, а все остальные – гражданскими чиновниками. При этом именно гражданские чиновники военных ведомств порой обладают гораздо большим влиянием, чем их коллеги в погонах.

С.Л. Печуров впервые в отечественной литературе систематизирует работы классиков американской военной науки, анализирует их вклад в общемировую теорию военного дела. Приводится множество исторических примеров, так или иначе характеризующих отношения между американскими военными и гражданским обществом на разных этапах. Интересно, что автор часто ссылается на работы немецкого классика военного дела К. Клаузевица, при этом утверждая, что американцы, в свою очередь, многому научились у прусских военных.

Е
Ы
И
Ж
С
И
К

Достоинством данной книги является возможность использования результатов проведенного анализа на практике. По словам С.Л. Печурова, «накопленный в США опыт может и должен быть востребован в рамках оптимизации отечественной модели военного устройства».

Автор фактически призывает к передаче большего контроля над военными в России в руки гражданских руководителей: «Нельзя игнорировать такую составляющую американского опыта, полезную для возможного внедрения в отечественную практику, как отработка значительного объема проблем в области гражданско-военных отношений». Кроме того, «должен быть востребован для отечественного военного строительства и опыт англосаксов в вопросах формирования законодательной базы применительно к реформированию управленческих структур вооруженных сил в целом и нюансов взаимодействия различных ведомств в ходе реализации военно-политического курса в частности».

Александр Колбин

А. Больных. XX век флота. Трагедия фатальных ошибок. М.: Эксмо, 2010. 352 с.

«Всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Петр I

История возникновения и развития морского флота уходит в глубину веков. Уже в древности была признана важность водных путей, и они активно использовались. Первым появился парусно-гребной флот в Китае и Древнем Египте. С тех пор минули четыре научно-технических революции, флот сильно изменился, но он продолжает играть важную роль в обеспечении национальной безопасности государств, защите их интересов. Однако существует ряд проблем, которые необходимо решать.

Беря в руки книгу Александра Больных «XX век флота. Трагедия фатальных ошибок», ожидаешь найти в ней детальный анализ проблем флота и, возможно, рекомендации по его реформированию. Аннотация обещает, что книга содержит и то, и другое. Однако автор посвящает большую часть работы описанию театров военных действий, подробно останавливается на технических особенностях судов, участвующих в сражениях, и уделяет мало внимания непосредственно анализу приведенных фактов.

Название выбрано неслучайно: в книге очень хорошо отображена хронология неудач морского флота на протяжении всего XX в., показаны причины и последствия изменений, которые были внесены в конструкцию судов и тактику боя, влияние практики на теорию войны на море. При этом особое внимание уделяется этапам технической модернизации флота, а не его организации.

Основной проблемой Больных считает несоответствие тактических умений и навыков командования техническому оснащению и комплектации флота, неготовность командного состава стратегически верно и наиболее полно использовать его боевые возможности. Среди причин повторяющихся неудач автор также отмечает низкий уровень подготовки моряков. Фрустрация автора очевидна – на лицо разочарование действиями командования и отдельных экипажей. Больных неоднократно выражает недовольство тем фактом, что из неудач и поражений не было извлечено уроков. Для него *трагедия* заключается даже не в количестве ошибок, а в том, что часто это одни и те же ошибки, совершенные несколько раз.

Автор выделяет флот как нечто самостоятельное, часто вырывает события из контекста и рассматривает отдельные сражения безотносительно общей ситуации. Он не уделяет внимания особенностям внешней и внутренней политики государств, что не позволяет определить истинные причины неудач, плохой выучки офицеров, неспособности командования адекватно оценить ситуацию и эффективно использовать боевые мощности.

На первый взгляд, события, описанные в книге, рассматриваются автором с точки зрения рационализма. Больных оценивает принятые командованием решения и поступки отдельных экипажей, делая выводы о том, насколько оправданы были те или иные действия. Однако автор выходит за рамки теории рационализма, анализируя влияние на общий ход событий поступков отдельных личностей. Для книги характерно часто поверхностное описание событий и при этом обилие деталей, не имеющих ключевого значения; это делает ее сложной для осмысления. Кроме того, автор часто отвлекается от основной нити повествования, что делает его размытым. Восприятие значительно упростили бы карты и схемы, наглядно демонстрирующие ход событий и расстановку сил, однако их нет.

Более подробно с новыми поступлениями библиотеки ПИР-Центра вы можете ознакомиться в разделе «Библиотечные новинки» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/library>

Книга написана в вольном стиле, автор часто прибегает к образным оборотам речи. Так, например, описывая особенности развития японского флота в 1930-х гг., он отмечает, что «[...] японские конструкторы не только сложили все яйца в одну корзину, но и попытались еще сверху их притоптать, чтобы больше вошло». Острые высказывания и обилие жаргона, с одной стороны, придают повествованию особую эмоциональную окраску, делают его живым и интересным, а с другой – отвлекают от основной идеи, которую стремится передать автор.

Несмотря на это, книгу, несомненно, имеет смысл прочесть. Больных не дает никаких рекомендаций по реформированию флота, ограничиваясь выражением надежды на дальнейшее развитие и модернизацию. Однако читатель, пройдя вместе с автором весь путь от момента появления в конце XIX в. нового типа вооружений до Фолклендской и Ирано-иракской войн, будет способен сделать ряд выводов.

Во-первых, модернизация вооружений и технического оснащения флота требует внесения изменений в образовательную программу подготовки офицерского состава и повышения квалификации командования.

Во-вторых, изменение комплектации флота требует пересмотра тактики ведения боя. Без внесения соответствующих корректив действия флота обречены быть неэффективными, и шансы положительного исхода сражения невелики.

В-третьих, необходимо обеспечить правильную систему организации флота. Младшие командующие должны иметь достаточную степень автономности своих действий, быть способными и иметь возможность ориентироваться по ситуации и принимать необходимые меры.

Таким образом, необходимо обеспечить соответствие возможностей флота тем задачам, которые он должен выполнять, а именно обеспечение вооруженной защиты интересов страны и ведение боевых действий на морских и океанских театрах войны.

Маргарита Клочкова

Гончаров В.Л. 1917. Разложение армии. – М.: Вече, 2010. 512 с.

Как одна из крупнейших в мире армий превращается в неуправляемую толпу? Какие механизмы делают процесс саморазрушения необратимым? Кто довел царскую армию до разложения: бездарные военачальники, демократические реформаторы, германские шпионы, большевики? На основе документов Ставки, Канцелярии военного министерства и Кабинета военного министра автор сборника восстанавливает события, произошедшие в русской армии между февралем и октябрём 1917 г.

Хроника событий свидетельствует, что причины развала армии были не внешними, а внутренними. Вопреки бытующему представлению, большевики сыграли в распаде армии вовсе не главную роль. Фактически до февраля 1917 г. они большей частью были за гра-

Е
Ы
И
Ж
З
И
О
К

ницей. Но даже возвратившись в революционную Россию, они скорее не вели за собой армию, а лишь следовали за ее настроениями, поднимая лозунги, уже родившиеся в солдатской массе. Первое упоминание о деятельности большевиков проскальзывает в отчете об апрельской 1917 г. поездке на фронт членов Государственной думы. Тогда большевики еще не выступали за прекращение войны, они лишь требовали «гарантий, что война идет не за капиталистические цели союзников».

Самая важная причина разложения армии – глубочайшая пропасть между солдатским и офицерским составом. Известно, что армия, как срез общества, всегда отражает имеющиеся социальные различия: в основном дворянское русское офицерство и крестьянская по происхождению армия всегда таили повод для конфликта. Как ни странно, серьезнее классового оказалось расхождение во взглядах на цели, преследовавшиеся в ходе Первой мировой войны. Русские солдаты не хотели воевать на чужой территории за идеалы, которые были им непонятны. Абстрактные понятия – союзнический долг, крест над Святой Софией в Константинополе – могли привести в возбуждение интеллигенцию, но не уставших от окопного сидения солдат, от которых требовали идти в наступление. Вопреки распространенным представлениям, в марте-апреле 1917 г. солдаты вовсе не требовали прекращения войны. Они были согласны проливать кровь и наступать на своей территории. Но им не было понятно, зачем подниматься в атаку в Румынии. Простая житейская логика говорила: воюем за чужие интересы.

К третьему году войны началось размытие офицерского корпуса. Старый кадровый командный состав постепенно замещали младшие командиры. Эти командиры уже разделяли взгляды солдатских масс и порой были готовы возглавить солдатские бунты, чтобы сохранить личное лидерство, а в условиях начавшегося разброда – и продвинуться в складывающейся новой иерархии.

Между тем в двух российских столицах военная верхушка почувствовала свою политическую силу. Фактически именно она совершила переворот, заставила царя отказаться от трона.

Непопулярность царя не распространилась однородно, и многие офицеры сохранили монархические взгляды после отречения Николая II. Низвержение царского режима раскололо армию и усугубило взаимное недоверие солдат и офицеров. Солдатские массы приветствовали свержение царя и были озлоблены на командиров, которые отказывались убирать из служебных помещений портреты свергнутого самодержца.

Такой армия была к февралю 1917 г., когда к власти пришли политические силы, ориентированные в первую очередь на союзников.

Крушение военной дисциплины в армии началось не снизу, а сверху, и изначальной причиной его были не большевики, а именно высшие военные командиры.

Сборник развенчивает бытующее мнение, что причиной падения дисциплины в армии стало отсутствие репрессий против нарушителей: расстрелы без суда для бунтарей, расформирование для вышедших из подчинения частей, заградотряды для отступающих или сдающихся в плен – все эти меры русская армия использовала еще в Первую мировую. Артиллерию использовали для разгона огнем братающихся на нейтральной полосе частей, а казаков – для карательных действий против взбунтовавшихся солдат. Результатом стала ненависть между видами вооруженных сил: пехота обозлилась на артиллеристов до такой степени, что понадобилось издавать приказ, запрещавший привлекать артиллерийские и казачьи части для принуждения к порядку соседних пехотных частей.

В 1917 г. демократическая Россия применяла такие методы, как арест целых рот и угрозу массовых расстрелов собственных солдат. В какой-то момент неповиновение стало слишком массовым, а военному руководству стало невозможно применять суровые меры. Коллективные наказания стали выглядеть слишком мягкими. Для применения жестких мер уже не хватало готовых к исполнению воинских частей.

Введение института комиссаров и войсковых комитетов подрывало принцип единоначалия, ослабла дисциплинарная власть начальников, широкая политическая пропаганда

в войсках размывала цели войны и ослабляла воинский дух, разлагала даже лучшие части. Офицерский корпус болезненно отреагировал на такие новшества, как отмена погон на флоте, отдавание солдатами чести вне службы.

Создалось положение *цугцванга* – ситуации, когда каждая сторона вынуждена совершать очередные неверные ходы. Первый шаг сделали правые – Корниловский мятеж, нацеленный в первую очередь на восстановление дисциплины в армии, на железной дороге и в промышленности, оказался провальным. Подавление мятежа лишило Временное правительство сколько-нибудь серьезной опоры в армии, тем самым расчистив дорогу большевикам.

Большевизация пугала, и выход на политическую сцену национальных элит поначалу показался военным хорошей альтернативой усилению большевиков. Для укрепления порядка в тылу были одобрены создание украинских частей и фактическая украинизация Румынского и Юго-Западного фронта. Увы, это привело к тому, что армия дала трещину еще по одному – национальному измерению. Было положено начало будущих националистических движений и межнациональных конфликтов.

В условиях проводимой в России реформы Вооруженных сил данный сборник документов показывает, что армия – это сложный механизм, обращение с которым требует продуманного и аккуратного подхода, особенно в условиях глубоких национальных потрясений.

Вадим Козюлин

Ракетное и космическое оружие. Электронный справочник. М.: Военная Россия, 2006.

Интерес к ракетному оружию существовал с самого момента его появления. С одной стороны, достижения в этой области вооружений всегда были поводом для гордости отечественных конструкторских бюро. Результаты кропотливой работы можно было увидеть на парадах и прочитать об их превосходстве над зарубежными аналогами на страницах популярных журналов. С другой стороны, информация о тактико-технических характеристиках, например, стратегических ракетных комплексов, если и не составляла с какого-то времени государственной тайны, все же была труднодоступна.

С началом активного распространения доступа к интернету получить данные о ракетном оружии стало значительно проще. Достаточно воспользоваться популярными поисковыми системами или базами данных на основе *wiki*-платформы. Помимо тактико-технических характеристик, можно посмотреть съемки запусков ракет или прочитать воспоминания их разработчиков. Однако зачастую подобные подборки материалов грешат неполным охватом вопроса, концентрируясь только на противокорабельных ракетах или, скажем, на зенитных ракетных комплексах. Собрать же материал по всему ракетному оружию России представлялось задачей весьма трудоемкой.

Решение этого вопроса предложила компания *MediaХауз*, которая выпустила электронный справочник «Ракетное и космическое оружие» из серии «Военная Россия». Разработкой справочника занимался Русский военно-исторический фонд. Найти справочник в продаже не составляет большого труда, поэтому можно предположить, что часть читателей уже знакома с его содержанием.

Справочник «Ракетное оружие» концентрируется только на отечественных разработках – созданных в СССР и в России. Информация поделена на семь следующих категорий: зенитные ракетные комплексы, противотанковые ракетные комплексы, противокорабельные ракетные комплексы, противорадиолокационные ракетные комплексы (ПРК), ракетные комплексы общего назначения, ракеты «воздух-воздух» и стратегические ракетные комплексы.

Каждая категория содержит в себе довольно подробное описание типов данного вооружения. В частности, все они снабжены фотографиями, краткой историей создания, описанием уникальных свойств и подробными тактико-техническими характеристиками.

Е
Б
Г
Ж
З
И
К

Достаточно скупо освещены ПРК и ракеты класса «воздух-воздух» (складывается впечатление, что либо их вообще не производили в России, либо авторы почему-то решили обойти эти разделы стороной), однако это компенсируется информацией о других категориях.

К недостаткам данного издания можно отнести отсутствие ссылок на материалы, которыми пользовались авторы при подготовке справочника. Следовательно, либо вы принимаете на веру все написанное, либо начинаете самостоятельный поиск для проверки сведений. В определенной мере это сводит на нет возможность использования справочника как *последней инстанции*, за которой не нужно ничего проверять. Кроме того, справочник существенно устарел и не включает в себя часть новых на момент публикации сведений – к примеру, большинство данных относятся к 2000–2001 г.

При всех недостатках, однако, стоит отметить, что авторы провели достойную работу. Если вы не являетесь специалистом в данной области, вас, безусловно, заинтересует возможность проследить историю становления ракетного оружия в СССР и затем в России.

Иван Трушкин

МИФ СЕВАСТОПОЛЯ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ

Главному редактору:

Российско-украинские отношения, и в частности проблема Крыма и Севастополя, пребывают в плену политических *мифов*. Это опасно, потому что ложным образом ориентирует руководство страны, не давая возможности адекватно оценить ситуацию и принять правильное решение.

Проблема Севастополя от начала и до конца создана руками самой России. В 1954 г. кремлевский руководитель украинского происхождения *дарит* Крым Украине. В 1997 г. кремлевский руководитель уральского происхождения подписывает с Украиной Большой договор, который лишает Черноморский флот России всякого будущего. На современном этапе российская военная реформа фактически ставит жирную точку в истории самого маленького и самого прославленного Флота наследников Петра Великого. И все это время так называемое *общественное мнение* ищет виновных в том, что происходит с Крымом и Севастополем, где угодно, но только не в Москве – при том, что проблема создавалась именно там.

Ситуация вокруг Черноморского флота в Севастополе и в Крыму в последние два года принципиально изменилась. До этого кризис касался, в первую очередь, военной инфраструктуры, а потому не вызывал негативного общественного резонанса в городе и на полуострове. Старение кораблей, ликвидация воинских подразделений и списание боевой техники, проблемы материально-технического снабжения и постоянное сокращение личного состава вызывали болезненную реакцию у осведомленного меньшинства, но широкими кругами общественности воспринимались как сугубо внутренние проблемы Флота. Все жили надеждой, что вот-вот Россия приступит к решению этих проблем, и они исчезнут.

Шумная кампания бывшего мэра Москвы Ю.М. Лужкова по оказанию содействия Флоту (ремонт кораблей, шефские подарки и прочее) и городу (строительство жилья, ветеранские и молодежные программы, культурные и образовательные проекты) вуалировала подлинные масштабы негативных процессов. Все это создавало иллюзию того, что Кремль знает о проблемах Севастополя и если не сегодня, то завтра начнет их решать.

Чем дольше человек живет в плену мифов и иллюзий, тем большей катастрофой для него оборачивается период обретения горькой правды. За последние два года Флот стал самым большим должником перед пенсионным фондом, невыплата заработной платы вольнонаемным и сотрудникам приобрела хронический характер, под нож сокращения пошли уже не только воинские подразделения (что носило более-менее внутренний, скрытый от посторонних глаз характер), но и творческие коллективы Дома офицеров, старейшая флотская библиотека, прославленный морской музей, добротный театр, все-

мирно известный ансамбль «Песни и пляски», редакция одной из лучших газет Министерства обороны... Одновременно продолжалось сокращение личного состава.

В 2009 г. *город русской славы* впервые увидел у штаба Флота протестные акции, организованные черноморцами – отставными офицерами и уволенными сотрудниками, выступавшими против военной реформы в России и ее социальных последствий для Севастополя.

Севастополь сегодня уже не верит в то, что его военное прошлое действительно возродится. Он любит это прошлое и гордится им, но внутренне он с ним уже почти расстался. За последние 20–30 лет выросло не одно, а даже два поколения людей, для которых разговоры об этом прошлом не более чем ностальгические переживания отставших от современной жизни отцов и дедов. Севастополь ищет для себя новое место в современном мире. Он хочет остаться одним из центров этого мира, но уже не как военная крепость, а как порт, имеющий мировое значение; как научный центр, организующий вокруг себя умы всего черноморского региона; как культурная столица бывшего византийского пространства, которое когда-то привело в Херсонес Кирилла и Мефодия, задумавших здесь славянскую азбуку, и Святого Владимира, положившего в этом древнем городе начало православия у восточных славян.

Всякий, кто хочет *овладеть* Севастополем, должен предложить городу проект, который удовлетворит эти новые ожидания его жителей, все более ясно осознающих, что им уже никогда не дано вернуться из XXI в. в век XX-й.

Владимир Казарин

Первый вице-губернатор Севастополя (2006–2010 гг.)

Совнаркомовский проезд 3а, г. Симферополь

Крым, 95000 Украина

crch@mail.ru

F R O M T H E E D I T O R

- 7 **The New Image of the Armed Forces: Phantom or Forced Reality** – «For once, there has been some good news about the Russian army, – writes the member of the *Security Index* Editorial Board **Dmitry Evstafiev**. – It has been announced that the transition to the new image of the armed forces has largely been completed. But it must be remembered that main thrust of the *Serdyukov reform* is not actually aimed at strengthening our country's military capability. The reform aims primarily to save from total collapse what still can be saved, and to restore some basic order in the Russian army».

Key words: *military reform, aims of the reform, Russian Army.*

I N T E R V I E W

- 11 **Elena Knyazeva: «We study the experience of foreign armies not to copy it but to analyze and adapt it to Russian reality»** – What is the international dimension of the reform? What is the role played by Defense Ministry experts in perfecting and improving international agreements and treaties signed by Russia? Acting head of the General Directorate for International Military Cooperation at the Russian MoD answers these and many other questions.

Key words: *military reform, international military and technical cooperation, arms procurement, international agreements.*

- 15 **Sergey Ponomarev: «Space capability is a strategic instrument»** – Russia has a unique space capability. What are the tasks currently facing its space industry? We have put questions about the prospects of the space industry to the Deputy Head of the Russian Federal Space Agency, Sergey Ponomarev.

Key words: *space industry restructuring, GLONASS, small business in the space sector, education.*

- 21 **Dmitry Rogozin: «Fourth Ideology»** – NATO has adopted a new Strategic Concept document at the Lisbon summit in November 2010. What does this new concept mean for relations between Russia and NATO? Russia's permanent envoy to NATO, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary Dmitry Rogozin, answers the questions of the *Security Index* journal.

Key words: *NATO summit in Lisbon, NATO-Russia Council, European Security Treaty, military and technical cooperation.*

- 29 **Vitaly Churkin: «The main goal of all peacekeeping operations remains unchanged»** – The need to improve the effectiveness of the UN Security Council, especially in areas such as peacekeeping, is becoming increasingly obvious. What are the main forms of peacekeeping now being used by the United Nations? How much of a priority is peacekeeping for Russia? Russia's permanent representative at the UN and envoy to the UN Security Council Vitaly Churkin answers these and other questions.
Key words: UN peacekeeping operations, Russian peacekeeping missions, UN and CSTO.

S P E C I A L E D I T I O N : D O S S I E R

- 33 **Military Reform of 2008-2020: Facts and Figures.** The reform has affected all the key areas of the Russian Armed Forces, including the numerical strength, the central command, the organizational and personnel structure, and the officer training system. PIR Center offers a detailed reference and analysis paper outlining the first results of the reform. Bliz-interviews with the representatives of the Public Board of the Ministry of Defense **Oleg Gazmanov, Alexandr Kanshin, Alexandr Makeev and Valentina Melnikova** are included.
Key words: military reform, military-administrative structure, structure of the Armed Forces, State Defense Procurement Program, armed imports, staffing.

A N A L Y S I S

- 57 **Igor Korotchenko. The New Image of the Russian Armed Forces is Becoming Reality** – The lessons learnt from the Five Day War with Georgia in 2008 resulted in a serious analysis of the state of the Russian army being undertaken. The two years that have passed since then is not a very long time – but more has been achieved over that period in developing the Russian military capability than during the country's entire post-Soviet history, elaborates the editor-in-chief of the *National Defense* journal.
Key words: military reform, military-administrative structure, structure of the armed forces, state procurement program, arms imports, staffing.
- 63 **Anatoly Anin, Rodion Ayumov. CFE Treaty: Past, Present... Future?..** – An average European probably does not think of the Adapted Conventional Forces in Europe Treaty as a pressing issue. The idea of a large-scale military conflict on the continent, with massive use of armor, artillery and aviation, seems absurd, a nightmare of military planners from the Cold War era rather than a real possibility. Meanwhile, life itself sometimes reminds us that attempts to solve problems through the use of force still remain part of European reality. Two Russian experts refer to the history and future of the CFE Treaty.
Key words: conventional forces in Europe, history of CFE talks, Adapted CFE.
- 77 **Vladimir Verkhovtsev. Ensuring Safety and Security of Nuclear Weapons is One of the Main National Security Priorities** – In the past half century, nuclear arsenals have become an important instrument of deterrence and a guarantee of security for their owners. But keeping the arsenals safe and secure is in itself a matter of the utmost importance. The Head of the 12th Directorate General of the Russian Ministry of Defense (2005–2010) tells about this issue in detail.
Key words: Russian nuclear arsenal, safety and security of nuclear arsenals, personnel policy.

- 85 **Marcel de Haas. Russian Military Reform – Success or Failure?** – The shortcomings in military forces of Russia that became apparent in the recent years prevent military power from being a useful tool in Russia's security policy. The author of this article, a Senior Researcher of the Netherlands Institute of International Relations Clingendael, reflects on whether the reform is to succeed or fail, and what implications it will have for Europe.
Key words: *rearmament, restructuring of the armed forces, State Weapons Program, Russian-Georgia conflict.*
- 93 **Andrey Frolov. The Future of Weapons in Russia** – The State Armament Program (SAP) is the main document that sets the benchmark for military technology decisions in the longer term. The mere fact that work has begun on the SAP 2020 indicates that the government and the MoD are gradually adopting a long-term systemic approach to the development of the Russian Armed Forces. The prospects of the implementation of the Program are discussed in the article by a senior specialist of the State Corporation Rosatom Andrey Frolov.
Key words: *State Armament Program, defense industry, aviation and air defense equipment, naval equipment.*
- 103 **Jean Maurin. Twenty-year experience of military reform in France** – *Transformation* can be described as the introduction of new technology and advanced communication systems. But *transformation* is not limited to new technologies – in and by itself, no technology can resolve the problems of today or tomorrow. Brigadier-General, Defense Attaché of the Embassy of France in Russia writes about the French military reform.
Key words: *military reform in France, Defense and National Security White Paper, organization of the French system of defense, France in NATO military structures.*
- 113 **Vasily Lata, Vladimir Maltsev. Missile Defense: Artificial Deadlock or Window of Opportunity for NATO-Russian Relations?** – The decision to suspend for a time the deployment of the European ballistic missile defense system in often being portrayed as a reasonable geopolitical step, in view of Russia's concerns over the deployment of strategic US military facilities close to the Russian borders. But this decision is actually part of a deliberate and careful strategy to push through another version of a strategic missile defense system. Two experts of the Strategic Rocket Forces Academy share their views on missile defense in Europe.
Key words: *US defense policy, new missile defense architecture.*
- 123 **Eugene Miasnikov. Strategic Conventional Arms: Deadlocks and Solutions** – Russia and the United States have a different view of how strategic non-nuclear weapons affect strategic stability. They also disagree on what types of non-nuclear weapons should be considered strategic. Strategic non-nuclear weapons can have a counter-force potential, and therefore can affect the strategic balance of forces between the United States and Russia. The article provides an analysis of the New START treaty limitations with respect to strategic conventional arms and discusses ways to solve the problem of strategic conventional arms at future negotiations.
Key words: *new START Treaty, types of strategic non-nuclear weapons, differences in US and Russian classification.*

R O U N D T A B L E

- 131 **Jean Maurin, Vitaly Shlykov, Urs Sulser. International Experience and Military Reform in Russia** – What are the main problems of the Russian military reform? Has Russia made proper use of international experience

in its planning of the reform? How else can that experience be used to help the country develop its military capability? PIR Center hosted a brainstorming meeting of Russian and foreign military analysts to discuss these and other issues.

Key words: *military reform in Russia, military reform in Switzerland, military reform in France, personnel policy, defense spending, education.*

C O M M E N T A R Y

- 137 **Viktor Litovkin. The *Bulava*: finally success, what's next?** – The development and testing of the *Bulava* missile would not have been worth all the attention heaped on it were it not for the fact that this program has become something of a symbol of the new post-Soviet Russia. This program is seen as a test of the Russian defense industry's ability to create new strategic weapons that can ensure our security, independence and sovereignty, and of the Kremlin's ability to maintain a leading role on the international arena. Military observer, Deputy Associate Editor of *Novoe Voennoe Obozrenie* writes about *Bulava* of our hopes.

Key words: *Bulava test launch, Moscow Institute of Thermal Technology, Matveyev Design Bureau, Russian defense industry.*

- 143 **Vadim Kozyulin. Russian Defense Industry: a Recipe for *Reincarnation*** – The Russian army needs foreign defense technology and foreign-made weapons. The largest foreign defense contractors have long gone transnational, and it is often difficult to pin down their precise national identity. Defense industry cooperation would improve our political relations with European countries, enable our defense technology to catch up with the world leaders, provide the Russian army with the best weapons available and speed up the modernization of our own defense industry. Vadim Kozyulin is Director of the Conventional Arms Project at PIR Center.

Key words: *US sanctions against Russia, prospects for weapons imports, licensed manufacture of foreign weapons, international defense industry cooperation.*

- 149 **Albert Zulkharneev. Pool of Expertise for a Civilian Minister's Military Reform** – If our army is to become stronger, it needs the support of our public and of our experts. What is needed is intellectual support. Right now, our army does not have that kind of support, and there are very few people capable of providing it. Director of the Education and Training Program at PIR Center shares his views on how existing experience in nonproliferation education can be used in the military field.

Key words: *Milyutin reform, role of education in reform, Serdyukov reform, army and civil society, formation of a pool of expertise.*

R E V I E W S O F R E C E N T W O R L D E V E N T S

- 157 **Galiya Ibragimova. The *iSi* Index in 2010: Final Resumé.** Earthquakes in Haiti, China and Chile, floods in Pakistan, volcano eruption in Iceland, heat wave and droughts in Russia... The weather made its noticeable impact on security dynamics in the world in 2010.

Key words: *Afghanistan–Pakistan, Middle East, Korean Peninsula, Iran, nuclear security.*

H I S T O R I C A L P A G E S

- 167 **Vitaly Shlykov. How It Was Done in America** – It has been more than twenty years since first plans were announced to phase out conscription in the Soviet Union and then in Russia. Politicians can make their promises –

but the question is, can it be done in principle in the foreseeable future? Some answers can be found in the USA, where first steps towards creating all-volunteer armed forces were made almost 40 years ago. Vitaly Shlykov is a Chairman of the Commission on Security Policy and Evaluation of Defense Legislation, a member of the Public Board of the Ministry of Defense Commission a founder of the Council on Foreign and Defense Policy.

Key words: *phasing out conscription, all-volunteer force, the Gates commission, disaster of the 1970s, education policy.*

L I B R A R Y

- 173 **Pavel Luzin. Searching for a Military Genius.** “It so happened historically that innovations in armament, technology and tactics have always changed the nature of warfare in very important ways. These changes then led to redistribution of power in the world and influenced the political setup of the countries in question. But these days advanced weaponry is not enough. Everything depends on information systems and organization.” Pavel Luzin is a researcher at the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences and a former intern at PIR Center.
Key words: *revolution in warfare, culture of military innovation, high-tech warfare, Israeli military culture, Russian military culture, US military culture.*

B O O K R E V I E W S

- 177 **Albert Zulkharneev, Galiya Ibragimova, Margarita Klochkova, Vadim Kozyulin, Aleksander Kolbin and Ivan Trushkin** – PIR Center interns and staff review new additions to the PIR Center library.

T O T H E E D I T O R

- 185 **Vladimir Kazarin.** The Myth of Sevastopol: The Change of Paradigm.

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D

S U S T A I N A B L E P A R T N E R S H I P W I T H R U S S I A G R O U P

I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

S E C U R I T Y P U Z Z L E S

- Cov.III **Crossword on the Armed Forces**

Верховцев Владимир Николаевич – начальник 12-го Главного управления Министерства обороны РФ (2005–2010). В 1972 г. поступил в Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. После окончания академии проходил службу на различных должностях в воинских частях 12-го ГУ МО СССР Сибирского и Московского военных округов. С 1989 г. проходит службу в Генеральном штабе ВС СССР/РФ. Окончил Военную академию Генерального штаба ВС РФ в 1999 г. В августе 1997 г. назначен заместителем начальника, с декабря 2005 г. – начальником 12-го ГУ МО РФ. Неоднократно принимал участие в международных переговорах по решению проблемных вопросов в области обеспечения безопасности ядерного оружия и его нераспространения.

Газманов Олег Михайлович – член Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации, народный артист России, певец, композитор, Посол Доброй Воли UNICEF в России. В 1973 г. окончил Калининградское высшее инженерное морское училище по специальности «холодильные и компрессорные машины и установки». В 1981 г. окончил Калининградское музыкальное училище по классу гитары.

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич – директор департамента стратегии коммуникаций *ТНК-ВР*. Окончил исторический факультет Института стран Азии и Африки при МГУ в 1989 г., работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Институте США и Канады РАН, где в 1993 г. защитил диссертацию в секторе военно-политических исследований. С 1995 по 1998 г. работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Российского института стратегических исследований (РИСИ). Позднее – старший научный сотрудник, директор проекта ПИР-Центра. В 2001–2006 гг. работал в ЗАО *Компания развития общественных связей (КРОС)*, а также директором Департамента по информационной политике ОАО *Техснабэкспорт*. Позже работал заместителем генерального директора Национальной лаборатории внешней политики. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Постоянный автор обзоров мировых процессов в журнале *Индекс Безопасности*.

Зульзер Урс Даниэль – атташе по вопросам обороны Швейцарии в Российской Федерации и Казахстане с резиденцией в Москве. Окончил университет в Лозанне по специальности «гражданская инженерия». Работал по специальности в частном бизнесе в Швейцарии и США. Полковник Генерального штаба швейцарских вооруженных сил, в прошлом – командир инженерного батальона, офицер штаба танковой бригады, сотрудник Министерства обороны Швейцарии (административный отдел центрального бюро по международным отношениям и обучению). В 2000 г. находился в течение нескольких месяцев в составе миротворческих сил в Косово. Адрес электронной почты: urs.sulser@eda.admin.ch

Зульхарнеев Альберт Фархатович – директор образовательной программы ПИР-Центра, аспирант кафедры мировой политики Государственного университета Высшая школа экономики. Выпускник магистратуры факультета международных отношений Уральского государственного университета (2008) и магистратуры исторического факультета Центрально-европейского университета (2007, Будапешт, Венгрия). В 2007 г. прошел стажировку в ПИР-Центре. Адрес электронной почты: zulkharnееv@pircenter.org

Ибрагимова Галия Ринатовна – консультант ПИР-Центра, представитель журнала *Индекс Безопасности* в Ташкенте. Научный сотрудник Университета мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан). Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе МВА в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда конференций по проблемам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной Летней Школы по проблемам международной безопасности (2008). Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Каньшин Александр Николаевич – член Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации, председатель Совета директоров Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооруженных сил (МЕГАПИР), полковник в запасе. Окончил Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище им. А.И. Еременко в 1977 г., Военно-политическую академию им. В.И. Ленина в 1990 г. В 1985–1991 гг. – помощник начальника политуправления по комсомольской работе Северо-Кавказского военного округа и Сухопутных войск. В 1991–1993 гг. – старший офицер аппарата по работе с личным составом Сухопутных войск.

Князева Елена Георгиевна – полковник, исполняющая обязанности начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны Российской Федерации (ранее – заместитель начальника). Окончила Военный институт иностранных языков (Военный университет). Преподаватель, затем начальник кафедры английского языка Военного университета. Доктор филологических наук.

Козюлин Вадим Борисович – директор проекта по обычным вооружениям ПИР-Центра. Родился в 1965 г. Научный сотрудник ПИР-Центра с 1994 г. Профессор Академии военных наук. В 1990 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 2002 г. окончил Всероссийскую академию внешней торговли по специальности «управление военно-техническим сотрудничеством». Работал в МИД СССР/РФ, затем в отделе эксклюзивной информации газеты *Московские Новости*, был представителем РГП *Казспецэкспорт* в России. Сотрудничает с компаниями-специалистами стран СНГ и дальнего зарубежья. Адрес электронной почты: kozyulin@pircenter.org

Коротченко Игорь Юрьевич – главный редактор журнала *Национальная Оборона*, полковник запаса. Окончил Тамбовское высшее военное авиационное инженерное училище имени Ф.Э. Дзержинского. Проходил службу в частях военно-воздушных сил (1982–1984 гг.), Главном штабе ВВС (1984–1987 гг.), Генеральном штабе Вооруженных Сил (1987–1994 гг.). С 1994 г. – военный обозреватель *Независимой Газеты*. С 2003 г. – главный редактор еженедельника *Военно-Промышленный Курьер*. С 2006 г. – издатель журнала *Национальная Оборона*. Член Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации. Адрес электронной почты: rusarm@mail.ru

Лата Василий Филиппович – генерал-лейтенант (в отставке), профессор, ведущий научный сотрудник Академии ракетных войск им. Петра Великого, профессор кафедры ракетных войск и артиллерии Военной академии Генерального штаба. Действительный член Академии военных наук. Более 35 лет проработал в структурах Министерства обороны СССР/России, в том числе в 1992–1994 гг. – начальник направления и первый заместитель начальника управления военной политики МО РФ. Затем – начальник Оперативного управления Главного штаба РВСН и первый заместитель начальника Главного штаба РВСН. Консультант ПИР-Центра, член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*. Адрес электронной почты: lata@pircenter.org

Литовкин Виктор Николаевич – военный обозреватель, заместитель ответственного редактора газеты *Независимое Военное Обозрение*. Окончил факультет журналистики Высшего военного училища, редакторское отделение Военной академии. Работал в газете *Известия*, в *Общей Газете*, в агентстве *РИА Новости*. Адрес электронной почты: vlitovkin@rambler.ru

Лузин Павел Александрович – аспирант Института мировой экономики и международных отношений РАН. В 2008 г. – стажер ПИР-Центра. В 2007 г. окончил историко-политологический факультет Пермского государственного университета. В 2006–2007 гг. работал в качестве корреспондента краевой общественно-политической газеты *Новый Компаньон*. Адрес электронной почты: pavel_all@mail.ru

Макеев Александр Алексеевич – член Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации, майор запаса, кандидат политических наук. В 1999 г. окончил Московский институт государственного администрирования, в 2002 г. – Российскую академию государственной службы при Президенте РФ. В 1990–1992 и 1999–2002 гг. проходил службу в ВДВ.

Мальцев Владимир Васильевич – начальник кафедры Военной академии РВСН им. Петра Великого. В 1982 г. окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1985 г. получил степень кандидата военных наук, с 1992 г. – доцент, с 2007 г. – профессор. С 1980 г. работает в Военной академии РВСН. Сферой научных интересов является космическая системотехника.

Мельникова Валентина Дмитриевна – член Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации, инициатор создания и ответственный секретарь Союза комитетов солдатских матерей России. Окончила геологический факультет Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова по специальности «кристаллограф». С 1989 г. вела правозащитную и просветительскую работу во Всесоюзном комитете солдатских матерей России, являлась пресс-секретарем организации. Куратор проекта «Общественная инициатива – гражданин и армия».

Морен Жан – бригадный генерал, атташе по вопросам обороны посольства Франции в России. Окончил Высшее офицерское училище Сэн-Сир. В 2000–2002 г. был командиром полка 13-й полубригады Иностранного Легиона (Джибути). В 2002–2004 гг. – начальником штаба 11-й воздушно-десантной бригады (Тулуз). В 2004–2005 гг. – слушатель в Академии Генерального штаба РФ. В 2005–2006 гг. – начальник службы «Государственная Сессия» в Институте высших исследований государственной обороны (Париж). В 2006–2009 гг. – начальник управления международных организаций Генерального штаба Вооруженных сил Франции. Адрес электронной почты: jean.maurin@diplomatie.gouv.fr

Мясников Евгений Владимирович – ведущий научный сотрудник Центра по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при Московском физико-техническом институте, где работает с 1992 г. Окончил факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ в 1985 г. После окончания аспирантуры МФТИ в 1988 г. и защиты диссертации работал научным сотрудником в НПО ЭЛАС и старшим научным сотрудником НПО ОЛТЭКС в г. Зеленограде. Адрес электронной почты: miasnikov@armscontrol.ru

Пономарев Сергей Алексеевич – заместитель руководителя Федерального космического агентства РФ. В 1976 г. окончил Серпуховское высшее военное командное училище. В 1987 г. – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. С 1976 по 2006 г. проходил службу на различных должностях в ракетных войсках стратегического назначения. С августа 2006 г. по февраль 2008 г. работал в Федеральном космическом агентстве начальником Сводного управления организации космической деятельности. Автор ряда научных статей. Награжден орденами Красной Звезды, «За военные заслуги», «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Рогозин Дмитрий Олегович – Чрезвычайный и Полномочный Посол, постоянный представитель России при НАТО. В 1986 г. окончил международное отделение факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1988 г. – экономический факультет Университета марксизма-ленинизма при Московском городском комитете КПСС. С 1990 г. –

первый вице-президент научно-исследовательской и образовательной организации *РАУ-Корпорация*. В марте 1993 г. создал и возглавил народно-патриотическое движение «Международный конгресс русских общин». В 1997–2007 гг. – депутат Государственной Думы ФС России. В 2000–2003 гг. – председатель Комитета ГД по международным делам. Руководитель делегации Госдумы и Совета Федерации в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ). С июля 2002 г. по август 2003 г. отвечал за переговоры с Европейским Союзом (ЕС) и Литовской Республикой в качестве специального представителя президента по вопросам обеспечения жизнедеятельности Калининградской области.

Фролов Андрей Львович – независимый эксперт. Окончил факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. В 2003 г. – выпускник российско-французской магистратуры МГИМО МИД РФ. В 2003–2004 гг. – научный сотрудник ПИР-Центра, выпускающий редактор журнала *Ядерный Контроль*, редактор электронных изданий ПИР-Центра *Ядерный Контроль: Информация и Вопросы Безопасности*. Адрес электронной почты: andrew_han@mail.ru

Де Хаас Марсель – подполковник, старший научный сотрудник Нидерландского института международных отношений Клинендал. В 2004 г. окончил аспирантуру университета Амстердама, в 1987 г. – магистратуру университета Лейдена (Нидерланды). Профессор Академии национальной обороны Министерства обороны Нидерландов. Автор более 150 публикаций по вопросам обороны и национальной безопасности, а также по политике безопасности России. Адрес электронной почты: mhaas@clingendael.nl

Шлыков Виталий Васильевич – председатель Комиссии Общественного Совета при Министерстве обороны РФ. В 1958 г. окончил МГИМО МИД СССР. С 1958 г. служил на различных должностях в Главном разведывательном управлении (ГРУ) Генерального штаба ВС СССР. С октября 1990 г. по август 1992 г. был заместителем председателя Государственного комитета РСФСР по общественной безопасности и взаимодействию с Министерством обороны и КГБ СССР. В 1989–1990 гг. – ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (отдел военно-политических исследований). В 1991 г. стал одним из основателей Совета по внешней и оборонной политике (СВОП). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: shlykovvv@mail.ru

ЭКСПЕРТНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 10 января 2011 г.)

Айнхорн Роберт, Старший советник госсекретаря США, Госдепартамент, Вашингтон, США

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий лабораторией, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия

Антонов Анатолий Иванович, посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., член-корреспондент РАН, руководитель центра, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики, МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия

Банн Джордж, проф., консультант, Центр международной безопасности и сотрудничества, Стэнфордский университет, Пало-Альто, США

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Бертч Гэри, проф., основатель Центра международной торговли и безопасности, Университет Джорджии, Афины, США

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002–2009 гг.), Москва, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е.И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., директор, Департамент общеевропейского сотрудничества, МИД РФ, Москва, Россия

Геттемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США

Данапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, Коломбо, Шри-Ланка

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Джонсон Ребекка, д-р, исполнительный директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, к.п.н., директор департамента стратегии коммуникаций, управление общественных связей, *ТНК-ВР*, Москва, Россия

Елеуенов Дастан Шериазданович, к.ф.-м.н., советник, посольство Республики Казахстан в США, Вашингтон, США

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель центра, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., ректор, Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, Фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия

Лаверов Николай Павлович, д.г.-м.н., проф., академик РАН, вице-президент, Российская академия наук, Москва, Россия

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия

Лукьянов Федор Александрович, главный редактор, журнал *Россия в Глобальной Политике*, Москва, Россия

Лысенко Михаил Николаевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, директор, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Льюис Патриция, д-р, заместитель директора, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Людекинг Рюдигер, постоянный представитель Германии при ООН и других международных организациях, Вена, Австрия

Маргелов Михаил Витальевич, председатель, Комитет по международным делам, Совет Федерации ФС РФ, Москва, Россия

Международная Жизнь, журнал, Москва, Россия

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия

Мурогов Виктор Михайлович, профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия

Мурсанков Сергей Геннадьевич, заместитель директора, Аналитический центр, ОАО «Объединенная авиастроительная корпорация», Москва, Россия

Мюллер Харальд, д-р, проф., директор, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия

Новиков Владимир Евгеньевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований, Москва, Россия

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, Центр по изучению проблем европейской безопасности, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, вице-президент, РНЦ *Курчатовский институт*, Москва, Россия

Радчук Александр Васильевич, советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия

Решетников Леонид Петрович, генерал-лейтенант, директор, Российский институт стратегических исследований (РИСИ), Москва, Россия

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, МФТИ, Москва, Россия

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Семин Валерий Витальевич, д.т.н., проф., старший советник Постоянного представительства РФ при НАТО, Брюссель, Бельгия

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Соков Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., старший научный сотрудник, Центр изучения проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия

Трубников Вячеслав Иванович, генерал армии, член дирекции, ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., заместитель директора, Департамент международного сотрудничества, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Федоров Александр Валентинович, к.ф.-м.н., эксперт Службы внешней разведки, Москва, Россия

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности (NPSGlobal), Буэнос-Айрес, Аргентина

Хлопков Антон Викторович, директор, Центр энергетики и безопасности, Москва, Россия

Цзи Чжие, вице-президент, Китайская академия современных международных отношений, Пекин, КНР

Шлык Виталий Васильевич, председатель, Комиссия Общественного Совета при Министерстве обороны РФ по политике безопасности и проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов, разрабатываемых в Минобороны России, Москва, Россия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия

СОВЕТ ПО УСТОЙЧИВОМУ ПАРТНЕРСТВУ С РОССИЕЙ

(по состоянию на 10 января 2011 г.)

Антонов Анатолий Иванович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, к.э.н., директор, Департамент по вопросам безопасности и разоружения, Министерство иностранных дел РФ, Москва, Россия

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международного договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002 – 2009 гг.), Москва, Россия

Ганкин Леонид Эммануилович, заведующий отделом, отдел внешней политики, газета *Коммерсант*, Москва, Россия

Зевелев Игорь Александрович, д.п.н., директор Московского филиала, Фонд МакАртуров, Москва, Россия

Орлов Владимир Андреевич, к.п.н., президент, ПИР-Центр, Москва, Россия

Пайфер Стивен, посол, старший научный сотрудник, Институт Брукинга, Вашингтон, США

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США

Скуазони Шэрон, директор, старший научный сотрудник, Программа по предотвращению распространения, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США

Спасский Николай Николаевич, к.и.н., д.п.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, заместитель генерального директора, Государственная корпорация по атомной энергии *Росатом*, Москва, Россия

Холловэй Дэвид, д-р, проф., член Совета директоров, Фонд Плаушерс, Сан-Франциско, США

Хоффман Дэвид, редактор международного отдела газеты *Вашингтон Пост* (2001–2009 гг.), Вашингтон, США

Эллеман Майкл, старший научный сотрудник, Международный институт стратегических исследований, Вашингтон, США

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 10 января 2011 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина

Бужинский Евгений Петрович, генерал-лейтенант, начальник Международно-договорного управления – заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ (2002 – 2009 г.), Москва, Россия

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка

Дунай Пал, руководитель программы по международной безопасности, Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., президент, фонд *Новая Евразия*, Москва, Россия

Поттер Уильям, проф., директор, Центр исследования проблем нераспространения им. Джеймса Мартина, Монтерейский институт международных исследований, Монтерей, США

Рамальо Антонио, профессор международных отношений, Университет Бразилиа, Бразилиа, Бразилия

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский Центр Залива, президент Sager Group Holding, Дубай, ОАЭ

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия

Толипов Фарход Фазилович, политолог, Ташкент, Узбекистан

Уникришнан Нандан, директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник, исследовательский фонда *Observer*, Дели, Индия

Эггерт Константин фон, член Королевского института международных отношений, Москва, Россия